А. П. Савицкий

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ТУРКЕСТАНЕ

Издательство СамГУ
ТАШКЕНТ — 1963

В. И. Ленин номидаги Тошкент давлат университети
Ташкентский государственный университет
им. В. И. Ленина

Новая серия, выпуск 216
Исторические науки, книга 44

А. П. САВИЦКИЙ

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ТУРКЕСТАНЕ

(В проектах и законе 1867—1886 гг.)

Ответственный редактор
доц. М. Назаров

Михаилу Иванович
Шевердину,
с искренним
уважением.
А. Савицкий

ИЗДАТЕЛЬСТВО СамГУ
Ташкент — 1963

Введение

Вопрос земельных отношений в Средней Азии в новое время, можно сказать, почти не исследован. Отсутствие данных по этому вопросу, вопросу базиса, крайне затрудняло и продолжает затруднять разработку политической истории республик Средней Азии, а также подготовку курсов истории страны, читаемых в вузах республики.

Именно подготовка курса истории Средней Азии и Узбекистана в новое время явилась первым побудителем решения приступить к исследованию указанной проблемы.

Было сразу ясно, что выполнение работы потребует преодоления больших трудностей и, прежде всего, займет большое время для изучения обширнейшего разбросанного по разным фондам архивного материала, касающегося этого сложного и во многом противоречивого вопроса. Но необходимость в данных материалах становилась все более настойчивой и безотлагательной, ибо углублять изучение истории страны — страны аграрной в дореволюционное время, не изучив аграрного и поземельного вопросов, в частности, было далее невозможно. В то же время, очевидным становился тот факт, что выявление реальных отношений, которые существовали в туркестанской деревне ко времени завоевания Средней Азии было исключительно сложным и, по всей вероятности, в известной мере недоступным, во всяком случае до тех пор пока не будут введены в научный оборот материалы ханских архивных фондов. До сего времени мы, к сожалению, не располагаем такими материалами.

В связи с этим, поиски в этом направлении, предпринятые туркестанскими властями сразу после завоевания оказались такими, которыми пренебрегать в исследовании, было бы неразумным и в данной работе вопрос поземельного устройства Туркестанского края рассматривается используя, главным образом, именно это средство проникновения в существо проблемы.

При почти полном отсутствии статистического материала и крайней бедности прочих данных относящихся к поземельным

отношениям в туркестанской деревне, этот путь при всех своих недостатках может, по нашему мнению, быть с пользой принятым для исследования.

В защиту такого заключения говорят следующие обстоятельства: во-первых, те кто занимался изучением этого вопроса в 60—70-х годах и участвовал в разработке поземельных проектов и мер, имели преимущество во времени; они могли пользоваться еще живыми свидетельствами и материалами, которые не сохранились до наших дней и во вторых, острота вопроса и явная неотложность его решения, требовали серьезного, вдумчивого отношения к делу и привлечения к этой работе наиболее подготовленных и способных к изучению вопроса сотрудников (имеется в виду, в частности, А. Ф. Мидлендорф и А. Н. Куропаткин и др.).

Более десяти лет продолжались поиски материалов в историческом архиве Узбекской ССР, в фондах которого — канцелярия генерал-губернатора, совет генерал-губернатора и краевого управления земледелия и государственных имуществ — хранятся многочисленные данные по интересующему нас вопросу, но, к сожалению, в весьма разбросанном виде.

Анализ и обработка собранного обширного материала выявили прежде всего, что положивший начало разработке поземельного вопроса в Туркестане и практически осуществивший некоторые меры в этой области К. П. Кауфман и привлеченные им сотрудники, определяя нормы предполагаемых поземельных отношений, исходили при этом из: 1) опыта разработки и осуществления крестьянских реформ в России; 2) результата изучения существовавшей ко времени присоединения Туркестана к России местной практики поземельных отношений и 3) норм мусульманского шариатского поземельного права.

Уже в первых проектах 1871—1873 гг. мы находим много заимствований из закона о поземельном устройстве государственных крестьян 1866 г. Например, в туркестанских проектах термины: «владение», «оброчная подать», «постоянное пользование» и, наконец, «владенная запись» взяты из закона 24 ноября 1866 г. «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях».[1] Что касается изучения форм и практики землевладения в Туркестане до присоединения, то необходимость этого верно выразил академик А. Ф. Мидендорф, писавший: «Россия, которая в Средней Азии в течение целых столетий имела дело исключительно с кочевыми народами, в 1864 г. впервые вступила в сношения с центрами оседлой стародавней культуры. Ближайшее знакомство с этой культурой было настолько чуждо вошедшему в страну побе-

дителю, что даже через три года после занятия края были совершенно оставлены без внимания аграрные вопросы в законоположениях, созданных для урегулирования новых отношений».[2]

По этой же причине в нашей работе уделено некоторое внимание вопросу о формах землевладения, которые существовали здесь в Туркестане до присоединения к России. Важно было знать как изучался этот новый вопрос и какое именно сложилось представление по этому вопросу у туркестанской администрации. Кроме того, хотя задачей данной работы являлось исследование поземельного вопроса в границах только Туркестанского края, тем не менее эти прошлые формы землевладения продолжали существовать на территории Бухарского и Хивинского ханств.

Что касается изучения норм шариатского поземельного права, знание и учет которых К. П. Кауфман считал совершенно необходимыми при определении нового порядка землевладения в крае, то для этой цели на работу в край приглашены были ряд лиц с востоковедческим образованием (Ростиславов, Идаров, Пантусов, Пашино, Кун и другие).

Собранные материалы позволили составить сравнительно полную картину не только мероприятий, осуществленных по поземельному вопросу в Туркестане, но и изложить содержание многочисленных проектов изменений и дополнений законов по поземельному устройству этого края, что, в свою очередь, дает законченную историю изучения поземельного вопроса в Туркестане после присоединения к России.

В данном исследовании предпринимается попытка дать историю разработки проектов поземельного устройства Туркестанского края, руководствуясь следующей, в высшей степени справедливой, установкой академика Н. М. Дружинина: «Нельзя устранить из исторического процесса живые индивидуальности. История совершается живыми людьми, мыслящими и чувствующими в соответствии с задачами своего времени. Поэтому характеристика новых деятелей, подготовивших и проводивших в жизнь киселевскую реформу, освещение их взглядов, планов и действий является правомерным и неотъемлемым элементом предпринимаемого научного исследования».[3]

Нет надобности доказывать, что данное положение имеет принципиальный характер и полностью относится и к нашему исследованию, тем более, что и в Туркестане в разработке поземельного вопроса принимали участие передовые прогрессивные деятели, такие как П. И. Хомутов, называвшийся его современниками «туркестанским Сперанским».

Сущность разрабатываемых проектов поземельного уст-

ройства Туркестанского края К. П. Кауфманом и его сотрудниками и меры по практическому их осуществлению довольно противоречивы и порой резко расходились с планами и взглядами министров царского правительства.

Известно, например, что Туркестанские проекты 1873 и 1881 гг. были отвергнуты царским правительством, находившим предлагаемые меры в области земельного устройства «опасными в политическом отношении». Между прочим, К. П. Кауфман по этому вопросу писал :«Решительно только одному лишь совершенному незнанию условий края приписать должно все остальные возражения упомянутых министров, касавшиеся того устройства края, которое было предложено мною».

Определив после соответствующего изучения вопроса, что нормы поземельного устройства, принятые в России, на том этапе не применимы к Туркестану, Кауфман предложил осуществление таких либеральных мер по землевладению в Туркестанском крае, которые для своего времени были несомненно положительными. Невозможно не признать, что упразднение мильковых привилегий, ограничение вакуфного землевладения и передача амляковых земель во владение тех, кто их обрабатывал, имели исторически прогрессивные последствия.

В подтверждение этого, нам кажется, достаточно привести только одно сравнение процесса развития сельскохозяйственного производства и хлопководства в Туркестанском крае и в Бухарском Эмирате.

Сохранившаяся в Бухаре после завоевания амляковая форма землевладения обусловила резкое отставание развития сельского хозяйства и хлопководства по сравнению с Туркестанским краем.

Прибыв в Туркестанский край Кауфман вскоре убедился прежде всего в том, что осуществление планов колонизации края явится задачей, практическое осуществление которой возможно только после завершения завоевания всей Средней Азии и что никакого маневренного фонда земель в оседлых районах Туркестана для целей колонизации в действительности не имеется.

Все удобные земли заняты и используются, а получение других земель за счет нового орошения невозможно из-за отсутствия средств. Все внимание, средства и силы в то время были отданы завоеванию края и в этих условиях не могло быть и речи ни о каких мерах, осуществление которых могло бы вызвать внутренние осложнения и усилить недовольства населения.

Этим объясняются и такие «неожиданные» меры как официальный запрет переселения и купли земли в Туркестане русскими предпринимателями. Нужно иметь в виду также, что Туркестан по этим причинам не мог быть тогда рынком для закупки хлопка для русской промышленности. Он становится им значительно позднее.

Наряду с этим, в лице П. К. Кауфмана мы знаем видного и опытного представителя царского правительства, пользовавшегося особым доверием Александра II и признанного осуществлять реакционные колонизаторские планы царизма в Средней Азии. Бесспорно также, что в целом политика Кауфмана носила колонизаторский характер.

Такое, на первый взгляд, противоречие приводило некоторых исследователей к явно неверным и путанным выводам и заключениям. Упускалась из вида и не учитывалась обстановка, сложившаяся ко времени разработки и осуществления поземельной реформы. Русскому царизму в сложных международных условиях, вызванных обострением англо-русских противоречий, необходимо было преодолеть сопротивление местных народов завоевателю и закрепиться на огромной территории, опираясь на сравнительно небольшие вооруженные силы.

Укрепиться на присоединенной территории при тогдашней политической обстановке и неотложной необходимости сломить сопротивление феодальной землевладельческой знати, возможно было только при условии крайней осторожности и широкого гибкого политического маневра.

Предлагаемые Кауфманом меры по поземельному устройству явились одним из таких политически тонких маневров и диктовались необходимостью неотложно решить задачу прочно утвердиться на завоеванной территории.

Как известно, эта политическая задача была Кауфманом решена и среди средств, благодаря коим это было достигнуто, видное место принадлежит осуществлению планов в области поземельного вопроса. Таким образом, признание прогрессивности поземельных мер Кауфмана ни в малейшей степени не находится в противоречии с колонизаторской сущностью реакционной политики царских властей в Туркестане.

Затянувшееся на четверть века присоединение Туркестана к России позволяет заключить, что история Средней Азии в этот период преодолела очень сложный процесс развития. В. И. Ленин указывает, что вначале происходит политическое завоевание, а потом экономическое освоение новой территории.[4]

Нельзя забывать, что кауфманские поземельные планы разрабатывались и начали осуществляться именно в это время — время завоевания, то есть в 70—80 гг. XIX века.

Когда с одинаковой ясностью для исследователя будут выявлены и сущность мер по поземельному вопросу, определяющаяся последующими результатами, и причины этих мер, в смысле того, что вынудило туркестанские власти осуществить именно эти меры, не будет вызывать недоумений характер аграрных мероприятий, разрабатываемых и осуществляемых в Туркестане в 70—80 годы прошлого века. Отпадут эти недоумения, хотя на первый взгляд поземельные мероприятия и будут казаться трудно сопоставимыми с тем положением, которое складывалось в России в результате крестьянской реформы 1861 года.

Всего несколько лет прошло после этой реформы, когда началось поземельное переустройство Туркестанского края, и в России еще действовали выкупные и прочие стеснительные условия для крестьянства, а из истории туркестанского крестьянства этого же периода были исключены такие общеизвестные понятия, как выкуп и отрезки.

Отняв земли у милькадаров и резко сократив вакуфное землевладение, туркестанские власти не утруждали себя посредничеством между бывшими владельцами и теми, кому земля передавалась, как это было с осуществлением выкупной операции в России.

Наряду с этим, как нельзя более убедительно выступает реакционная, колонизаторская сущность политики царского правительства в Туркестане в том, что положительные последствия кауфманской поземельной реформы для крестьян Средней Азии были неустойчивы и кратковременны.

Уже с 90-х годов прошлого века положение начинает быстро изменяться в сторону резкого ухудшения положения в туркестанской деревне, и начало нового века явило картину бедственного положения крестьянства колониальной окраины, которое с каждым годом все более ухудшалось, что и выражало действительную и настоящую сущность тех мер, которые проводились реакционными крепостниками и служили их колонизаторским целям.

Литература по поземельному устройству Туркестанского края в дореволюционный период весьма невелика, причем нет совершенно специальных исследований по этому вопросу. В опубликованных трудах по истории Узбекистана[3] вопросу поземельных мероприятий после присоединения уделено совершенно незначительное внимание, причем, в них нет даже краткой эволюции земельных отношений в дореволюционный период.

Оценка поземельных мероприятий Кауфмана противоречива. На стр. 109 Истории Узбекской ССР (т. I, кн. 2, изд. 1956 г.) указывается, что «... эти реформы (в земельных отношениях— А. С.) были направлены прежде всего на усиление эксплуатации местного населения»; на стр. 112 устанавливалось, что: «Новое земельное устройство оседлого населения, ослабившее феодальные элементы и их власть, носило в общем прогрессивный характер». То же самое можно сказать и в отношении податного устройства края. На той же 109-й стр. сообщается, что царские власти в Туркестане в течение долгого времени «сохранили почти в неприкосновенности действующую при ханах систему налогов». На 11-й же странице говорится совсем иначе, что «в результате сокращения милькового и вакуфного землевладения значительно сократились арендные платежи. Сократился примерно вдвое и размер государственных налогов: вместо прежних 20% валового дохода в казну теперь взыскивалось 10%».

Между тем даже и последняя оценка податного обложения не может быть признана правильной уже по одному тому, что с упразднением мильковых привилегий и передачей заселенных вакуфных земель в разряд амляковых, арендные платежи совершенно упразднились.

Вообще этот раздел рассматриваемой книги имеет много противоречивых положений. Например, после приводимой выше оценки земельной реформы сообщается (стр. 112), что «... одновременно создавались предпосылки и для возникновения крупного кулацкого землевладения», причем, ссылка делается на высказывание сенатора Палена, ревизовавшего Туркестанский край в 1909 г., а в качестве примера используются данные 1898 г.

Таким образом, верное это утверждение для конца XIX века не имеет оснований быть распространенным на положение, сложившееся в 70—80 гг., когда, как известно, действовали прямые ограничения в праве на отчуждение земель.

Крайне недостаточно мотивировано утверждение о сохранении в Средней Азии форм эксплуатации, существовавших до присоединения к России. По всей вероятности формы эти принимали другой вид с изменением классовых отношений в туркестанской деревне. То же самое можно сказать и в отношении утверждения о том, что господствующее положение в Туркестане после присоединения занимала в сельском хозяйстве издольная аренда.

Какое-то время после реформы аренда эта если и не была полностью на некоторое время ликвидирована, то, во всяком случае, претерпела существенные изменения, как о том пра-

вильно говорится на стр. 112 — «самым важным результатом проведения мероприятий 1886 г. в области земельных отношений явилось то, что было ликвидировано военно-феодальное землевладение, так как земельная аристократия **до этого** (подчеркнуто мною — А. С.) сдавала $^{9}/_{10}$ своих земель в аренду мелким крестьянам. Теперь абсолютно преобладающая часть этих земель переходила в руки обрабатывающих их крестьян на правах потомственного их владения».

Правильное это положение в период, когда стали развиваться байские хозяйства, не может оставаться вне времени. К 1886 г. во всяком случае, оно не применимо.

Много других подобных неточностей содержится в этой книге, хотя в целом труд этот является результатом большой и кропотливой работы и представляет значительный исторический интерес.

Из монографической литературы наиболее содержательной следует считать работу Е. Зелькиной «Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии».[7]

В этой работе значительное место отведено анализу земельных отношений, существовавших в Средней Азии к моменту присоединения к России, однако, ряд видвинутых автором положений слабо мотивирован и не подтвержден конкретными данными. К числу таких утверждений Е. Зелькиной относится и следующее: «... Итак, к моменту завоевания, помимо отмирающей государственной собственности в Средней Азии существовала и крестьянская, и феодальная собственность, эволюцинирующая в направлении буржуазной собственности на землю» (стр. 20).

Возникновение крестьянской собственности на землю в Туркестане до присоединения, Зелькина связывает с разложением общины и переходом к подворно-участковому землепользованию, феодальная же собственность на землю, по словам автора, начала складываться на том же основании разложения государственной собственности и появления мильков и земельных вакуфов в результате ханских пожалований.

Если основываться на таком утверждении, то из него следует, что разложение государственной собственности на землю возникает при Тимуре и еще раньше, с появлением мильковго и вакуфного землевладения. Вряд-ли с этим можно согласиться. Условность же мильковго землевладения определяется тем, что его действие распространилось только на период правления хана, подтвердившего данный мильк.

Что касается так называемой крестьянской собственности на землю, то условность даже участкового владения на амляковых землях общеизвестна и заявление Е. Зелькиной о том,

«что к моменту завоевания от общинного землепользования на государственных землях остались одни воспоминания», — не может считаться доказанным.

Е. Зелькина в определении форм землепользования в Туркестане до завоевания высказывает противоположные суждения в сравнении с тем, что говорится по этому поводу в работе К. М. Мирзаева.[8]

В отношении же определения Е. Зелькиной характера поземельных проектов К. П. Кауфмана, то здесь имеет место явное противоречие. Считая, что «национализация земли», то есть передача ее самодержавному государству и сохранение общины »— является программой русского самодержавия в первый период после завоевания (стр. 30), она утверждала далее:«за частную собственность на землю, против национализации, за подворно-участковое землевладение, против общины, — вот в чем основной смысл положений 1886 г.» (стр. 33).

Между тем хорошо известно и доказано, что раздел поземельного устройства Туркестанского положения 1886 г. полностью основан на принципах, выдвинутых К. П. Кауфманом в проектах 1873 и 1881 гг., то есть в первый период после завоевания. Ни о какой национализации земли, следовательно, не могло быть и речи.

То же самое можно сказать и о политике, рассчитанной на «сохранение общины». В действительности, в большинстве случаев при разработке проектов поземельного устройства предпочитался подворно-участковый способ землевладения и только на первом этапе установления новой податной системы в Ферганской долине, сумма налога определялась не на двор, а на селение, но и это вскоре было отменено ввиду резкого недовольства населения.

В серьезном научном исследовании А. М. Аминова «Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период)»,[9] к сожалению, земельному вопросу, который хотя и признается автором «важнейшей проблемой экономической политики царизма в Средней Азии», отведено небольшое место, он охарактеризован слишком сжато и указаны лишь отдельные этапы политики туркестанских властей в этой области.

В большом и вполне квалифицированном исследовании отводится слишком мало места и полного изложения эволюции землевладения здесь, конечно, не сообщается. Очень правильно А. М. Аминов считает, что в Средней Азии русская власть пошла прямо противоположным путем в поземельном вопросе, сравнительно с той политикой, которая проводилась в России в 60-х годах прошлого века.

Этот вывод решительно позволяет признать несостоятель-

ным заявление некоторых исследователей, что поземельные мероприятия 70—80-х годов в Туркестане лишь юридически оформляли существовавшие при ханах земельные отношения, основанные на обычном праве,[10] и вполне верно его утверждение, что никакой национализации земли в Туркестане не происходило.

Нельзя согласиться лишь с тем, что стремление царских властей переустроить земельные отношения якобы не привело к определенным результатам. Конечно, решить земельный вопрос было не под силу царскому правительству — правительству дворян крепостников. Это на первом этапе являлось задачей буржуазно-демократической революции, окончательно же вопрос этот, как известно, решила социалистическая революция. Но несомненно, что определенные и значительные изменения в поземельном переустройстве Туркестана произошли и до революции.

Перечисленными работами, можно сказать, и исчерпан список литературы, касающейся поземельных мероприятий царского правительства в Туркестане в первый период 60—80 годов XIX века.

Выше говорилось, что основным источником получения материала для данного исследования являлись фонды Центрального архива УзССР. К названным выше фондам следует добавить еще фонд П. И. Хомутова (№ 1008), поступивший в Ташкент из Ленинграда в котором оказалось много ценных материалов по поземельному вопросу.

Можно сказать, что во всех упомянутых фондах имеются материалы **полностью** представляющие историческую эволюцию форм земельного владения в Средней Азии в колониальный период (1867—1917 гг.). Использован в работе также и такой интересный источник, как материалы ревизии Туркестанского края сенатором Гирсом (1883 г.). Приняты во внимание и публикации по поземельному вопросу в местной периодической печати того времени.

Данные о проектах поземельного устройства, представленных генералом Кауфманом (1867—1881 гг.) и материалы подготовки раздела поземельного устройства Туркестанского положения 1886 г. представлены в I-м томе исследований, состоящем из двух названных глав. Объединяет материал этих двух периодов тот факт, что закон 1886 г. о поземельном устройстве Туркестанского края основан, главным образом, на принципах, выдвинутых К. П. Кауфманом.

Готовящаяся к печати вторая книга включает главы: 1) Проекты и меры по поземельному устройству Туркестанского края 90-х годов XIX века и 2) Поземельный вопрос в Туркестане 1900—1917 гг. Обе книги содержат материалы,

представляющие полную историю этого вопроса. Материалы же второй книги, в свою очередь, открывают планы подлинного колониального характера земельной политики царского правительства в Средней Азии и методы ее осуществления.

Крайняя бедность материалов, касающихся реальных отношений существовавших в туркестанской деревне накануне завоевания, отсутствие статистических данных, конечно весьма затрудняет изучение аграрного вопроса в Туркестане. Этим, повидимому, объясняется тот факт, что исследователи очень редко избирали эту область для своих научных работ, несмотря на очевидную ее важность и актуальность.

Так же бедна, как говорилось выше, и дореволюционная литература по этому вопросу. Несомненно при таких обстоятельствах, значение материалов, использованных в нашей работе, приобретает важный исторический характер, хотя само исследование остается преимущественно **источниковедческим.**

Глава I

Реформа Кауфмана

1. Первоначальные мероприятия. 2. Записка полковника Николаева. 3. Материалы комиссии генерал-майора Гомзина. 4. Комиссия по поземельному устройству Туркестанского края под председательством генерал-майора Абрамова. 5. Поземельное устройство (раздел IV) в проекте положения об управлении Туркестанского края 1873 г. 6. Письмо К. П. Кауфмана, разъясняющее сущность предложений проекта 1873 г. 7. Привлечение на работу в край востоковедов и командировка А. Н. Куропаткина в Алжир и Кашгарию. 8. Академик А. Ф. Миддендорф в Туркестане. 9. Продолжение изучения истории и основ землевладения в Средней Азии. 10. Поземельное устройство Туркестанского края в проекте 1881 г.

1. Первоначальные мероприятия

Первые шаги русских властей в деле организации управления в Туркестане после завоевания совершалось в обстановке крайне скудных представлений о новом крае. Повидимому, изучение страны ранее производилось без плана и односторонне. Во всяком случае, приступивший в 1867 г. к управлению Туркестанским краем генерал К. П. Кауфман совершенно не располагал данными о состоянии сельского хозяйства Средней Азии, о здешних формах землевладения и способах землепользования. Имеющиеся многочисленные архивные документы подтверждают, что К. П. Кауфман довольно отчетливо понимал всю серьезность и огромную важность политики в области землевладения и землепользования в завоеванной аграрной стране для укрепления политических позиций новой власти.

Именно поэтому весь период пребывания К. П. Кауфмана во главе управления Туркестанским краем — 1867—1881 — отмечен неизменно большим вниманием к вопросам изучения и разработки проектов землеустройства и в ряде случаев довольно смелым экспериментированием в этой области.

Известно, что генералу К. П. Кауфману были предоставлены необычайно большие полномочия во всех областях управления Туркестанским краем и он ими, особенно в вопросах поземельных, широко пользовался.

Для изучения существовавших в Средней Азии форм землевладения и разработки проектов нового поземельного устройства применялись разнообразнейшие меры, привлекались многочисленные исполнители как по общим, так и частным вопросам. Большое внимание было уделено исследованию норм мусульманского шариатского и обычного права и для этой цели устанавливались связи с крупнейшими ориенталистами, а также приглашались на постоянную работу в Туркестан лица, имеющие востоковедческое образование.

В самом начале 1868 года — 3 января, Кауфман поручает члену Военно-окружного совета полковнику Михаилу Никитичу Николаеву изучить и определить существующие права на земли местного оседлого и кочевого населения, а также выяснить, какими поземельными правами должно пользоваться правительство.

В предписании полковнику М. Н. Николаеву указывалось: «Для правильного гражданского устройства необходимо, чтобы в основание будущей административной деятельности **были положены твердые правила относительно поземельных прав** всех и каждого, которые должны быть уяснены после зрелого и серьезного размышления. С другой стороны, невозможность для правительства пользоваться принадлежащими ему землями вследствие того, что поземельные права не определены и не выяснены, не позволяет распространять и устраивать русские поселения...»[11]

Кроме этого, в мае 1869 года по приказанию Кауфмана в Петербург для работы в библиотеках и в научных учреждениях в целях изучения вопроса о правах землевладения оседлого населения Туркестана был командирован генерального штаба штабс-капитан Виссарион Комаров.[12]

В том же 1869 году подробная записка полковника Николаева, а также материалы штабс-капитана Комарова и востоковеда А. Л. Куна были представлены, и канцелярия Туркестанского генерал-губернатора 11 августа 1869 года докладывала Кауфману о том, что его поручение полковнику Николаеву «выяснить юридические, т. е. теоретические стороны поземельного вопроса» выполнено и «записка была составлена с возможной подробностью», и «что «докладные записки, писанные шт. капитаном Комаровым и тит. советником Куном только еще больше указали на достоинство записки Николаева». Канцелярия обращала внимание на сложность и разн-

образие существовавших поземельных прав и рекомендовала дальнейшее изучение этих прав поручить специальной комиссии, поскольку эти права могут быть «поняты лишь при близком соприкосновении с народной жизнью и изучения лишь на месте».[13]

Кауфман согласился с рекомендацией канцелярии и 6 октября 1869 года по Военно-народному управлению был издан приказ № 67 о создании специальной комиссии под председательством начальника канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, генерал-майора А. И. Гомзина, членами назначались: Председатель Сыр-Дарьинского областного правления полковник Эйлер, Председатель Семиреченского областного правления подполковник Озеров, начальник Джизакского уезда полковник Носович, начальник Аулие-Атинского уезда майор Медынский, помощник Чимкентского уездного начальника сотник Герасимов и делопроизводитель канцелярии титульный советник Савенков.

В приказе целью «поземельного съезда» (так называлась комиссия) являлось «обсуждение и разрешение поземельных правоотношений в здешнем крае» и для участия в работах съезда в качестве членов предлагалось привлечь представителей местного населения: младшего помощника начальника Кураминского уезда Омара Мартджиманова, арык-аксакала Бискентской волости Ходжа-хана Хайдарханова, председателя Карасуйского хозяйственного управления Мулла-Кул Мамбета, от города Ташкента и от всех других уездов Сыр-Дарьинской области по два члена по выбору местного начальства.[14]

Материалы работ этого съезда сохранились в историческом архиве Узбекистана в виде «Журнала поземельной комиссии» и двух докладов.

Эти материалы вместе с запиской полковника Николаева являются исходными для всей последующей работы в Ташкенте по изучению и проектированию поземельного закона для Туркестанского края.

2. Записка полковника Николаева.

В обширной записке полковника Николаева приводятся данные, являющиеся некоторым итогом предшествующей работы по изучению состояния поземельных отношений в Туркестане, основанных на шариатском праве и делается попытка определить правовые отношения в землепользовании, исходя из государственных интересов, упрочения позиции новой власти и с учетом особенностей обстановки в завоеванном крае.

Получив задачу определить «права на земли местного кочевого и оседлого населения, так и по отношению прав правительства...», полковник Николаев принципиальной основой своей работы считал, что «права на земли всех и каждого, в стране вновь приобретенной завоеванием, завися и истекая от благоволения и усмотрения верхозной государственной власти, определяются однако, по общепринятому воззрению европейских государств, по возможности с меньшим нарушением существовавших потомственных и личных прав и связанных с ними интересов, но конечно по соглашении этих прав и истекающих из них обязанностей новых подданных с общим государственным строем, интересами, правами и обязанностями его коренных подданных».

Исходя из этого, общими задачами туркестанской администрации полковник Николаев определял: а) распространение на новых подданных прав и обязанностей, коими пользуются и несут «в государстве населения однородные по происхождению, правам и обычаям и б) отмена без вознаграждения, или с вознаграждением, тех прав имущественных, кои несовместны с общим строем государства или частей его, или явно ему невыгодных или убыточных».

Что касается законов и обычаев, существовавших в стране до завоевания, то, изучая их, полковник Николаев на случай могущих встретиться трудностей находил возможным «без больших погрешностей» определять правовые нормы по тем обязанностям, какие лежали на населении «так как обязанности всегда тесно связаны с правами и одни без других не существуют».

Руководствуясь этим, полковник Николаев в своей записке права населения Туркестана на земли рассматривает в трех категориях: права кочевого и оседлого местного населения и права русских жителей.

Права на землю кочевого населения Туркестанской области

Права туркестанских кочевников на земли автор записки пытается определить по аналогии с установленными российскими земельными правами сибирских киргизов, кочевых инородцев Ставропольской губернии и калмыков, кочующих в губерниях Астраханской и Ставропольской.[15]

Закон устанавливал право владения для сибирских киргиз и право общего пользования землями, «отведенными от казны» для калмыков. Правом полной собственности на земли, таким образом, они не пользовались. Существенное значение в смысле некоторого ограждения их права пользования имела

ст. 1242, в которой говорилось: «Строго запрещается русским **самовольно** селиться на землях, во владения кочевым инородцам **отведенных**».

Автор записки заявил себя решительным противником установления права собственности на земли для кочевых племен. Опыт представления такого права башкирам он считал крайне неудачным и даже имевшим «тяжкие последствия как для башкир, так и для имевших с ним дела русских крестьян». Для обоснования такого взгляда полковник Николаев привлекает историю землепользования в восточных мусульманских странах. По его словам «азиатские владетели не могли признавать за киргизами права собственности на землю в силу мусульманского права. Они свободно отрезали земли, бывшие в пользовании кочевников для нужд государственных под крепости, укрепления, поселения гарнизонов, под города и селения».

Земля принадлежит государству, хану, эмиру. Подать — хераджи — считал Николаев — связана с понятием принадлежности земли государству и, следуя этой идее, генерал Черняев сохранил эту мусульманскую подать на территории завоеванного Туркестана. Затем эта мера была подтверждена и генералом Романовским, хотя сумма податей, внесенных за год русскому правительству, была вдвое ниже уплаченных при Кокандском правительстве.

В записке приводится случай, когда бии Биштангалинского рода подписали контракт с доверенным известного в Средней Азии купца И. Первушина — Александром Хренниковым об отдаче в аренду на 10 лет земель между реками Арысью и Богунью для сбора цитварного семени.

Выяснилось затем, что арендованная земля, составляя цепь оазисов, простирается на площади около 200 верст в длину и 60 верст в ширину. Когда эта сделка стала известной генералу Романовскому, то, несмотря на то, что она была утверждена заведующим населением центра области, сделка была объявлена недействительной, как незаконная и невозможная «по самой сущности и по принципу относительно земель киргиз...»

По мнению генерала, кочевники нигде не имеют земель и угодий в том смысле собственности, которая определяется законом. У них в этом смысле нет родовых земель. Они только пользуются кормом на тех местах, которые будут им указаны от правительства и пользуясь таким образом землями, не приобретают права продавать их, законтрактовывать, меняться на другие и т. д.

Что касается сделки доверенного купца И. Первушина, то в ней находилось сходство «с закупкой в Башкирии целых уго-

дий за кусок кумачу», и этот урок должен быть учтенным в Туркестанской области, — писал генерал Романовский. Такая точка зрения была подтверждена и Оренбургским генерал-губернатором.

Высказано далее в записке мнение и относительно дальнейшей политики в области развития земледелия в кочевых районах, причем, отвергалось предположение о выгодности для России поддержания в степях скотоводства. «Правительства, желающие блага киргизам, не могут не покровительствовать развитию землепашества» и «во всяком случае покровительство землепашеству и оседлости, как более высокой степени гражданского развития, в виду непосредственного блага народа... должно входить в расчеты правительства». Сделав такой вывод, автор записки тут же предупреждает, что наличие землепашества у киргизов еще не есть оседлость, поэтому необходимо особое законодательство, которое побуждало бы кочевников «сделаться оседлыми окончательно».

Что касается форм землепользования у кочевников, то установленным считался преимущественно общинный порядок пользования пастбищами: «киргизы пользуются землями для пастьбы на летних и зимних кочевках по родам и подразделением оных, совокупно». Пахотными же землями пользование производилось подворное и общинное начало здесь существовало только по устройству орошения и только до первого раздела орошенных земель, соразмерно участию каждого в работах по орошению.

Рекомендуя в разрабатываемом законодательстве по поземельному устройству признать за кочевниками Туркестанской области **только право пользования землями,** полковник Николаев сопровождает это следующими разъяснениями:

«1. Киргизы разных родов и подразделений их пользуются землями, отведенными им для кочевания распоряжением правительства, в пределах им указанных, или разрешенных как по летним, так и зимним кочевкам.

2. Они пользуются также пахотными землями, в настоящее время в их пользовании находящимися, а также впредь разрабатываемыми, в пределах их летовок и зимовок, но самовольно больших особых систем орошений устраивать не могут без разрешения, равно как не могут занимать без разрешения земель, оставленных сартами или киргизами из других родов.

3. Земли под кочевками и под пашнями в случае надобностей правительственных могут быть заменяемы предоставлением других земель, сообразно потребности, и в случае недостатка пашней, соразмерным вознаграждением или денежным, или угодьями, по усмотрению правительства.

4. Киргизы всех районов должны платить кибиточную подать за свои кочевья и взамен перевозочной и дорожной повинностей в размере 3 р. 50 к. с кибитки, а поземельную подать с земель, обрабатываемых в размере хераджной, во всех районах, кроме фортов № 1 и Перовского.

5. Киргизы, ведущие оседлую жизнь, и по удостоверению местных начальников обзаведшиеся достаточными постройками, соответственными требованиям прочной оседлости, по просьбам их могут причисляться к оседлому населению, а с тем вместе должно прекращаться взимание с них кибиточной подати.

6. В случае утайки обработанных земель или участков, земли эти участки должны отбираться в казну и раздаваться другим лицам, русским, сартам или киргизам, по усмотрению правительства.

По упрочении нашего же владычества, необходимо относительно распределения пахотных земель достигать ослабления и уничтожения родовых понятий, для чего покровительствуя классу эгенчей, расселять их, пользуясь удобными случаями, при вспомоществованиях от правительства, на землях других родов и между русскими поселениями, что должно поднять класс эгенчей и освободить их от родовой рабской зависимости, и с тем вместе ослабить влияние сильных родов, прямо невыгодное правительству, как ослабляющее и подрывающее его значение».

Право на земли оседлого населения Туркестанской области

Приступая к определению рекомендаций об установлении прав на земли оседлого населения, автор записки сразу же отрицает возможность распространения имперского закона по поземельному имуществу мусульман на оседлое мусульманское население Туркестанской области.

Полковник Николаев считал, что «по топографическим свойствам страны, по особенностям первоначальной обработки земель, обусловивших их распределение, по системе возделывания» жители Туркестанской области отличаются от других мусульманских, оседлых народов России.

Затем он приводит ряд положений из мусульманского поземельного законодательства и данные о практике в землепользовании, существовавшей в Туркестанской области до завоевания страны.

Земли обрабатываемые, — по его словам, подразделялись на: общественные и владельческие на праве потомственного

владения, причем общественный вид владения был первоначальным и происходил из условий искусственного орошения земель.

Общественные земли для обработки делились по жребию на количество кошей, участвовавших в общественных работах.[16] Участки общественных земель, согласно обычаю, переходили в потомственное владение в случае если владелец вырастил сад или обнес участок оградой, построил дом или засеял эту землю клевером, но с владельца и в этих случаях не снималась обязанность отправлять общественные работы соответственно количеству чаков (паев).

Данные по мусульманскому поземельному праву и существовавшая в то время в Туркестанской области практика землепользования, привела автора к следующему заключению:

1. Только необработанная земля принадлежит государству, но обработать ее и затем обратить в потомственную собственность имеет право **всякий.**

2. Обработанные земли принадлежат или обществам на правах общественного пользования, или частным лицам на правах потомственного владения.

3. Потомственная собственность истекает из общественной и обусловливается степенью обработки, сортами посевов, насаждений и строений.

4. Обязательство общественных работ равно и для земель общественных, и для земель потомственной собственности.

5. Херадж и танап обязаны платить все возделывающие землю, кроме избавленных ханскими грамотами и освобожденных беками.

6. Херадж есть признак земель общественных, танап — земель потомственного пользования.

Вместе с тем, продолжал оставаться ряд важных вопросов землепользования неясными для автора и поэтому нерешенными. К таким вопросам в рассматриваемой записке относились:

1) На каком праве состояли в пользовании земли общественные и владели ли общества правом отчуждать общественные земли?

2) На каком праве состояли у общества земли, не обработанные (выгоны, луга и т. п.), каким порядком оформлялось пользование этими землями владельцами участков земель потомственного владения и кому принадлежали эти земли — обществу или государству?

3) Вакуфное землевладение в целом.

Пытаясь выяснить эти вопросы, полковник Николаев ознакомился с работой «Описание управления г. Ташкента в пе-

риод Кокандского господства»[17], однако, эта работа не содержала, по его словам, ответа на возникшие вопросы.

Затем записка заполняется довольно пространными выписками из работы бар. Торнау[18], касающимися, главным образом, вопроса — на каком праве существовало землепользование в мусульманском обществе.

На основании этих данных автор записки полагал, что «Вся покоренная земля, за исключением земель необработанных, пустопорожних, обращалась в вакуф в пользу всего мусульманского общества... С обращением же предмета в вакуф уничтожается право собственности над оными и предмет возвращается, как говорят мусульманские законоведы, к богу, людям же предоставляется одно право пользования».

И, наконец, автор, ссылаясь на труд Н. В. Ханыкова[19], приходит к выводу, что во владениях Кокандского хана и Бухарского эмира «все земли этих районов изначально принадлежали хану и эмиру, а **следовательно принадлежат ныне,** кроме земель мильк, **государственной собственности,** жителям же отдаются, так сказать, бессрочно в пользование за установленную плату».

Что касается земель мильковых, то таковыми могли быть признаваемые только по представлению владельцами документов на эти земли за печатями хана и эмира.

На основании всех этих данных, а также материалов, полученных от начальников населения: войскового старшины Серова (Ташкент), капитана Гребенкина (Ура-Тюбе) и чиновника Южакова (Чимкент), — полковник Николаев пришел к следующему заключению:

«1. Земли обработанные, именуемые общественными, и земли, так называемые, потомственной собственности, не есть земли частных обществ или частных лиц, а только земли, предоставленные им в пользование государством за известную плату, размер которой мог изменяться от того, кем и по какой стоимости устроены орошения этих земель.

2. Государство всегда имело право прекратить продолжение пользования частных лиц этими землями, прекратив вместе с тем взимание платы за пользование ими.

3. Так как государству редко встречалась надобность отбирать земли из пользования частных лиц и тем временем уменьшать свои доходы, то конечно продолжение пользования землями представляло столько вероятий и так редко нарушалось, что право пользования было почти равносильно в практике праву собственности, а потому и установилось распоряжение землями, как собственностью, т. е. продажа их, раздел по наследству и проч., хотя конечно, в уме мусульман право госу-

дарства, хана эмира на землю всегда оставалось присущим, тем более, что от времени до времени то напоминалось».

4. Необработанные земли, принадлежащие городам, так называемые территории, есть земли общественной собственности и находятся в пользовании, таком же, как и у киргиз кочевки.

5. Земли мильк действительно есть земли потомственной собственности, освобожденные от податей, но при условии наличия документов и существования копий с них в канцеляриях правителей страны хана эмира.

6. В случае отсутствия документов и при утере копий с них, или в случаях невозможности получить справку об этих копиях, земли мильк переводятся в разряд земель амляк и облагаются податью.

7. Право обращать земли хераджа, посредством выкупа или уступкой в земли мильк, не принадлежит жителям, а только государству, хану и эмиру.

8. Тархан, т. е. освобождение земли от подати ханами и беками, есть следствие не юридического права, а личной воли — милости правителей и их поверенных и прекращаются тоже по воле их. Тархан не дает на земли права собственности потомственной. Новый правитель или распорядитель податей может продолжить милость бывшего правителя, может и прекратить ее.

9. Земли вакуфные, коими пользуются или владеют мечети или медресе, а также частью и духовенство, происходят от жертвований, дарением или государством, ханом эмиром, или частными лицами, а потому права пользования ими, владения этими землями, право не оплачивать их податью или обязанностью вносить их, прямо зависит от того, на каком праве земли эти состояли у жертвователей и кто жертвователи — государство или частные лица. Все вакуфные земли должны иметь документы, на основании которых можно определить, на каких правах они состояли, причем, конечно, все земли вакуфные, происходящие от земель мильк, при настоящем положении дел, могут быть признаны землями мильк, или обращены в земли амляк.

Впрочем, с точки зрения европейского права, все земли вакуфные, равно как и другие доходы медресе и мечетей, основанные на уступке им какого-либо права, принадлежащего только государству, как например: сбора подати или платы с государственной оброчной статьи, могут быть выкуплены или просто взяты в казну, по уплате им капитала, капитализацией дохода или по принятии на себя казною обязанности выдавать ежегодно сумму, равную собиравшемуся доходу.

10. Все земли вновь приобретенные от Коканда и Бухары не есть земли ушри или десятинные, а являются землями хераджи, платящими по праву до половины урожая.

11. Подать танапная есть только вид подати хераджа и взимается не с земель того или другого рода, а со всех земель, принадлежащих государству и, следовательно, подлежащих оплате хераджем.

Танап взимается деньгами по определенной цене с танапной меры земли и с такого рода произрастаний, которые в данной местности неудобособираемые натурой. Посему в одном районе известное произведение земли может быть обложено танапным сбором, а в другом районе то же произведение — хераджем.

12. Общественного пользования землями обработанными не существует. Раздел их производится однажды, по устройству орошения, между участвующими в работах, а затем участки остаются в пользовании у однажды получивших их и переходят по наследству родным или продаются в чужие руки, с обязательствами на них лежащими перед казной.

13. В случаях надобности земли отбирались ханом или беком иногда без вознаграждения, иногда с вознаграждением, которое, во всяком случае, определялось по оценке действительной стоимости, а не по цене, объявляемой пользовавшимся землею. В понятии мусульман, пользовавшийся отбираемой землею имел право снести строения и воспользоваться деревьями или получить вознаграждение, если земли отбирались со строением или садами.

14. В случае отдачи земель в вакуф, как и вообще при пожертвованиях в вакуф всяких недвижимых имуществ или доходов, всегда составлялся акт, при продажах в частные руки акты составлялись, но не всегда, и эти акты не давали права потомственной собственности, а имели значение уступки права на пользование, как и акты, составляющие между крестьянами, в собственности заводских губерний, на уступку в пользование усадьбой, пашен и покосов, иногда за цены весьма значительные, акты, свидетельствовавшиеся в заводских вотчинных конторах, но не дававшие крестьянам права собственности при освобождении из крепостной зависимости, не освобождавшие их от оброков за купленные земли и от обязательного выкупа земель у владельцев в полную собственность, при содействии правительства.

15. Незначительные увеличения обрабатываемых земель по существовавшим системам орошения вероятно допускались и без особых дозволений, но устройство новых орошений

не могло производиться без разрешения надлежащих высших властей».

Выдвигая предложения, содержащиеся в перечисленных пятнадцати пунктах, полковник Николаев был вполне убежден, что содержание их полностью соответствует мусульманскому праву, определяющему поземельные права туземного населения, праву государственной власти, а также практике поземельных отношений, существовавшей «при переходе районов в русское подданство».

Касаясь первых мероприятий после присоединения районов Туркестана к России, автор записки сообщает, что генерал Черняев после занятия г. Ташкента уменьшил поземельную подать вдвое. Кроме того, генерал Черняев стал покупать у местных жителей земли, потребные для строительства помещений для войск, управлений и для русских частей городов на занятой территории. Истраченные для этой цели суммы были довольно значительны. Так, например, только ташкентским жителям за земли тогда было уплачено свыше 10 тысяч рублей серебром. Покупка земель продолжалась и генералом Романовским. Определение стоимости земли при этих покупках производилось без всякой системы и по этому поводу в записке указывалось, что «проявлялась идея необходимости в первое время ласкать, баловать жителей, дать им скорее то, чего не следует, нежели породить какое-либо неудовольствие».

Николаев резко отрицательно оценивает эти мероприятия первых русских администраторов в Туркестане и считает, что они породили сложную, запутанную систему в землепользовании и провели к многим злоупотреблениям со стороны землепользователей.

Он приводит пример, когда генералу Мантейфелю была в Ура-Тюбинском районе предъявлена претензия о закреплении за землевладельцами до половины всех земель района на праве милька: между тем, до этого капитану Гребенкину заявлялось, что под мильками состоит только четвертая часть всех земель. Отсутствие строгого порядка определения стоимости земли и все увеличивающиеся сделки на покупку земель русскими повлекли за собой небывало резкий подъем цен на землю, причем, по свидетельству войскового старшины Серова, цены на землю в сделках между многими жителями оставались почти прежними, а невероятно высокие цены предъявлялись лишь при сделках с русскими — «побежденные буквально грабят победителей. Всем известно мнение азиатов о том, что русские умный народ во всех отношениях, но деньги им ничего не значат, они сами делают их», замечает автор записки.

По той же причине приняли массовый характер всякого рода претензии на возврат земель и в обращение включались многие вновь изданные мильковые документы. Предприимчивые дельцы организовали покупку документов с печатью эмира в Бухаре. Были даже заявлены претензии на землю под помещениями для сарбазов (кокандское войско) и под конюшнями казачьих частей в кашгарском квартале гор. Ташкента.

Считая вообще покупку земель русским правительством делом непозволительным, поскольку «дорогой ценой покупались свои же земли», полковник Николаев отмечает, что русские служащие покупают земли для своего жилья «по ценам дороже земель на Петергофской дороге».

Хотя по мнению автора записки «брать земли просто без вознаграждения правительство имеет полное юридическое право», но, тем не менее, он считает, что этого допускать не следует, нужно лишь упорядочить дело оценки земель, которые будут изыматься властями или передаваться русским.

Затем в записке сообщается о том, что состояние ирригационных сооружений внушает опасение и что забота об орошении должна занимать важное место в деятельности властей.

«Азиатские правители всегда заботились о поддержании ирригации в исправности. Главные большие системы все устроены в разное время правительствами и поддерживались их попечениями из средств хераджа; даже второстепенные разветвления устраивались правительством и только поддержание их оставлялось на попечение пользовавшихся землями. Известно также, что, конечно, нигде нет таких жалких бедняков, бишары, как в Азии. Рабство здесь уничтожено формально, но конечно оно в действительности существует».[20]

Продолжая эти мысли в плоскости определения линии отношения к отдельным социальным группам местного населения в поземельной политике русских властей, автор записки приходил к выводу о том, что «в пользу действительно бедного народа еще ничего не сделано русской властью.

Все облегчения и льготы данные относятся к классам или богатым, или обеспеченным. Раздача этому несчастному классу народа земель всякого рода, неправильно присвоенных..., оставленным по разным случаям, а также вновь орошаемых, со ссудой на первое время скотом и семенами, была бы истинным благодеянием, развила бы значительно хлебопашество и составила бы силу и славу русской власти в массе народа....».

Заключая свой доклад, полковник Николаев выдвигает следующих 12 пунктов, которые, исходя из «интересов и выгод казны, предвидящихся потребностей и целей правительства, по соображении, наконец, пользы и выгод жителей в на-

стоящем и будущем», должны определить поземельные права и обязаности местного туркестанского населения:

1. Все земли как городские, так и сельские, как обработанные, так и необработанные, в силу прав эмира Бухарского и хана Кокандского, перешедших к русскому правительству, есть собственность государственная, кроме земель, владельцы коих имеют документы на полное потомственное владение своими участками, по праву **милька.**

2. Все такие земли оставляются в пользовании тех лиц, кои пользовались ими при завоевании страны, и если бы государству встретилась надобность в этих землях, то жителям обеспечивается справедливое, безобидное вознаграждение за них по оценке, по мере действительной их стоимости, по состоянию строений, садов и обработке земель, если бы хозяева пожелали сдать вместе с землей свои дома и сады.

3. Все, пользующиеся землей от государства, обязаны были бы платить за свои земли, не принадлежащие к разряду земель ишри или десятинных, а к разряду хераджных земель, $^1/_5$ часть произведений в казну, но взамен сей законной подати облагаются русским правительством вдвое меньшим хараджем, только в $^1/_{10}$ части произведений и танапом, применяясь к существовавшему порядку, т. е. по сортам произведений.

4. Все земли, находящиеся на праве милька, в силу мусульманского права, обязаны иметь и предъявить документы за печатями хана или эмира и засвидетельствами казы, но с документов этих, по мусульманскому законодательству должны быть копии в казначействах и архивах хана и эмира, в противном случае земли эти за недостатком доказательств должны быть причислены к разряду земель амляк, то-есть облагаемым наименьшим в государстве хараджем. Имея в виду, что хараджу уменьшен наполовину и установлен для всех земель в одинаковом размере, все земли милык причисляются к разряду земель амляк и облагаются податями хараджной в $^1/_{10}$ часть или танапной по существующему порядку.

5. Все земли вакуфные остаются в пользовании учреждений и лиц, кои ими пользовались на тех основаниях, на коих состояли ныне, но учреждения и лица ими пользующиеся обязываются немедленно представить документы, на основании коих пользуются землями, а также счеты и книги доходов и расходов по сим землям и сведения о количестве земель для разбора и утверждения прав на них русскими правительственными местами.

6. Если окажется, что частные лица дозволяют причислить к вакуфным земли, теперь в вакуфах не состоящие, то такие земли берутся в казну без вознаграждения, раздаются по усмотрению начальства или отдаются тем, кои о подлоге донесут.

7. Не подлежат оплате хераджем или танапом только земли, признанные окончательно собственностью частных лиц русским правительством с выдачей данных из Областного правления, а также освобожденные по высочайшему повелению в г. Туркестане от податей. Шейх-уль-Ислам и лица обоих колен потомком Хозрета Ясави-Аздер и Кобык, но они обязывают предъявить где, какие и каких размеров состоят в их пользовании земли, как в черте города, так и за стенами оного.

8. В видах прочного устройства городов: Туркестана, Чимкента, Аулие-Ата, Токмака, Ташкента, Чиназа, Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака и обеспечения городским жителям их домашней оседлости, все земли, состоящие в стенах сих городов под домами и садами, предоставляются в полную потомственную собственность, пользующихся ими ныне, а земли пустопорожние, в стенах городов незастроенные домами и садами, предоставляются в собственность городов, в распоряжение хозяйственных управлений их. На все эти земли, по прошениям частных лиц или по представлениям хозяйственных управлений, выдаются из областных правлений данные на установленной гербовой бумаге. Доход с земель, в стенах городов находящихся, в казну не взимается, но представляется хозяйственным управлениям взыскивать с них поземельную подать в пользу городского капитала, для улучшения городов, построения мостовых, содержания в чистоте улиц, устройства освещения и пр. Кроме того, в пользование городов собственно для пастьбы скота, будут от правительства отведены выгоны, по мере действительной надобности.

9. Все пользующиеся землями вне черты городов, т. е. землями сельскими, обязаны предъявить в подлежащие хозяйственные управления, где и сколько у них состоит земель в пользовании под домами, садами и под различными посевами, с обозначениями меры русскими саменями по всем сторонам.

Хозяйственные управления, по сборе сведений, печатают их на местном наречии. Списки вывешиваются на площадях, улицах и т. д.

10. Если кто-либо из пользующихся от государства землями скроет их или уменьшит их количество, или вообще будет стремиться обмануть власти, то по открытии его земли отбираются обратно в казну без вознаграждения и отдаются другим нуждающимся в землях, по усмотрению подлежащих начальств. Если же о подлоге или скрытии будет объявлено начальству частным лицом*, то земля поступает в пользование

* Можно такой меры и не принимать, если она будет сочтена неудобной или неприличной.

донесшего; если же донесший так беден, что не имеет скота и орудий для обработки земли, то ему выдается от правительства ссуда на покупку скота и орудий, с обязательством уплатить ссуду по условии, в 3 или 4 года, кроме ежегодного взноса хараджа или танапа.

11. Так как поземельная подать харадж уменьшена в пользу казны наполовину, то в видах воспособления и развития земледелия, вспомоществование бедным землепашцам, устройства новых больших систем орошений, а также для уплаты за земли, отходящие обратно в казну для государственных потребностей: учреждается особый земледельческий капитал, при сборе в $^1/_{20}$ часть произведений со всех земель обработанных, кроме городских. Сбор этот производится вместе с хараджем, но в государственную казну не поступает, а образуется из него в каждом уезде особый капитал, составляющий общественную принадлежность всех занимающихся земледелием. Капитал расходуется по мере надобности, по постановлениям и просьбам общественных хозяйственных управлений края, с утверждением главного начальника края, а также по его личному усмотрению.

12. Хараджный и танапный сбор имеют быть заменены денежною постоянной податью, по ценам, соразмерным для каждого уезда или местности и утверждаемых периодически главным начальником края. Сбор в земледельческий капитал будет сбираться по соразмерности, в половину против хараджного сбора.[21]

Предложения полковника Николаева по поземельному устройству Туркестанского края, как видно, выражают еще известную осторожность в отношении определения новых прав на земли феодальной знати и вакуфных учреждений. Для самых первых лет после присоединения края это было естественно. Ряд предложений, высказанных в рассмотренной записке, будут впоследствии включены в разрабатываемые проекты.

3. Материалы комиссии генерал-майора Гомзина.

Материалы комиссии генерал-майора Гомзина содержатся в трех докладах и заключаются «Журналом поземельной комиссии» — декабрь 1869 года.

В докладах излагается некоторый итог представлений туркестанской администрации о формах, правах и практике землепользования, которые сложились на мусульманском Востоке вообще и, в частности, в Средней Азии накануне завоевания.

Поскольку эти данные комиссии генерала Гомзина в значительной степени определяли выдвигаемые позже туркестан-

скими властями проекты поземельного устройства края, а также и практические мероприятия в этой области в первые годы после присоединения, признается целесообразным изложить их подробнее.

Доклад № 1, названный комиссией «О правах на земли государства»[22], открывается изложением вопроса о правах на земли в кочевых районах. Как полковник Николаев в своей записке, так и комиссия считали наиболее приближенным к условиям кочевых народов Средней Азии русское законодательство о землепользовании в отношении калмыков Астраханской губернии киргиз Большой и Черной орд, подчиненных Сибирскому ведомству.

Указывалось, что это законодательство не признавало за кочевыми инородцами «прав потомственной собственности на земли». Земли были даны в их пользование, которое «во многих случаях существенным образом ограничивалось и обусловливалось».

«Действуя в таком смысле наше законодательство не присваивало государственной власти каких-либо новых прав на земли, а оставляло лишь те, кои всегда были добровольно присваиваемы кочевником своему султану или хану, и которые до ныне по его мнению присущи всякой над ним поставленной государственной власти. И это убеждение кочевника не есть что-либо новое, навеянное русским законодательством. Предания, записанные в летописях истории, а частью живые еще в умах народа и на древних пергаментах дарственных записей свидетельствуют о праве властителей орд раздавать и отнимать летовки и зимовки подвластных им родов. А потому права на земли кочевников, определенные нашим законодательством, составляют лишь записанный и освященный законодательной властью обычай народный...».

Таким образом, по мнению комиссии, государство, являясь собственником земли, предоставляло кочевникам только право условного пользования землями, которое «может быть не только ограничено, но и вовсе отнято», если в том возникнет надобность.

Значительно большее место в докладе отведено вопросам поземельного устройства населения в оседлых районах, «подвластных некогда Коканду и Бухаре». Исходными взяты шариатские установления на этот счет, а также нормы обычного права. Устанавливалось, что землями мильк хурухалис считались такие земли, с которых херадж и танап не взымались.

Далее, разъясняя образование милька-хур, шариат говорит, что всякий, желавший обратить землю, состоящую в его владении, или иначе пользовании, в землю на праве собствен-

ности и в силу того, обеленную, обязан, во-первых, купить ее у правительства за деньги и, затем, выделив $^2/_3$, оставить их за казной, одну же треть обращал в личную его собственность, не уплачивая с нее хераджа и танапа.

Такое отчуждение со стороны казны присущего ей права собственности, допускается шариатом лишь ограниченно и условно.

Царь имел, — говорится в докладе ,— право продать частному лицу землю лишь во время войны и совершенного истощения казны. Причем, необходимость эта и вообще правильность продажи должны быть удостоверены 4-мя казиями, а в грамоту внесены все обстоятельства, сопровождавшие такое отчуждение.

На основании этого, каждым последующим ханом допускается ревизия документа, выданного его предшественником и даже уничтожение его, если продажа совершена не согласно со строгими в этом отношении предписаниями шариата.

Изложенное приводит комиссию к двум заключениям:

1) что лишь земли милька-хур составляют собственность частных лиц, а все остальные, как неотчуждаемые, принадлежат государству, как вотчиннику и 2) что необходимый признак земли на частном праве собственности есть ее обеление от взноса податей, из чего можно, в свою очередь, заключить, что все земли хераджи и ушри есть земли государственные.

С другой стороны, шариат определенно указывает, что при приобретении права милька-хур, главный предмет покупки не есть освобождение от податей, а именно право собственности на землю, по отношению к коему обеление есть только следствие. Это видно из того, что освобождение от податей, само по себе, никогда не может иметь характера вечности, а всегда обусловлено сроком царствования лица освободившего.

Под оживлением принято понимать вообще орошение земли, распашку, засев ее, засадку или застройку зданиями. Различные толкователи мусульманского права различно определяют факт пользования, дающий начало праву лица на землю. Но все они, однако, соглашаются с тем, что с уничтожением действительного пользования и обращением ее в мевот, прекращается и всякое на ту землю право лица.

За правом на землю, приобретенным указанным образом, возникает возможность отчуждения как продажею, так и наследством.

Из этого комиссия заключает:

1) что владелец земель — мильк-хаир-хур есть собственно пользователь, но не собственник, хотя право его пользования есть наследственное и отчуждаемое;

2) что фактом пользования завладевший землею еще не получает права собственника и даже теряет все права на землю с прекращением прямого и определенного пользования ею;

3) что право собственности на земли принадлежит государству и относительно земель, состоящих в чьем-либо пользовании.

Таким образом, первоначальное право лица на земли мильк-хаир-хур есть право пользования и вытекает из факта оживления лишь в случае существования предварительного разрешения на такое правопользование со стороны имама, владыки страны; в противном случае, факт пользования не влечет за собой никаких прав.

Следовательно, на правах частной собственности — считала комиссия, можно было признать лишь земли, отчужденные правительством на основаниях и при обстоятельствах, указанных шариатом. Такие земли следует считать обеленными, ибо уплата подати с земли, состоящей на праве частной собственности, есть понятие несовместимое с коренным основанием шариата и распространенным представлением, что подать есть прямое следствие государственного права собственности на земли. И, наконец, что все остальные затем земли не имеют другого вотчинника, кроме государства, и если заняты кем-либо под пашни, постройки и сады, то лишь на праве пользования, более или менее условном и более или менее ограниченном.

В докладе комиссии генерала Гомзина рассматривается и вопрос о вакуфном землепользовании, со следующими выводами:

«1) что коренное и действительное право вакуфа, в смысле постановления шариата, принадлежит на здешние земли единственно государственной власти;

2) Вакуфные земли, в здешнем крае существующие, есть земли, освобожденные государством от податей хераджа и танапа в пользу какого-либо учреждения или лица;

3) что вакуфное право, принадлежащее здешним мечетям, медресе или ходжам, не есть право собственности, ибо таковое, в силу нерушимости основного первоначального вакуфного права государства или мусульманского мира, принадлежит единственно государству, мусульманскому миру или его представителю имаму, эмиру, хану, а ныне царю».

Переходя, затем, к правам на водопользование в Туркестане, в докладе приводится закон пророка о том, что «людям везде доступно свободное пользование водой, степной травой и огнем». Рассматривая это положение как новое доказательство отсутствия прав вотчинника на земли у кочевников Тур-

кестана, поскольку устраняется исключительное право пользования, становящееся в силу приводимой догмы правом пользования всеобщим, комиссия подчеркивает особое значение вопроса для страны, основу благополучия которой составляет земледелие, основанное на искусственном орошении.

В книге Хидая воды разделены на четыре разряда: 1) моря, 2) большие реки, такие как Сыр-Дарья и Аму-Дарья, 3) речки и воды, отданные правителями во владение разных лиц и 4) вода, зачерпнутая в посуду. Пользование по отношению первых двух разрядов есть всеобщее, по отношению к третьему — ограниченное, а по отношению к четвертому — вода составляет уже собственность. Из этого положения шариата вытекают два вывода: 1) что воды, подобно земле, отдаются во владение государями, 2) что собственность принадлежит лицу лишь на воду зачерпнутую — воду в сосуде.

Это уже достаточно ясно, говорится в докладе, указывает на права государства по отношению к воде.

Помимо того, из документов, имеющихся в распоряжении комиссии, видно, что на воды, равно как и на земли, существовали факты продажи государством, удостоверенные соответствующими грамотами, которые влекли за собой обеление от податей земли, ею орошенные.

Помимо того, право распоряжения правительства водами распространялось на проведение арыков, на отвод воды и, наконец, в запружение и запрещение пользования водой.

В заключении комиссии отмечается, что лишь ничтожные арычные системы могли быть сооружаемы средствами сельских обществ, все же прочие, по крайней мере, главные артерии, были проводимы средствами государственными. А потому, как юридическое, так и практическое право на воды принадлежит государству, как собственнику. «Это одно, помимо всего сказанного о государственном праве собственности на земли, было бы достаточно для убеждения в несомненности принадлежащих казне прав на земли орошенные, то-есть населенные».

В подкрепление настойчивого и последовательного отстаивания тезиса о принадлежности права собственности на землю и воду государству, комиссия обращается к праву обычному.

Адат, по мнению комиссии, резче и абсолютнее подтверждает упомянутый тезис.

«Согласно киргизскому обычаю вода и земля есть собственность государства, которое в правах распоряжения ими не ограничено даже правом пользования подвластного народа. Правовоззрение оседлого населения хотя кое-где слабо и отстаивало ненарушимость прав пользования подданных, однако, не отрицало и права государства, как вотчинников...».

Практика времен мусульманского управления доводила этот принцип государственного права собственности, а отсюда права распоряжения, до крайних пределов возможности.

Земли, необходимые государству для казенных или других построек, отбирались у владельцев их, причем, либо давалось вознаграждение, и то лишь за то, что на земле находилось, а никак не за землю, либо же разрешалось владельцу снести постройки и срубить насаждения.

Таким же образом, без всякой покупки, отводились земли под крепости, бекские и ханские сады, дворцы и пашни. «В тех случаях, когда вознаграждение, за положенный в землю труд или капитал не назначалось, оно было, во-первых, ничтожно, а во-вторых, принимающий его считал это милостью, даром, а не правом».

Конечно, такой род действий был доступен лишь сильной государственной власти, но таких примеров много и во всякое другое время.

Понятно, что если право государственное было так сильно по отношению к населению оседлому, права пользования которого охранялись шариатом, то в отношении кочевников оно не знало никаких границ.

«Мудрены и странные потому, — написано в докладе, — казались населению действия русской власти, отрекавшейся от значительных прав, предоставленных ей законом, еще более широко освященных за нею народным обычаем их, наконец, безграничных, в силу факта завоевания».

Все приведенные в докладе соображения привели комиссию к «убеждению»:

1) что земли мильк-хур состоят на праве частной собственности и

2) все остальные, какого бы они рода ни были, состоят в собственности государства.

По отношению к землям первого разряда комиссия предлагала признать их на правах частной собственности за лицами, могущими предъявить требуемые для этого по шариату документы. «Таким лицам могут быть, взамен из мильковых грамот, выдаваемые владенные записи на гербовой бумаге, со взносом следующих за оную пошлин. Вместе с этим, лица эти должны были получить по отношению к земле, состоящей за ними, все права собственников, «на точном основании постановлений X тома свода законов».

Что касается земель второго разряда, то-есть состоящих на праве государственной собственности, комиссия предполагала относительно их оставить «нерушимым и на будущее время право государства, как вотчинника».

Поспешное предоставление вотчинного права населению, привыкшему к обладанию лишь правом пользования, влекло за собой весьма часто жалкие последствия для самого населения, обращая одну и малую часть в вотчинников-эксплуататоров, другую же в большую в нищую, обездоленную, приниженную и обезземеленную толлу».

Помимо этого общего соображения по поводу составления ненарушимым права государства, как вотчинника, комиссия обращала внимание на то, что:

«1) отказ государства от принадлежащего ему вотчинного права был бы мало понятным и мало оцененным даром, ибо имея обеспеченное право пользования, население не понимает выгод права собственности.

2) Право собственности на земли и обеление их от податей — суть в глазах народа два неразрывных понятия: таким образом, государство, отказываясь от принадлежащего ему права собственности, должно было бы либо, вместе с тем, отменить подати с земли, либо, продолжая взимать их, подорвать ту нравственную основу права, без которой каждое деяние есть лишь насилие.

3) право собственности на земли, необходимое правительству, во многих случаях дающее свободу действий, во всех других является в сем крае несостоятельною потребностью в виду возможной в близком или отдаленном будущем, русской колонизации. И, наконец,

4) переход от положения, существующего ныне и всеми признанного правомерным, ко всякому другому, возможен и легок во всякое время, ибо со стороны государства будет лишь отказом от принадлежащего ему права.

С постановлением же ныне отказа от принадлежащего ему права вотчинника, государство полагает начало порядку, от которого уже не может быть поворота, хотя бы такой в свое время оказался необходимым».

По отношению же к землям вакуфным, ввиду, во-первых, особого их характера и, во-вторых, ввиду пользования податями с мечетей и медресе, признавалось полезным, отнюдь не отчуждая лежащего на них права собственности казны, «привести их в известность и, по рассмотрении документов, признать действительно вакуфными лишь те, кои будут носить удостоверение ханской или эмирской печати, все же прочие обратить в земли податные на общем основании».

Доклад № 1 заключается двумя основными рекомендациями:

1) Земли, входящие в пределы Туркестанского края, состоят на праве государственной собственности и никому

впредь не могут быть отчуждаемы без особого на то, в каждом случае, высочайшего разрешения.

2) Земли мильк-хур и приобретенные русскими до издания положения, состоят на частном праве собственности и, в силу того, освобождаются от всяких податей.

Необходимо особо отметить, что комиссия последовательно занимала резкое отрицательное отношение ко всем мерам и существовавшей политике, когда туркестанская администрация отступала от строгого соблюдения норм, вытекающих из вотчинных прав государства на земли Туркестана.

В частности, в докладе резко осуждались случаи, имевшие место преимущественно в Ташкенте, когда частные лица «продавали казне казенные земли» и чинились многие препятствия для русских в пользовании землей, «покоренной русскими деньгами и русской кровью».

Доклад № 2 комиссией назван «О правах на земли населения».[23]

В докладе излагаются некоторые данные, касающиеся возникновения, развития и практики мусульманского шариатного права в землевладении и землепользовании.

Поземельные права — как говорится в докладе — возникают из двух основных фактов: 1) из факта занятия или, как говорит мусульманское право, оживления мертвой пустопорожней земли и 2) из факта завоевания.

Земля, обработанная в завоеванной стране, либо остается во владении покоренных жителей, либо перечисляется в пользование мусульман, участвовавших в войне, но не в полную собственность и без права отчуждения по наследству, дара и посвящения, а в пользование по разделу имама, которому принадлежит вся власть над этими землями.

Пустопорожние земли безусловная собственность имама. Оживлять и обрабатывать их дозволяется исключительно с его разрешения.

На земли, обработанные в завоеванной стране, которые хотя бы и находились в руках мусульман, налагается поземельная подать харадж. Изъятие делается лишь для жителей, добровольно принявших мусульманскую веру, в этом случае они уплачивают не харадж, а ушри, т. е. $^1/_{10}$ часть урожая.

«Соблюдение строгих правил, постановленных священной войной, не всегда оказывалось удобным, в особенности относительно истребления населения и раздела его земель между завоевателями мусульманами. Исход в сем случае указан Халифом Омаром, который, имея в виду неприкосновенность земель, обратил их при завоевании Сирии, Ирана и Египта, в земли вакф в пользу Бейт уль-моля, иначе говоря, посвятил их в

пользу всего мусульманского мира и перевел таким образом фиктивное право собственности к богу, фактически же бейт уль-молю или его представителю — государю. Населению же оставлено пользование и как последствие его, уплата в казну хараджа».

Право собственности на землю не предоставлялось ни жителям покоренным, ни мусульманам завоевателям, ни, наконец, людям, оживившим участок пустопорожней земли. Переуступка принадлежащего государству права собственности была произведена им лишь по отношению земель хурухалисных.

Комиссия пришла к заключению, что первоначальное право собственности государства на все земли, кроме хурухалисных, осталось ненарушимым и ко времени работы комиссии, вследствие чего население могло владеть ими лишь на праве более или менее ограниченного пользования.

Между тем, уже тогдашняя действительность давала много случаев передачи земель по наследству, отчуждения их через продажу и вообще отношения к ним владельцев, как полного собственника. Наряду с этим, сохранилось право государства отнимать землю у непользующихся ею или у безызвестно отсутствующего хозяина и передавать в наем или даже в полное владение другому лицу и, наконец, продавать в полную собственность как владельцу ее, так и постороннему лицу. Это оставалось для комиссии непонятным и противоречивым.

Непонятным для комиссии было то, что такое обширное право как владение опирается лишь на факт действительного пользования уничтожается прекращением такого пользования, не требуя ни в том ни в другом случае никакой документальной опоры.

По мнению, высказанному комиссией, земли обработанные делятся шариатом на три рода: 1) хурухалисные, 2) мамлюковые и 3) амляковые.

1) Земли хурухалисные есть земли, закупленные от государства деньгами и уступкою известной части земли, состоящей во владении лица; такие земли составляют собственность лица выкупившего и никаких податей по ним не уплачивают. С покупкою земель выкупается у государства то право, которое оно на них имело.

2) Земли мамлюк есть земли, состоящие во владении известного лица или общества, либо в силу факта оживления, либо по разделу, либо по приобретению покупкой права, возникшего первоначально из двух первых фактов, такие земли уплачивают харадж или ушри и имеют владельца, носящего в мусульманском юридическом языке название малик. Такое оп-

ределение прав последнего на земли мамлюк составляло главную задачу комиссии, ибо неопределенность его была основной причиной многих недоразумений.

Комиссия считала, прежде всего, что существование документа государственного в основе права на земли мамлюк, являлось обязательным, и без существования такого документа факт пользования ими был только наследственным завладением, не влекущим никакого права.

Затем, земли мамлюк, сохраняемые за лицом, владеющим ими и имеющим на право этого владения документы по шариату:

«1) всегда были обложены хараджною или танапною податью, которая, если бы даже была на вечные времена сложена каким-либо государем, могла вновь быть наложена его преемником;

2) могли быть отданы правительством постороннему лицу, если настоящий владелец их не пользовался ими в течение 3-х лет и более;

3) такие земли, вследствие долговременного непользования ими, обращаются в мевот — пустопорожние, в силу этого факта уходят из власти лица ими некогда владевшего;

4) земли мамлюк, составляя владение известного лица, могут быть им отчуждаемы продажею, отдаваемы в наем или аренду, или пользование ими в распашку из-за известного процента зерна с урожая и, наконец, могут переходить по наследству;

5) право на эти земли, основываясь на документе, охраняется от покушения частных лиц, а равно от неправомерных деяний самой государственной власти, которая отобрать это право может лишь при невыполнении владельцем его обязанностей, с этим правом связанных;

6) Земли мамлюк не могут быть посвящены (обращаемы в вакф), ибо, основываясь на владении, право лица на такие земли не может сделаться неприкосновенным и во веки ненарушимым, каким является по закону право вакуфное»

Из вышесказанного комиссия заключила, что право малика на земли мамлюк должно отличаться следующими признаками.

Оно, во-первых, основывается на государственной грамоте; во-вторых, сопряжено с обязанностью уплаты с урожая известного процента зерна; в-третьих, не исключает вмешательства государственной власти в самое право пользования; в-четвертых, существует во все продолжение факта действительного пользования и с прекращением его — прекращается либо частью и временно, либо окончательно; в-пятых, может быть

отчуждаемо продажею или даром, отдаваемо в наем или в аренду, оставляемо в наследство, но не может быть посвящаемо.

Из этих признаков права малика на земли мамлюк можно заключить, что право это не есть ни срочное, ни вечное потомственное, ибо, обусловливаясь фактом действительного пользования, оно определяется временем пользования. Оно не есть и владение на правах собственности, ибо не включает полного права распоряжения, неограниченного пользования и, наконец, не имеет ни вечности, ни абсолютности права собственности.

Комиссия рекомендовала определить права малика на землю мамлюк владением на праве постоянного пользования, переуступаемого за деньги или безвозмездно, в целом или в частности, и переходящего по наследству, но обусловленного фактом действительного пользования и исправной уплаты подати, с этим пользованием связанной.

К таким землям относились земли, орошенные и вообще оживленные государственными средствами, а равно и все те земли, кои по недостатку основательных документальных доказательств нельзя было причислить к разряду хурухалисных или мамлюковых.

Землепашцы, оседлые на этих землях, пользовались ими лишь как арендаторы. Взыскиваемая с них подать всегда превышала подать, налагаемую на землю мамлюк, и доходила нередко до ½ урожая.

«Будучи лишь припущенниками, люди, обрабатывающие землю амляковую, никогда никаких прав на самую землю не имели и потому государство, нуждаясь в земле, всегда могло отобрать ее, заплатив припущеннику лишь стоимость засева или построек на земле находящихся».

Во втором разделе доклада «О видах пользования» сообщается, что в коране существовали как частное, так и общественное землепользование, причем истоки этих форм пользования находились в возникновении землепользования как по наделу, так, равным образом, при разрешении на оживление и отдельным лицом и целым обществом.

Родовое начало и общность интересов при кочевании, по мнению комиссии, находит применение и при пользовании землей, «когда род этот садится на пашню». Затем, трудности при оживлении мертвых земель, непреоборимость трудностей орошения в условиях Туркестана для отдельного человека, должны были вызвать «и без существования общности родовых интересов, образование для этой цели земледельческих ассоциаций, артелей или обществ».

Комиссией приводятся интересные данные об эволюции

форм землепользования, о сложном противоречивом процессе этого развития.

«Наряду с условиями, организующими земледельческий быт в общинную форму, действовали здесь и другие факторы, непрестанно стремящиеся противодействовать образованию общества или разрушить его, если бы оно и образовалось.

Комиссия считала, что «письменное мусульманское право игнорирует родовое начало и общинное пользование, а потому и не охраняет их, а выставляя всюду единичную личность и ей одной предоставляя права и эти одни права охраняя, шариат постепенно подтачивает род и общину, которым остается лишь одна охрана —народный обычай. Ему-то киргиз, между прочим, обязан сохранением от неминуемой судьбы всецелого поглощения в однообразном и в высшей степени постоянном типе мусульманина, выработанного исключительным и стройным духом шариата».

Помимо индивидуального направления мусульманского письменного права, влиявшего постоянно на склад поземельных правоотношений, существовали и другие причины, ведущие к окончательному раздроблению общины.

«Начало ее в самой ценности и доходности земли, при ничтожных средствах, необходимых для ее обработки, если она раз орошена. Значительная ценность поземельного права делала, без сомнения, неудержимым стремление отдельных лиц выделить свои права из-под власти общества, которое, таким образом, если и образовывалось по невозможности орошения единичными силами, то нередко быстро разрушалось, под давлением деятельных личностей, стимулируемых ценностью земель, поощряемых шариатом и поддерживаемых характером податной системы.

Все мусульманские подати основаны на крайней регламентации. Конечной целью ее должна была являться такая система взимания, которая без раскладки общественной налагала бы подать строго соразмерно с доходностью или капиталом лица.

Будучи деспотическим, а вместе с тем и слабым, государство мусульманское любило сталкиваться лишь с отдельной личностью, которой оставалось только преклоняться если не перед правдой, то перед силой власти деспотичной и волей всегда произвольной».

Комиссия сочла нужным прибегнуть к распросам и показаниям местных жителей. Факты, собранные таким образом, подтверждали существование совместно обоих видов пользования как частного, так и общинного и значительно большее распространение последнего перед первым. Сады, дворы, ого-

роды и майданы везде состояли на частном праве пользования, пашни же почти повсеместно — в общинном и разделялись жителям по жребию и по кошам.

Рисовые поля местами принадлежали обществу и существовал обычный предел их, но были они и на частном праве, перепродавались и переходили по наследству.

Комиссия находила, что сроки переделов не везде были одинаковы, но в большинстве случаев они скорее часты, чем редки.

На основании всего вышесказанного «комиссия пришла к убеждению, что в крае существуют совместно два вида пользования — частное и общинное, и что сие последнее образовалось и сохранялось помимо закона, без его поддержки и даже в противность ему, единственно в силу обычая народного, истекающего из самих условий его поземельного и социального быта и в силу глубокого народного убеждения в полезности и удобстве этого обычного учреждения».

Свои выводы и заключения комиссия доложила К. П. Кауфману в докладе № 3.[24]

В этом документе обобщаются результаты выяснения существующих норм шариатского права в туркестанском землевладении.

Комиссия находила, что в Туркестане существовали четыре рода земель: мамлякатные, мамлюковые, мевот и вакуфные.

Мамлякатными землями назывались, по заключению комиссии, земли, обработанные, но по разным причинам не отведенные во владение лица или общества. Такими причинами могли явиться: 1) Оживление земель пустопорожних средствами государства. 2) Отсутствие наследников у умершего владельца. 3) Отсутствие известий от владельца. 4) Нарушение, допущенное владельцем при оживлении: неполучение предварительного на это разрешения. 5) Прекращение владельческих прав, связанное с завоеванием страны.

Такие мамлякатные земли в Бухаре назывались амляковыми[25], т. е. владение или имущество вообще. Эти земли никогда не назывались хераджными или ушри, т. к. размер платы за пользование ими определялся не шариатом, а ханом или эмиром. Отчуждение этих земель пользующимся лицом не допускалось. Переуступке могло подлежать только то, что находилось или выросло на поверхности земли. Подтвердилось это тем, что в Бухаре для того, чтобы не произошло смешения понятий о купле и продаже земли с понятием переуступки прав пользования, казиям было приказано употреблять при оформлении документов термин «ускеназн» (произрастание), а не слово «земля».

Пользующийся землями этого рода не имел маликового права — его право называлось манфакат, соответственно, пользователь никогда не назывался — малик.

Право пользования — манфакат сохраняло преимущество наследования за сыном и никогда такого права не имела дочь.

Право это, основываясь исключительно на факте пользования, в большинстве случаев не подтверждалось документально.

Землями мамлюк считались земли, отведенные государством во владение лица или общества. Условия, на которых этот отвод совершался, были двоякими: владение могло быть обеленным (хурухалисное) и необеленным (хаир-хур), последнее владение различалось по проценту, взимаемому с урожая: ушри (10%), хюмс (20%), сюнях (33,1%), нноп (50%).

Права владельцев на этот род земель **обязательно** подтверждались государственным документом. Лицо, владеющее землей по этому праву — малик. Так называли и царя в смысле: владетель или владелец.

По шариату владельческое право малика на его мамлюк: 1) может быть переуступлено в частности или в общем, возмездно или безвозмездно и передается по наследству; 2) оно не есть срочное, ибо продолжается во все время существования факта действительного пользования, оно не есть и вечное потомственное, ибо уничтожается с прекращением этого факта; 3) приобретается всегда от государства, либо дозволенным фактом оживления, если земля пустопорожняя, либо покупкой — если земля уже была оживлена; 4) право это всегда прекращается с завоеванием, после чего государь завоеватель либо вправе оставить его ненарушаемым, либо уничтожить его; 5) оно связано с уплатой податей, но при известных обстоятельствах может быть обелено; 6) основываясь на покупке от государства или на дозволении оживить, оно всегда должно быть закреплено грамотой за государственной печатью.

Таким образом, мамлюковое право есть владение на праве постоянного пользования.

Составные части этого права весьма близко подходят к русскому посессионному или владенному праву, с той разницей, что последнее обусловлено исключительно пользованием для горного дела, мамлюковое же для земледелия.

Землями мевот — были земли пустопорожние, необработанные. Они полностью принадлежали государству и не состояли ни в чьем исключительном пользовании или владении.

Земли вакуфные есть дар или лучше сказать посвящение в пользу кого-либо или чего-либо.

Пользование этими землями составляет достояние, либо

единственно того лица или учреждения, коему они посвящены, либо, и чаще всего, совместно государству и другим лицам.

Право посвящать в вакф принадлежит: как частному лицу, так и государству, но в отношении к землям ограниченно.

Земли, обращенные в мильк или мамлюк-хур, могут быть посвящаемы владельцем без всякого разрешения государства.

Земли мамлякат могут быть во всякое время посвящаемы, но только единственно самим государством. Земли мевот ни в коем случае не подлежат обращению в вакф, ибо не составляют ничьего имущества или владения, а еще подлежат приобретению и считаются мубох.

Правом обеления могли пользоваться земли мамлякат, мамлюк и вакуфные. Земли мамлюк обеляются отдачей в казну части земли, соответственно проценту с урожая, взимаемого в херадж; для обеления мамлякатной государственной земли требовалось выделить $^2/_3$ земли в казну. Обеление вакуфной земли зависело от рода посвящаемой земли.

Комиссия утверждала, что «мусульманскому праву вполне чуждо понятие о праве собственности» и признала «все земли Туркестанского края в принципе государственными, состоящими за частными лицами лишь на праве владения или пользования и притом более или менее ограниченного и обусловленного временем, родом употребления и размером повинностей».

В отношении земель хурухалисных комиссия рекомендовала признать владением на праве полной собственности и притом, с сохранением обеления. Считалось, что такая мера закономерна в связи с тем, что государство, как собственник, может выступить в отношении этих земель только в одном случае, а именно, тогда, когда эти земли станут мертвыми пустопорожними.

Прочие мильковые земли (хаир-хур) должны были считаться лишь владениями на праве постоянного пользования, «поддерживаемого фактом действительного пользования и исправным отбыванием повинностей, взимаемых казной за предоставленное право».

Подкреплялось это предложение тем, что русское законодательство в данном случае не будет прибегать к новым, насильственным мерам, а «освятит и закрепит древнее, веками возникшее и державшееся право самого шариата».

Право постоянного пользования данными землями могло быть нарушенным только по суду или административным порядком в случае, если земля будет запущена или не будут выполняться повинности. Такая мера была рассчитана на то, что

она явится «сильным стимулом если не к развитию земледелия, то к его поддержанию».

Права на эти земли должны были закрепляться особыми крепостными или владенными записями.

В отношении земель мамлякатных (государственных) — комиссия предлагала передать их в пользование населения, но не подворно, а обществам, исходя из следующих соображений:

«1) На предпочтительное право пользования землями мамлякатными не существует, в большинстве случаев, другого документа, кроме самого факта настоящего пользования, а, следовательно, при совершении наделов каждому отдельному домохозяину нельзя будет избегнуть множества несправедливостей и предотвратить массу захватов, естественным последствием коих явится несомненно возникновение многочисленных тяжб и исков, разрешить кои для русской власти решительно не по силам, тем более, что она привыкла развязывать лишь такие гордиевы узлы, кои легко рассекались духовным деспотизмом мусульманских владык.

2) Наделение государством отдельных домохозяев фактически не нашло бы применения, в виду существования и значительного распространения в крае земель общинных, принадлежащих обществу в его целом и переделяемых по душам или по кошам.

3) Надел отдельных домохозяев, в виду дробности участков, чересполосности и даже неопределенности их, потребовало бы таких межевых средств, коими едва ли, в самом отдаленном времени будет в состоянии располагать Туркестанский край.

И, наконец,

4) Надел по обществам, упрощая значительно дело, не уничтожает возможности образования в среде земель общественных как общинных, так и наследственных участков отдельных домохозяев».

По мнению комиссии оба эти вида пользования имеют основательную причину для их признания.

«Первый, то-есть участковый, имеет за собою письменное мусульманское право, в течение многих столетий вырабатывавшее всякое общественное проявление, второй, истекая из бытовых и этнографических условий страны и населения, поддерживается народным обычаем. С другой стороны, общинный быт, возникающий в особых условиях здешнего земледелия, возможного лишь при орошении, теряет всю логичность своего основания там, где труд лица при возделке был выше и ценнее — труда общества, при орошении».

На этом основании рекомендовалось признать и узаконить оба вида пользования: участковый и общинный, предоставив выбор самим обществам.

В докладе приводятся различные соображения, говорящие в пользу общинного характера землепользования. Предпочитался этот вид землепользования комиссией в связи с особыми условиями, вызываемыми земледелием, основанным на искусственном орошении, необходимости усилий всего общества для поддержания ирригации, определение волей общества порядка посевов злаков и трав и держания земли под паром.

Общинный порядок употребления и распределения земли считался «безвредным для улучшения земледелия».

Соображения комиссии, относящиеся к землям мамлякатным, сводились к следующему:

1) Земли мамляк, т. е. не состоящие за лицом ни в обеленном, ни в необеленном владении, предполагалось наделить обществам, кои, или члены коих ныне ими пользуются.

2) Признать и узаконить оба вида пользования: участковый и общинный.

3) Не входя в разбор предпочтительных прав того или другого лица на пользование, предоставить самому обществу указать существующие виды пользования и определить относительный размер их.

4) Сады и дворы признать обязательно состоящими на участковом праве.

По отношению земель вакуфных и пустопорожних комиссия полагала распорядиться следующим порядком.

Земли, которые окажутся, по рассмотрении документов, действительно вакуфными, ввести, на общем основании, в надел сельских обществ, наравне с мамлякатными, но взимаемую с них подать, не зачисляя в доходы государственные, обратить на составление особого по каждому уезду фонда на содержание духовенства и училищ, коим правительство найдет необходимым или полезным оказывать поддержку.

Земли же пустопорожние, т. е. те, кои окажутся таковыми после надела общества, предоставить во всеобщее пользование для пастьбы скота, кочевки и добычи топлива.

Из прочих документов комиссии генерала Гомзина сохранился в том же архивном деле «Журнал поземельной комиссии», датированный декабрем 1869 года. На этом собрании комиссии в полном составе ставились вопросы, ответы на которые затем были использованы в докладе № 3.

По-видимому, задачей этого заседания комиссии была консультация с привлеченными в комиссию представителями местного мусульманского населения. Считая излишним пов-

торять то, что уже было изложено в перечисленных докладах, приводим лишь несколько новых положений, представляющих интерес оригинальностью суждений и оценки.

Так, например, в результате консультаций с казиями городов Ташкента и Заамина, было дано следующее определение милька хаир-хур: это земли, «на коих лежит государственное право, они не были отчуждены и не избавлялись от податей. Происхождение их не в праве, а в факте завладения посредством отгорода, постройки или засадки деревьями. Факт этого завладения влечет за собой только исключительное право пользования лица, завладевшего, перед прочими членами.

Отобрание таких земель даже казной ограничено необходимостью влечет вознаграждение».

По вопросу о видах владения комиссия находила, что «преимущественное положение занимал в Туркестане общинный характер владения землей и только благодаря ему сохранились следующие, весьма благоприятные результаты в сельском хозяйстве края в тот период времени:

1. Слабое развитие батрачества в населении весьма древнем, подвергавшемся войнам, беспорядкам, завоеваниям, падежам скота, т. е. всем тем обстоятельствам, кои влекут за собой в странах, не имеющих общинной формы владения, обеднение мелких поземельных собственников и постепенное обращение их в батраков.

2) Полное отсутствие крупной поземельной собственности, т. е. тех интересов, кои могли образоваться от личного владения землями и кои одни только могут сознательно поддерживать участковое право».

Необходимо отметить, что комиссия генерала Гомзина выполнила значительную работу по изучению норм мусульманского письменного права в землепользовании, элементов обычного права и практики землепользования в Туркестане 60—70 годов прошлого века. Это связано было также с известными успехами русского востоковедения по изучению нового края.

Стремление комиссии в своих рекомендациях к сохранению феодальных институтов в поземельном вопросе — общинное землевладение, отрицание права собственности на землю — свидетельствуют о консервативности взглядов комиссии.

Неуклонное отстаивание исключительного права собственности на земли Туркестана за государством есть выраженный колониализм, как основная цель и руководящее начало в деятельности этих комиссий.

4. Комиссия по поземельному устройству Туркестанского края под председательством генерал-майора Абрамова

Учреждению комиссии генерала Абрамова и ее деятельности предшествовали, кроме выше перечисленных, ряд других мероприятий по разработке проектов законоположений об управлении во вновь присоединенных областях Туркестана.

История разработки этих проектов, представляя общий интерес, имеет и частное значение, связанное с деятельностью комиссии генерала Абрамова.

Для управления во вновь образованной в 1865 году Туркестанской области, в которую вошли территории Сыр-Дарьинской линии и районов, занятых в 1864 и 1865 годах, было утверждено 6 августа 1865 г. временное положение. Администрация, по этому положению, строилась на принципах военно-народного управления и область делилась на три военных отдела, начальники которых заведывали и войсками, и населением. Временное положение не содержало ничего определяющего порядок поземельных отношений, и администрация в эту сферу не вмешивалась.

В том же 1865 году, с целью изучения условий жизни и быта кочевого населения Оренбургского и Западно-Сибирского ведомств, а также туземного оседлого населения, в казахские степи и Туркестан была направлена, так называемая, степная комиссия. Соображения о главных основаниях организации управления в степи и в Туркестане были этой комиссией предоставлены в 1867 году. По специальному поручению правительства степная комиссия составила первый проект положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве.

Вопрос этот не был окончательно утвержден и первому Туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману, назначенному в том же 1867 году, было поручено «рассмотреть означенный проект положения на месте и, сообразив оный с местными условиями края и потребностями туземного населения, представить таковой, в целом или по частям, со своим заключением, для окончательного рассмотрения оного в законодательном порядке...»[26]

И в этом проекте не было никаких указаний по вопросам поземельного устройства нового края, «... по отношению землевладения высшей администрации края за все время действия проекта положения 1867 года не приходилось принимать каких-либо общих мер».[27]

Затем, комитет министров 21 октября 1868 года определил двухлетний срок для опыта применения степного положения и предложил Туркестанскому генерал-губернатору в этот же срок представить для утверждения проект управления краем.

Вследствие этого, в 1871 году К. П. Кауфман представил в Военное министерство составленный в Ташкенте проект положения. Проект этот получил резко отрицательную оценку со стороны министерств, и многочисленные возражения и замечания вынудили Кауфмана взять его обратно для переработки.

По возвращении в Ташкент Кауфман предложил создать специальные комиссии по отдельным разделам проекта.

27 января 1872 года за подписью генерал-адьютанта Кауфмана начальнику Зеравшанского округа генерал-майору Абрамову было направлено предписание № 659[28], в котором сообщалось о том, что по соглашению с военным министром Милютиным представление проекта положения для утверждения его в законодательном порядке откладывалось до осени 1872 года. По этой причине, «а также и в виду особых соображений», находилось необходимым «подвергнуть означенный проект ближайшему и тщательному обсуждению, для придания ему возможно большей степени соответствия местным условиям и особенностям», учреждались несколько комиссий по отдельным разделам проекта и одну из них под председательством генерала Абрамова, в состав которой назначались: полковники Фридерикс и Носович, генерального штаба подполковник Чайковский и майор Чайковский.

Учреждаемой комиссии поручалось «заняться всесторонним пересмотром важнейшей части проекта 1871 года, касающейся наиболее существенных вопросов о поземельном устройстве туземного (оседлого и кочевого), русского городского, поселенческого и казачьего населения...».

21 февраля 1872 г. канцелярия генерал-губернатора получила разрешение Кауфмана передать в комиссию генерала Абрамова имевшиеся в канцелярии собранные за предшествующий период материалы по поземельному вопросу,[29] в том числе и уже известные нам — записку полковника Николаева и материалы комиссии генерала Гомзина.

19 марта 1872 года комиссия генерала Абрамова была пополнена новым членом — делопроизводителем П. И. Хомутовым[30]. Этот выдающийся деятель дореволюционного Туркестана не без основания был назван современниками «Туркестанским Сперанским».

Материалы комиссии Абрамова свидетельствуют о большой и плодотворной работе этого передового и прогрессивного деятеля прошлого.

Комиссия в течение шести месяцев — с января по июнь 1872 года — провела значительную и разнообразную работу. В архиве сохранился отчет о заседании комиссии 8 апреля 1872 г.[31]. К тому времени состав комиссии был пополнен еще

тремя членами: войсковым старшиной В. Р. Серовым, подполковником Л. И. Соболевым и майором А. Д. Гребенкиным.[32]

Последними двумя на этом заседании был поднят вопрос о включении в проект поземельного устройства края статей, содержание которых облегчало бы переход передельных участков из общественного распоряжения в распоряжение подворное наследственное. Л. И. Соболев и А. Д. Гребенкин считали «более правильной участковую (подворную) форму землевладения». Однако, это предложение не было принято на том основании, что оно привело бы к «неправомерному нарушению установившихся местами обычных порядков пользования землей», и что существовавшая в крае система орошения обуславливала большое различие в ценности и доходности отдельных участков переделяемых земель.

Не ограничиваясь изучением переданных канцелярией Туркестанского генерал-губернатора материалов, комиссия предприняла два выезда в кишлаки для непосредственного ознакомления с положением в сельском хозяйстве на месте.

Приводим данные этих выездов. Они представляют несомненный интерес как воссоздающие, в известной мере, конкретную картину положения в узбекском кишлаке семидесятых годов прошлого века.

14 мая 1872 года комиссия посетила кишлак Сайдан[33] Африкентского туменя Самаркандского отдела.

Кишлак Сайдан находится в 16 верстах от Самарканда, за Рабатом, близ к. Киляучи. Состоит из 59 дворов (хаучей). Принадлежащие жителям земли занимают 12 кошей (т. е. до 600 танапов или 150 десятин), расположенных в сплошном отрубе и состоят за владельцами на праве милька обеленного. Вся площадь этих земель на праве милька предоставлена была персонально, за семь поколений до настоящего времени, во владение одного человека, родом баприлинца, затем, с течением времени раздробилась на отдельные участки между нынешними жителями, которым досталась часть через унаследование от потомков упомянутого родоначальника, частью же покупкою земель от них людьми пришлыми. Есть на кишлачной земле до 20 участков, которые принадлежат жителям смежных кишлаков. Все такие участки скуплены нынешними владельцами для расширения коренных их угодий, с коими лежат смежно. Перепроданы они были людьми бедными из жителей Сайдана, большей частью от недостатка соответственных средств для возделывания. Старинный мильковый документ утерян, у потомков первого мильковладельца нет документов на мильковое право владения принадлежащими им участками, доставшимися по наследству. У других владель-

цев, пришлых, скупивших земли от коренных обывателей, есть документы от казиев, свидетельствующие о совершенных покупках. Из жителей кишлака только один имеет землю в другом месте, на котором сеет до 5 батманов. В кишлаке живут две безземельных семьи каршинцев, они нанимаются на работу у здешних землевладельцев.

Жители занимаются земледелием исключительно, каждый имеет волов. Лошадь и ишаки не у всех, бараны только у немногих. Хлеб продают на ближайшем базаре. Кроме того, ездят на базары в Дауль и Самарканд.

Земля среднего качества, частью солончаковая и местами каменистая. Вся удобная к обработке, за исключением небольшого пространства близ Кара-Дарьи (Дайрабат). Воды для полива полей довольно. Земля орошается арыком (Киляучи) — ветвь арыка Джуй-Дувана, который снабжает водою земли 3 здешних селений. Земля удобряется людьми состоятельными посредством увлажнения, при недостатке навоза почва удобряется землею. Удобряемых земель менее половины. Урожай с них получается вдвое больше, чем с земель неудобряемых, при одинаковых вообще условиях орошения. Плодородие земель неудобряемых много зависит от их положения, в местах высоких и открытых урожай вообще лучше чем в местах низменных и в тени. Кроме того, на урожай оказывает влияние и самый состав почвы. Высшие продажные цены на землю: 20 р. за танап. Участок пахотной земли среднего качества продан был одной вдовой жителю соседнего кишлака по 13 р. за танап.

Крупных земельных участков нет. Только один участок, принадлежащий семье из трех братьев, составляет 1 кош. Остальные участки не превышают в отдельности половины коша.

Засевается больше всего рис и пшеница. Под продуктами этого рода — немного менее половины всего занимаемого пашнями пространства, затем следуют джугара, ячмень и др. продукты. Ежегодно отдыхает (шудугар) 1/3 пахотных полей. Под садами 8 танапов, 1 танап под виноградниками. Огородных овощей не разводится.

Урожай сам-десять (высокий), сам-семь (средний) и сам-пять (низкий).

Отдельно опрошенные председателем комиссии жители показали:

1) Махмет-Юсуп-Кара. Имеет с двумя братьями своими 9 танапов земли пахотной и небольшой сад. Братья живут отдельными домами, хотя и имеют общее полевое хозяйство. 6 танапов под рисом и 3 — под пшеницею, шудгарной земли нет в настоящем году, но в прошлом часть полей отдыхала.

2) Ашур-Мухамед. Имеет 10 танапов земли и маленький садик. Собирает с полей 10—12 батманов хлеба. Это недостает на пропитание семьи, которая состоит из 8 человек обоего пола. По ремеслу — весовщик и средства к жизни и поддержанию семьи получает главным образом от этого промысла.

6 танапов земли пахотной и 1,5 танапа под клевером достались по наследству от отца. Сеет пшеницу (3 танапа) и рис (1,5 танапа), 1,5 танапа под паром (шудугар). Землю удобряет. Получает с каждого танапа 2 батмана хлеба.

Земля по наследству от отца перешла к трем братьям, всего 1 кош. $^{2}/_{3}$ этого пространства засеваются владельцами, которые нанимают в помощь себе рабочих. Кроме пашни они имеют сад.

Для починки и исправного содержания большого арыка жители Сайдана собирают деньги по кошам, с каждого коша до 40—70 коп. в год. Для постройки плотин доставляют необходимый строительный материал. При починке малых арыков работают сами под наблюдением аксакала, который заведует и арыками, за что получал до настоящего времени известное количество хлеба в натуре от амлякдара.

Справка: С жителей Сайдана за 1871 год, как видно из амлякдарской записи, поступило в казну:

а) хераджной подати:

1. С продуктов раннего засева (аш) — 43 батмана пшеницы, 12 батманов ячменя и $3^{1}/_{2}$ батмана зыгыра.

2. С продуктов позднего посева (кош) — 936 батманов 3 п. шалы, 40 б. 3 п. — джугары, 6 б. 3 п. 20 ф. — маш, 3 б. 3 п. 20 ф. — проса, 4 п. 10 ф. хлопка.

б) Кошной и танапной подати — 84 руб.

Справка датирована 15 мая 1872 г.

16 мая 1872 года комиссия выезжала в кишл. Пейшамбе-Сиаб[34], Шадарского туменя Самаркандского отдела.

Кишлак Пейшамбе-Саиб находится в верстах 12 от г. Самарканда по Педжикентской дороге. Состоит из 24 дворов (хаули). Находящиеся в пользовании жителей земли занимают 12 кошей, т. е. 600 танапов или 120 десятин и расположены в сплошном отрубе. 10 кошей уплачивают поземельные подати в казну, остальные два коша, принадлежащие коренным старожилам на праве милька обеленного (документ утрачен), от податей в настоящее время свободны. Часть земли, обложенной податью, вносит $^{2}/_{3}$ хераджа в казну и $^{1}/_{3}$ в пользу медресе Ходжа Ахрар, которая составляет вакуф. Другая часть обложенной податью земли, хотя также составляет вакуф одного бухарского учреждения, вносит херадж в казну полностью и называется поэтому в настоящее время жителями не вакфом,

а амляком. Земля находится в участковом наследственном владении хозяев. Участки по всей величине крайне разнообразны: с одной стороны, есть крупные участки, достигающие по размерам 2 коша, т. е. 50 танапов, с другой — мелкие, не более 1 танапа по пространству. На участках последнего рода ведется мелкое огородное хозяйство. Засевается владельцами лук, морковь и пр. Почти у всех есть сады. У владельцев, получивших участки наследственно, — нет никаких документов на землю. При переуступке владения сделки свидетельствуются у казиев. Такого рода документы от казиев есть у всех жителей, купивших землю. 2 участка принадлежат жителям гор. Самарканда. Никто из здешних жителей не имеет земли в других местах. Богатых людей между ними нет, и никто не покупает к своим участкам угодий из земель смежных кишлаков. В кишлаке при мечети есть общественная роща танапа в 1½ величиною. Особого выгона не имеется, скот пасется на незапаханных, отдыхающих полях.

Кишлачные земли орошаются частью водою из Шавдарского арыка, а главным образом водою Снабских ключей (Минбулак) вместе с землями нескольких больших кишлаков. Починка арыков производится обществом или натурою, причем каждый кош доставляет рабочего или деньгами 40 коп. с коша вместо рабочего. Мираба особого нет, так как споров за воду, при ее изобилии, не случается.

Земля, по качеству своему, вообще плодородная, за исключением более возвышенных степных мест, хуже орошаемых, на которых урожай значительно ниже. Система хозяйства у разных владельцев различная: вообще под парами остается ежегодно ⅓ часть засеваемой земли, но есть участки, в которых отдыхает лишь ¼ и даже ⅕ часть пахотной земли. Продажная ценность земли: под виноградниками 60—40 р. за танап, под фруктовыми садами 40—30 р., под пашнями 12—10 р. за танап. Земля удобряется навозом, или землею-же, у кого его нет. Засевается более всего рис, пшеница и ячмень. Джугара сеется главным образом на худших высоких местах, о которых выше упомянуто, а потому урожаи этого хлеба не обильны. Впрочем и рис, и пшеница не дают даже на лучших местах более 2 батманов урожая, средний же их урожай 1½ и и 1 батман.

Опрошенные председателем отдельные жители показали:

1) Имеет 25 танапов земли пахотной и сад в ½ танапа величиной. Содержит семью из 9 человек. Хлеба бывает достаточно. Сеет каждый год на 20 танапах пшеницу, ячмень и шалу.

Урожай пшеницы в прошлом году был 1 б. 3 п. Пахотную землю ценят в 24—20 р. за танап, садик свой в 10 р.

2) Самаркандский житель, недавно купил в Байлагане — ближний от Пайшамбе-Сиаба кишлак — 60 танапов земли. При общественных работах в Байлагане участвует наравне с местными жителями, в то же время имеет расходы на общественные надобности, при починке арыков или вносит за каждый рабочий день по 40 коп. по обычаю.

3) Житель Тайляка (кишлак верстах в 2-х от Пейшамбе-Сиаба, между ним и Байзагал-кишлаком), имеет семью в 15 человек. Земли 30 танапов под пашнями и 2 танапа под виноградником. Хлеба собирает вообще достаточно для содержания семьи, но в иной год своего хлеба не достает. Занимается хлебопашеством исключительно.

Справка: с 10 кошей земли, обложенных податью в 1871 г., взыскано было с жителей к. Пейшамбе-Сиаб:

а)	кошного сбора	12 руб.
	танапного сбора	21 руб.
		33 руб.

б) в херадж с продуктов раннего (аш) и позднего (кош) засева — 122 батмана 7½ пудов.

Справка датирована 16 мая 1872 г.

Завершением деятельности комиссии ген. Абрамова явилось представление Кауфману проекта «Положения о поземельном устройстве Туркестанского края»[35, 36] (приложение 1-е).

Одновременно комиссией были представлены: «Положение об обелении земли, т. е. о выкупе оброчной повинности»[37], «Положение о вакуфах»[38] и «Правила о порядке введения в действие Положений о поземельном и податном устройстве Туркестанского края»[39], —следующего содержания:

Положение об обелении земли, т. е. о выкупе оброчной повинности.

1. Со времени выдачи владенных записей дозволяется владельцам земли продавать свои наделы лицам, не принадлежащим к туземному населению и не желающим войти в состав сельских обществ. Земли отходят в частную собственность приобретателей, одновременно с обелением их от оброка.

2. Укрепление прав на земли, приобретаемые этими лицами, производится крепостными актами в областных правлениях, указанным в общих узаконениях империи и с соблюдением нижеследующих правил.

3. При совершении крепостного акта должна быть предъявлена выписка из владенной записи, с подлежащим удостовере-

нием уездного начальника о числе десятин приобретаемой земли, согласно плану, и о количестве причитающегося оброка.

4. При покупке земли, состоящей в участковом владении, причитающаяся оброчная подать капитализируется из 5% и расчитанная на сем основании сумма вносится покупщиком в областные правления полностью из уговоренной суммы за землю, что и прописывается в самом акте.

Примечание. Крепостные пошлины берутся полностью на общих основаниях.

5. По совершении крепостного акта областное правление препровождает деньги в казначейство, в особый депозит на сей предмет установленный и сообщает в казенную палату об исключении из оклада оброчной подати, значущейся за обществом, к коему принадлежит продавец земли.

6. Вместе с сим областное правление сообщает уездному начальнику о совершении крепостного акта, для отметки во владенной записи о переходе земли в частную собственность.

7. Продажа земли, с обелением ее от оброка, дозволяется при участковом потомственном владении как цельным участком, записанным за домохозяином повладенной записи, так и раздробительно и в сем последнем случае расчет причитающегося оброка делается на основании поверочного акта.

8. Продажа земли с обелением ее от оброка дозволяется при общинном владении, но не иначе, как с разрешения Военного губернатора, который утверждает приговор о сем общества, представленный уездным начальником, указывая в каждом случае, в каком количестве десятин общество может отчуждать свою землю.

Примечание 1. Подобное разрешение дается только многоземельным обществам.

Примечание 2. Военные губернаторы наблюдают, чтобы общества не продавали своих земель в ущерб интересам населения. В виду приписки новых членов к сельским обществам, размер остающейся за продажей земли, не может быть меньше нормального надела, определенного для общества.

9. При продаже общинной земли, вырученные деньги вносятся полностью в областное правление, которое обращает их в казну и вместе с тем делает расчет об уменьшении оклада оброчной с общества подати, в размере пяти копеек на каждый рубль, поступившей в казну продажной суммы.

Примечание. Во всем прочем Областное управление поступает на основании вышеизложенного.

10. По выдаче владенных записей, генерал-губернатор имеет представить на разрешение высшего правительства о порядке общего обеления земли, состоящей в участковом и общинном владении, т. е. об выкупе населением оброчной повинности.

11. Выкуп совершается обязательно, по желанию владельцев земли, с тем однако, что каждый владелец должен объявлять свою землю полностью, т. е. целым участком, записанным за ним по владенной записи, а общество весь отведенный им по владенной записи надел.[40]

Положение о вакуфах.

1. По выдаче областным присутствием, учреждениям и лицам удостоверения об утверждении их прав по вакуфному документу и о праве их получать от казны денежное вознаграждение, начальники уездов имеют наблюдение, чтобы все условия завещания были в точности выполняемы.

Примечание. Учреждения и лица получают от начальников уездов следующие им деньги, за отчислением причитающихся в казну согласно завещанию.

2. В случае уменьшения числа учеников в медресе и других изменений, в противность назначений, сделанных по завещанию, причитающиеся для сего деньги удерживаются казной и поступают в распоряжение администрации, для нужд по народному образованию и призрения больных и неимущих.

3. Завещание земли в вакуф не дозволяется впредь до времени обеления, т. е. до выкупа оброчной подати. Земли обеленные, принадлежащие на праве частной собственности, завещаются в вакуф, с разрешения военных губернаторов, по обычаю, с соблюдением того ограничения, что учреждение или лица получают от казны денежное вознаграждение за землю, которая причисляется к землям государственным.[41]

Иной, по сравнению с прежними предположениями характер проекта положения о поземельном устройстве, составленный в Самарканде комиссией генерала Абрамова, явился следствием значительных изменений, наступивших в политической обстановке Туркестана в 1872 году.

Это с особой ясностью видно из содержания тех статей проекта, которые касаются политики Кауфмана в отношении земель, принадлежащих местным феодалам и, в некоторой мере, в отношении земель мусульманского духовенства. Совершенно понятно, насколько важным является вопрос в отношении права землевладения для этих представителей господствующего класса Туркестана в период ханского правления.

Обстановка в Туркестане в самые первые годы после присоединения требовала большой политической осторожности вообще и особенно в таком важном вопросе, как вопрос феодального землевладения.

К 1872 году положение существенно меняется. Позиция новой власти укрепляется настолько, что хивинский поход уже готовился полным ходом и «благожелательный нейтралитет» эмира Бухары признавался гарантированным.

В положении о поземельном устройстве, предложенном комиссией генерала Абрамова, ст. 3 вносит существенные изменения, значительно ущемлявшие интересы мильковладельцев. Эта статья признает все земли Туркестанского генерал-губернаторства собственностью государственной, отводимой в надел населению, в пользовании которого находилась. Исключением составляли лишь земли, признаваемые состоящими на праве частной собственности, причем для земель мильк-хуруxалисных (обеленных) право это признавалось лишь в случае, если эти земли состояли в непосредственном пользовании владельцев (милькодаров) и при доказательстве «подлинности и правильности имеющихся у них на сии земли документов». Эти два условия фактически лишали милькодаров прав на сохранение за ними их прежних земель, ибо удовлетворяющие двум указанным условиям могли быть лишь довольно редкие, единичные случаи.

Осуществление ст. 1—3 предложений комиссии ген. Абрамова о вакуфах устанавливали бы государственный контроль над вакуфными доходами и практически запрещали завещательные вакуфные акты в дальнейшем, так как они обусловливались предварительным обелением завещаемой земли и затем ставились в зависимость от разрешения военного губернатора. Ясно, что такая мера наносила тяжелейший удар по вакуфному землевладению, лишало крупное мусульманское духовенство экономической базы и фактически ликвидировала как мильковую, так и вакуфную формы феодального землевладения.

Далее, заслуживает быть отмеченным выдвигаемое проектом право частной собственности на разные категории туркестанских земель. Проект ген. Абрамова вообще в ст. 1 подразделяет все земли Туркестанского края на две части: земли государственной собственности и земли частной собственности, причем последние точно регламентированы в пяти пунктах ст. 2.

Нужно сказать, что, как это будет видно из дальнейшего изложения, предоставление права частной собственности на земли Туркестана не входило в планы царского правительства.

По-видимому, на авторов данных проектов поземельного устройства Туркестанского края оказывала влияние та политика по крестьянскому вопросу, которая осуществлялась в России после реформы 1861 года, приобретая постепенно буржуазный характер.

Это предположение подкрепляется еще и тем, что комиссия генерала Абрамова выдвинула целый раздел положения об обелении земли, т. е. о выкупе оброчной повинности.

Несомненно, что такие, встречающиеся в проекте понятия, как выкуп, надел, оброчная подать заимствованы из того же источника, причем, вводя в практику выкуп земли, комиссия ген. Абрамова пыталась сохранить в Туркестане такой архаический институт, как обеление. Известно, что в России в пореформенный период выкуп имел иное назначение.

Затем, проект, выдвинутый комиссией генерала Абрамова, впервые в поземельном и податном устройстве Туркестанского края, назвал новую категорию земель, составляющих «казенно оброчные статьи».[42] Впоследствии эта категория земель приобрела очень большое значение в осуществлении планов колониальной политики царского правительства в Туркестанском крае.

Кроме разработки вопросов, связанных с землевладением и землепользованием, комиссия генерала Абрамова представила Кауфману еще и «Положение о правах состояния и о местном управлении инородческого и русского населения Туркестанского края».[43]

Приводим извлечение из этого положения, имеющее прямое отношение к рассматриваемому вопросу:

ст. 9. В отношении права по имуществу — инородцам, как отдельно, так и целыми обществами, предоставляется приобретать в собственность движимые и недвижимые имущества и распоряжаться оными, с соблюдением общих узаконений, на сей предмет установленных, для сельских обывателей.

Примечание. Право на полное распоряжение имуществом и свобода вступать в обязательства приобретается инородцами не прежде, как по достижении совершеннолетия, которое полагается для них в 17-летнем возрасте.

10. В порядке наследования имуществом, инородцам предоставляется руководствоваться местными своими обычаями.

11. Выморочные имущества поступают в пользу тех обществ, к составу коих владельцы их принадлежали.

12. Впредь до особого высочайшего повеления, население Туркестанского края изъемлется от отбывания рекрутской повинности и от внесения в ревизские сказки по народной переписи.

Указанные ст.ст. 9—12 положения о правах состояния дают некоторое представление о контурах внутренней политики Туркестанской администрации в первые годы после присоединения Туркестана к России. Если учесть далее, что такие важнейшие области этой политики, как местный суд и школа остались фактически неприкосновенными, вне вмешательства власти, то станет понятным, что политика эта вообще осуществлялась крайне осторожно и с большой осмотрительностью— это соответствовало тогдашней внутренней и международной обстановке.

После представления разработанных материалов в канцелярию Туркестанского генерал-губернатора, комиссия генерала Абрамова, в том же 1872 году, прекратила свою деятельность.

5. Поземельное устройство в проекте положения об управлении Туркестанского края 1873 года.

По получении материалов комиссии генерала Абрамова, Кауфман приказал учредить новую комиссию под своим председательством в составе членов: генерал-лейтенанта Колпаковского, генерал-майора Головачева, генерал-майора Гомзина, генерал-майора Абрамова и полковника Носовича, делопроизводителем комиссии утверждался П. И. Хомутов.[44]

Кроме постоянных членов, к участию в заседаниях приглашались многие другие лица «знание края и компетентность коих немало принесли пользы делу...».

Эта комиссия должна была изучить представленные материалы и окончательно отредактировать раздел «О поземельном устройстве» для включения в представляемый в военное министерство проект положения об управлении Туркестанским краем 1873 года.

В историческом архиве УзССР сохранились черновые материалы, позволяющие представить детали работы этой комиссии и большую роль в этом деле П. И. Хомутова, непосредственно эту работу выполнявшего. Черновые материалы имеют собственноручные подписи членов комиссии.[45]

В проект поземельного устройства, предложенный комиссией генерала Абрамова, были внесены следующие изменения:

1. Изменена номерация ст. ст. Статья 1-я проекта Абрамова исправлена на 210-ю и т. д.

2. П. 2 ст. 2 (п. 1 ст. 211) текст изменен и формулирован: «Земли мильк-хурухалисные, если они состоят в непосредственном пользовании владельцев (милькодаров) и не заселены посторонними лицами и обществами».

3. В ст. 10 (219) слова «потомственное владение» заменены словами «постоянное пользование». Эта замена произведена и во всех последующих статьях, где имелся термин «потомственное владение».

4. Полностью исключен текст ст. 16 о праве отчуждения общинной земли с соблюдением условий, постановленных в положении о выкупе.

5. Полностью исключен текст ст. 21 о праве отчуждения подворных участков при условии обеления последних.

Вместо этой статьи включено примечание к ст. 228 (19) с текстом: «Переход от подворного владения к общинному допускается и для отдельных домохозяев общества, по взаимному соглашению; но в таком только случае, когда принадлежащие им земельные участки расположены не черезполосно, а в одной сплошной меже».

6. В ст. 31 (240) исключены слова: «Выкуп, продажа».

7. Многие исправления, внесенные в «Положение об обелении земли, т. е. о выкупе оброчной повинности» указывают, что этот вопрос был предметом продолжительной дискуссии, которая оказалась завершенной, уже после подписания документа Кауфманом и другими членами комиссии, полным исключением этого текста из проекта 1873 года. Интересен тот факт, что среди прочих исправлений выдвигалась (фиксировано рукой П. И. Хомутова) замена заголовка этого раздела следующим: «Приложение к ст. 16 и 21 правила о порядке отчуждения в частную собственность земель, отведенных в потомственное владение».

8. То же произошло и с «Положением о вакуфах», предложенным комиссией ген. Абрамова. Этот раздел полностью исключен из проекта 1873 года. Вместо разделов «Положение об обелении земли, т. е. о выкупе оброчной повинности» и «Положения о вакуфах», в новый проект был включен специальный раздел: «О землях мильк-хуруxалисных и вакуфных, отнесенных к разделу земель государственных», включающий ст. ст. 247—252.

Лишая (ст. 248) владельцев мильк-хуруxалисных и вакуфных земель «права на владение оными и на взимание дохода с земледельцев, в надел которых земли отойдут, как государственные», осторожности ради, в проект включена была ст. 249-з:

«Взамен того, предоставляется означенным лицам и учреждениям право на получение от казны ежегодно денежного вознаграждения, размер которого имеет быть определен, при введении положения, по оценке отчужденных из их владений земель, в количестве 10% с валовой этих земель доходности».

Примечание. Порядок самой выдачи сего вознаграждения мильковладельцам и вакуфным учреждениям имеет быть указан главным начальником края.

Допустив некоторое послабление, пообещав милькодарам и вакуфным учреждениям выдачу 10% доходов с их бывших земель, в то же время еще больший ограничительный характер был определен в отношении дальнейших завещательных земельных вакуфных актов.

Последняя статья проекта, 252, довольно твердо лаконично устанавливала: «завещание земель в вакуф на будущее время допускается, с разрешения военных губернаторов, для лиц, владеющих землей на праве полной собственности».

При неоднократно высказанном как самим Кауфманом, так и его ближайшими помощниками, отрицательном отношении к увеличению вакуфных земель, не трудно понять, что получение разрешения военного губернатора на учреждение новых земельных вакуфов, представлялось почти невозможным.

Затем, линия на ликвидацию мильковых привилегий и ограничения вакуфного земельного имущества предложена в документе, включенном комиссией Кауфмана в «Правила или инструкцию о порядке введения в действие положения о поземельном и податном устройстве Туркестанского края». Речь идет о разделе III-м этих правил, названном «О предъявлении поверочных актов населением и о рассмотрении туземных и русских документов на право владения землей».[46]

В этом разделе III-м интересующими нас статьями являются:...

ст. 25. Мильковый документ может быть признан имеющим силу для укрепления прав владельца на землю только в том случае, когда нет сомнений в его подлинности.

(24 ст. говорит, что при рассмотрении прав на земли по мильковым документам, к рассмотрению принимаются только те, кои будут представлены населением до срока, назначенного генерал-губернатором).

Ст. 26 Он (мильковый документ) должен быть утвержден по меньшей мере одной печатью какого-либо из владевших Бухарой и Кокандом эмиров или ханов, причем никакой силы не имеют печати казиев и других лиц.

Ст. 27 Если нет подлинного документа, но есть письмо или выписка за печатью эмира или хана, подтверждающие о действительности права владения на землю, то таковые письма и выписки не имеют силы доказательства.

Ст. 28. Мильковый документ должен заключать в себе: наименование селения (кишлака) или урочища, обеленных от податей, а также означение пространства земли и точные ее

границы. Если этого не имеется, то давность фактического владения землей признается имеющей силу доказательства только в случае соблюдения условий ст. ст. 24—27.

Ст. 29. Преимущественное право на признание принадлежит старейшим из документов по давности времени. Документы, выданные эмиром Бухарским Муззафар-Эддином, и Кокандским ханом Худояром, не принимаются к рассмотрению.

Ст. 30. В случае предъявления документа, не подходящего под вышеозначенные условия, присутствиям, по представлению о сем уездных съездов, предоставляется входить с ходатайством к генерал-губернатору о признании права милька за владельцами, если они найдут уважительными права давности на обеленную землю.

Примечание. В сем последнем случае, уездные съезды представляют присутствиям подробные заключения о праве владения на землю.

Ст. 31. При рассмотрении прав на землю по вакуфным документам, соблюдаются правила, указанные в ст. ст. 24—30 для мильковых документов.

Ст. 32. Кроме сего, принимается во внимание, что вакуфный документ должен заключать в себе подробное изложение самого завещания, т. е. точное распределение дохода, как между казной и учреждениями, так и, в частности, между сими последними.

Кроме самого текста раздела IV проекта «Поземельное устройство», была составлена также и «Объяснительная записка к проекту положения об управлении Туркестанским краем».

Записка эта охватывала все разделы проекта и в том числе раздел поземельного устройства. Разделы записки по поручению Кауфмана составлялись разными лицами и затем подвергались окончательному редактированию в комиссии.

Часть объяснительной записки, относящаяся к поземельному устройству, была составлена подполковником генерального штаба Л. Н. Соболевым.[47]

Подчеркивая в объяснительной записке первостепенную важность правильного решения вопроса землевладения, поземельных отношений в новом крае, автор выдвигает две принципиальные основы устанавливаемых отношений: «Они должны необходимо опираться на экономическое и историческое прошедшее того общества, среди которого учреждаются, а также не противоречить здравым законам политической экономии, выработанным в Европе в последнее столетие».

Этот тезис затем уточняется со следующей большой подробностью:

«Всякое общество, прожившее несколько веков на известных экономических началах и под влиянием определенной системы законодательства, до такой степени усваивает себе эти начала, что коренное изменение их, без внимания к установившимся обычаям, хотя бы самое изменение сделано было под влиянием новейших законов наук, невольно вызывает ломку его экономической жизни и может привести к таким практическим недоразумениям, устранить которые возможно будет лишь известными уступками старому порядку вещей. Всякая крутая мера, не опирающаяся на исторические основы, невольно вызывает соответствующую реакцию, которая еще более затрудняет установление желаемого мероприятия. Уступка прошедшему и в особенности понятиям, сложившимся на основании этого прошедшего в среде общества, есть существенное условие к учреждению новых оснований экономической и гражданской жизни. Лишь под влиянием этой уступки и постепенного водворения новых начал, является возможность к полному переходу к новому порядку вещей. Понятия мусульман, населяющих Среднюю Азию, о владении и пользовании землей сложились тысячелетиями под влиянием особых экономических условий Средней Азии и законов Магомета. Самые законы Магомета опирались на эти экономические условия. При туземных правительствах, управляемых народом во всех отношениях согласно предписаниям корана и шариата и местным обычаям, такая система поземельного законодательства, которую мы застали в населенных областях Туркестанского края, удовлетворяла всех. Правительства видели в ней источник значительных и постоянных доходов; народ был доволен, ибо система опиралась на такие данные, на которых основывались все его понятия. Лишь злоупотребления администрации и сборщиков податей вызывали неудовольствие.

Между тем, в общем экономическое положение занятого нами края было неудовлетворительно. Народ был слишком обременен поземельными налогами и не был обеспечен от самых значительных злоупотреблений. Законы мусульманские о праве владения и пользования землей, имеющие несомненную точность, тем не менее не приносили стране при туземной администрации тех выгод, какие можно было бы ожидать при благоустроенном правительстве.

Законы о свободных переходах земельной собственности из одних рук в другие, вообще чрезвычайно важные в ряду поземельных законоположений, исполнялись часто в ущерб экономическому положению частных лиц.

Порядок наследования землей, имеющий одинаковую важность с порядком о переуступке прав на землю, определенный

точно в шариате, также не исполнялся надлежащим образом и часто изменялся, смотря по желанию административных лиц».

В записке признается, что знакомство с условиями жизни в Средней Азии ограничивалось для русской администрации киргизской (казахской) степью и ни малейшего представления не имелось об условиях оседлой жизни.

После знятия Ташкента, Ходжента, Джизака и Самарканда русские столкнулись с совершенно своеобразными и незнакомыми условиями и потребовалось время для того, чтобы их изучить. Такое положение имело место и в деле местного землевладения и землепользования. Этим, собственно, и объясняется невозможность издания «органического закона о поземельном устройстве края». Проект 1867 года устанавливал порядок взимания поземельных податей хераджа и танапа, однако и это дело не было упорядочено по той же причине — неопределенности землевладения.

Ко времени составления проекта 1873 года считалось, что в изучении положения в Туркестане достигнуты результаты, позволяющие приступить к разработке законов по поземельному устройству, отдавая должное исключительной политической важности этого дела. Заявлялось, что выдвигаемый проект был итогом «теоретического изучения аграрной системы Средней Азии, согласованного с законоположениями империи», в которые вводятся и некоторые постановления, являющиеся лишь незначительными дополнениями, вызванными «особенностями быта туземцев и особым положением края».

Повторяя в большинстве случаев те основы мусульманского шариатского права в землевладении и землепользовании, которые нами уже приводились при рассмотрении итогов работы комиссии генерала Гомзина, объяснительная записка содержит несколько новых положений, относящихся к формам мусульманского землевладения, существовавшим в Туркестане к приходу туда русских.

К таковым может быть отнесено следующее: земли ушри были такими, которые созданы были государством в завоеванной стране на праве военных поместий. Взимаемая подать составляла $^1/_{10}$ часть урожая и считалась лежащей не на земле, а на имуществе (хлебе). Земли хераджи являлись землями, оставленными во владении покоренных народов. Подать с таких земель, именуемая хараджем, были двух видов: харадж-мувазеф, определенная и постоянная, и харадж-мекосима — соразмеряемая с урожаем, пропорциональная ему.

Мамлякатные земли предоставлялись частным лицам на

праве аренды. Земли ушри и хераджи могли быть отчуждаемы, посвящены, подарены и переходили по наследству. Земли мамлякатные не имели свойств пожизненного и, тем более, наследственного пользования. Ни дележу, ни дару, ни завещанию не подлежали.

Устанавливалось, что несмотря на строгую почитаемость шариатских постановлений по вопросам землевладения и землепользования, в действительности, на практике существовали многие отступления от этих постановлений.

«В мусульманских странах введены различные нормы, основанные на обычае по отношению землевладения и хотя они не освещены законом пророка, но укрепились довольно прочно и уважались не только народом, но и правителями».

Объяснительная записка чаще всего ссылалась на примеры из практики Зеравшанского округа, который считался наиболее изученным и типичным для оседлых районов Туркестана.

Приводя характеристику всем разновидностям милькового землевладения, в записке упоминается новый вид милька: мильк-муши (смешанный мильк). Он возникает в том случае, если владетель милька хурухалисного составляет землю и другое имущество в общее владение наследников, не обязывая их завещанием совершать немедленный раздел.

Указывалось, что всякое мильковое право могло быть подтверждено проверкой записей в книге «дафтери-тимур», заведенной еще Тимуром (суюргал), в которой обязательно регистрировались все мильковладения.

Даже на практике Зеравшанского округа, вопреки шариатским постановлениям, существовала широкая практика передач амляковой земли (мамлякатной) без всякого контроля со стороны властей.

В записке признавалось, что вопрос вакуфного землевладения является вопросом наименее изученным и весьма запутанным.

По этой причине первоначально русская администрация полагала, что вся вакуфная земля должна была находиться в полном распоряжении владельцев и совершенно быть освобожденной от податей в казну.

Однако, затем было установлено, что в Туркестане почти не существовало вакуфов, полностью освобожденных от податей в казну и что право владельцев вакуфного имущества строго ограничено документом, именуемым «вакуф-наме». Стало известно, что большая часть доходов с самого крупного в стране вакуфа потомков Хаджи Ахрара[18] должна поступать в казну.

Затем в Записке доказывается разумная необходимость

порядка обусловленности землепользования в Средней Азии, вызываемая природными условиями страны. С точки зрения прав частной собственности на землю, правительственное регулирование посева сельскохозяйственных культур на частновладельческих участках, расценивалось бы незаконным. Между тем, такое стеснение в Средней Азии существовало и будучи рассматриваемо в широком плане должно признаваться скорее как поощрение земледелия, а не его стеснение.

«Это убедительно видно на примере орошения урочища Тагир-Шейха в Зеравшанском округе. Тагир-Шейх есть урочище величиной в 15000 танапов (танап 6250 саженей), расположенных к северу и северо-западу от города Чалека. В 50—60-х годах XIX в. Самаркандским бекством правил бек Ибрагим Парваночи, известный в народе как покровитель земледелия и строго следивший за родом пользования землей. В это же время в Чалеке сидел его брат Якуб бек. Братья жили между собой в мире и вместе заботились об экономическом процветании своих жителей.

Надо заметить, что орошение площадей Чалекского бекства находилось в прямой зависимости от Самаркандской администрации. Оросительные каналы, проходящие по Чалекской земле, выходят из больших каналов, которые расположены близ Самарканда. Главный канал Чалека есть Пай-арык — он берет свое начало из Булунгур-Мурза-арыка, протекающего по Самаркандской земле. Из Пай-арыка выходят до 11 арыков. Самый северо-западный арык, орошающий урочище Тагир-Шейха, называется Чураш. Во времена Ибрагима бека самаркандская администрация строго наблюдала, чтобы в Чураш-арык проходило столько воды, сколько необходимо для орошения тамошних полей. Для того, чтобы вода не задерживалась, запрещено было на известных местах сеять рис. На Тагир-Шейхе было в то время до 100 поселков с населением в несколько тысяч. С падением Ибрагим бека и Якуб бека начались волнения в восточной части Зеравшанской долины. Администрация не следила строго за родом пользования землей. В посевах не наблюдались известные правила. Всякий сеял, что хотел, вода задерживалась на полях без соблюдения прежде бывших порядков. Словом, возникла бесконтрольность в пользовании землей. Результатом этого было совершенное запустение Тагир-Шейха. В 1868 году, когда была занята русскими восточная часть долины, из ста поселков этого урочища не осталось и десяти. Население их уже не занималось хлебопашеством, ибо на их земли не проходила вода, а промышляло сбором с запустевших полей колючки, идущей на топливо.

Ввиду жалоб жителей Тагир-Шейха и для обеспечения их

материального положения, администрация Зеравшанского округа весной 1782 г. сделала соответствующее распоряжение о пропуске воды в Чураш. В числе этих распоряжений были объявлены некоторые запрещения на посев риса в верхних частях арыка».

Из сказанного выводилось заключение, что в Средней Азии нет права полной собственности над землей, как оно понимается в Европе. Есть права владения и пользования землей, ограниченные известными условиями. Обязанность правительства поддерживать главные оросительные каналы и наблюдать за посевами, ограничивая их в известных случаях. Это определяет собой значительную долю той зависимости в поземельных правах, какая существует между государством и местными землевладельцами.

Объясняя почему именно государственные, мамлякатные (амляковые) земли закрепляются проектом за населением не на праве частной собственности, а на праве постоянного пользования, указывается «что понятие о праве полной собственности в том виде, как оно теперь существует в европейской науке, есть понятие чисто местное европейское... Права государства на землю, обрабатываемую частными владельцами, могут быть сокращены до той степени, до которой они необходимы в чисто политических видах. Совершенно не то в странах, где писал свои законы Мухаммед и в Туркестанском крае. Климатические условия Туркестанского края таковы, что государству должны быть предоставлены гораздо большие права по отношению землевладения, чем то необходимо в Европе...».

В записке вновь подчеркивается разумность меры, дающей основание и начало всем правам на землевладение и землепользование в Средней Азии — обязательной обработки земли. По мнению авторов записки, эта мера имела и еще одну положительную сторону: она привела к нормальному раздроблению земельных участков и не допустила сосредоточение поземельной собственности в руках крупных капиталистов.

В Туркестане, — говорится в записке, — нет крупных земельных собственников и «таким образом аграрная система края, — по-видимому, совершенно противоположная системе, выработанной новейшей экономической наукой, привела в одном отношении к тем результатам, которых лишь стремится достигнуть последняя...».

В итоге отмеченных выше исправлений и дополнений, произведенных комиссией под личным председательством Кауфмана, в проект 1873 года, раздел IV — Поземельное устрой-

ство — был включен в новой редакции[49]. (См. приложение 2-е).

Этот проект положения об управлении Туркестанским краем в том же 1873 году, был представлен Кауфманом в военное министерство. В военном министерстве для изучения представленного проекта и окончательной разработки положения была создана специальная комиссия под председательством генерала от-инфантерии — Непокойчицкого. Туркестанскую администрацию в комиссии представляли генерал-майор Гомзин и подполковник Соболев.[50]

Комиссия долго и много занималась Туркестанским проектом. Официальные заседания комиссии, судя по сохранившимся журналам (протоколам), состоялись 7, 9, 14, 16, 21, 23 и 28 августа и 4, 6, 11, 13, 18 и 20 сентября 1878 года.[51]

В нижеприведенном заявлении комиссии так определялась задача ее работы:

«Приступая к исполнению возложенной задачи, комиссия приняла в основание своих занятий следующие соображения: Туркестанский край представляя обширную среднеазиатскую территорию, значительная часть которой лишь весьма недавно вошла в состав империи, и отличающийся резкими особенностями не только в физико-географическом смысле, но и еще в большей степени в бытовой стороне населяющих ее народностей, сложившейся под влиянием вековых исторических событий, требует большой осторожности и постепенности в применении к нему всех безразлично форм устройства, установившихся в русском государственном организме. Склад жизни и понятий мусульманина даже в мельчайших проявлениях его обыденного быта, столь тесно связан с его религией, что нарушать его без особенно важных и вредных для благосостояния народа причин, было бы политической ошибкой. Поэтому комиссия полагала, что задача управления в Туркестанском крае должна главнейшим образом клониться к постепенному освоению местного населения с более совершенными формами гражданского быта... и к скорейшему введению в крае правильного поземельного устройства, стараясь не насиловать при этом религиозных и исторически вылившихся обычаев туземцев...».

По содержанию раздела «Поземельное устройство» представленного проекта положения, на основании записей в журналах, были приняты следующие решения:

1. Главные основания проектированного туркестанским начальством поземельного устройства оставлены комиссией без изменения, с тем лишь исключением, что мильковые земли вообще, не заселенные посторонними лицами, сравнены по отношению к правам владения ими, с землями мильк-хурухалис-

ными, как составляющими лишь особый вид (обеление) милька.

«Укрепляя мильковые земли, оставшиеся за отводом надела поселенным на них лицам или обществам, милькодарам на правах полной собственности, комиссия имела в виду доказать населению Туркестанского края, что вводимое в нем поземельное устройство, точно определяющее право пользования землей, отводимой местным инородцам, нисколько не нарушает существующего в Средней Азии милькового права, так как мильковладельцы, взамен той части хераджа, которая причиталась бы им с отходящих от них в пользование посторонних лиц земель, будут получать ежегодно соответствующее вознаграждение от государства».

2. Комиссия не соглашалась с тем, что в туркестанском проекте допускалось владение отведенными землями и на праве общинном. Признавая полезным вовсе не допускать на будущее время распространения общинного вида владения, было внесено изменение со следующей редакцией:

«210. Инородцы владеют отведенными им в надел землями на праве наследственном, отдельными семейными участками. Общинное землевладение допускается лишь в тех поселениях, где оно существовало до издания настоящего положения».

Соответственно определялся упрощенный и облегченный порядок выдела из общинной земли подворных участков отдельным домохозяевам.

Затем, по разделу «Земли мильковые и вакуфные», комиссия определила, что за милькодарами и вакуфными учреждениями признаются, на праве полной собственности, только те земли, на которые имеются вполне законные документы.

В противном случае эти земли отводятся владельцам только на праве постоянного пользования (221 ст.).

«Признавая, вместе с тем, неудобным умножение вакуфов в Туркестанском крае, но отвергая также принятие каких-либо резких против этого мер, дабы тем не возбудить неудовольствия мусульманского духовенства, пользующегося еще значительным влиянием на население, комиссия ограничила возможность учреждения, на будущее время, новых вакуфов непременным разрешением главного начальника края» (ст. 222).

Комиссией был составлен новый проект положения об управлении в Туркестанском крае и подробная объяснительная записка к нему.[52]

Текст статей главы IV проекта «Поземельное устройство в Туркестанском крае».[53–54] (см. приложение 3-е).

Сравнивая два последних проекта, устанавливаем, что важнейший раздел туркестанского проекта был фактически

одобрен комиссией с весьма небольшими изменениями. Однако последующие события свели дело к тому, что проект комиссии Непокойчицкого не получил признания и не был утвержден царским правительством, следовательно был отвергнут и туркестанский проект 1873 г., основные положения которого были полностью сохранены в проекте Непокойчицкого.

Военный министр Д. А. Милютин вынужден был в начале 1874 года передать проект на заключение министерств.

Наиболее подробный отзыв на проект был получен 3 декабря 1874 года от министра финансов.[55] Мы приводим ту часть отзыва, которая касается поземельного устройства Туркестанского края полностью, ввиду большого интереса, им представляемого и как убедительный пример отношения министерств к туркестанской администрации, поставленной в особое положение теми исключительными полномочиями, которыми был наделен лично Кауфман.[56]

«... из слов пояснительной записки оказывается, что проектированное ныне поземельное устройство Туркестанского края есть результат теоретического изучения аграрной системы Средней Азии» (57 стр.) и что «поземельные отношения на практике значительно изменились, хотя и не по существу, не по праву, а в смысле действительного факта (58 стр.).

Поэтому естественно рождается вопрос,—пишет министр,—какие же именно основания были приняты проектом при предположениях об устройстве этих земель — основания ли мусульманского права или практики. Ответ на этот вопрос остается неразрешенным. Кроме того, полагая основным началом поземельного устройства края, признание государственной собственностью всех его земель, за весьма малыми исключениями, проект с одной стороны, как-бы утверждает мусульманский принцип права, на основании которого завоеванные земли считаются собственностью завоевателя и могут быть отданы в пользование населения под условием платежа определенной подати, а с другой как-бы вводит особое положение, в силу которого все земли Туркестанского края, за весьма небольшими изъятиями, должны считаться казенною оброчною статьею, отданною в бессрочное пользование населения, без его на то согласия, по обязательной для него цене, назначенной самим правительством и называемой оброчной податью и земскими повинностями (209 и 287 ст. проекта). Рассматривая эти предположения с первой, из вышеуказанных, точки зрения, оказывается, что в настоящее время, после истечения, со времени занятия края, девяти лет, в продолжении которых само правительство никогда не предъявляло в этом отношении права завоевателя и нередко во многих местах покупало у населе-

ния земли за деньги для постройки казенных зданий, помещения лагеря, ярмарки и т. п., основывать на этом мусульманском принципе поземельное устройство края, едва ли возможно, тем более, что в таком случае уступка земель завоеванному населению налагает и на завоевателя такие обязанности, которые не могут быть согласными с целями и действиями русской власти.

Если же принять другое толкование принятых проектом оснований для поземельного устройства, т. е. что земли Туркестанского края будут считаться казенною оброчною статьею, то таковые земли, заключающие в себе большую часть территории русского Туркестана, должны подлежать согласно уставу о казенных оброчных статьях, ведению и управлению уже не Военного министерства, а Министерства государственных имуществ».

Министр финансов находил, что основные начала такого устройства прямо противоречат общему характеру всей поземельной реформы, совершенной и совершающейся в России. Главная цель этой реформы, по его мнению, состоит в том, чтобы сделать земледельческое население империи крестьянами-собственниками, а не обязательно владельцами земель правительственных. Между тем проект предполагает в этом отношении совершенно обратное: почти все земли края, состоящие в настоящее время, с более или менее резкими признаками, на праве собственности, он обращает в государственные на праве пользования. По этой причине если бы проектированное поземельное устройство края когда-либо получило утверждение, то впоследствии оно неминуемо должно было подвергнуться новому преобразованию, сообразному общему характеру поземельной реформы в остальной России, и повлечь новые предположения и узаконения о выкупе населением тех же самых земель, которые ныне, без видимой надобности, признаются казенными и предоставляются ему только в пользование. Наконец, в частности, многие статьи, относящиеся до поземельного проекта, противоречат одни другим и предполагаются, по мнению министра, такие меры, которые изменяют коренные законы империи. В качестве примера приводятся: а) по 192 ст. проекта «земли, приобретенные в собственность по купчим крепостям и другим законным актам укрепления, выданным русскими властями и установлениями, предоставляются лицам их приобревшим, на праве полной собственности...» Согласно этой статье «все акты туземцев относящиеся до продажи, уступки, завещания, наследования земель и т. п., совершенные на основании мусульманских законов, и обычного порядка, не только при мусульманских владетелях, но и во

время управления краем русскою властью не будут признаваемы действительными. Подобная, весьма радикальная мера, едва ли справедлива и осуществима. Если по времени завоевания Туркестанского края туземному его населению не было никогда объявлено, что утверждение их имущественных между собою сделок должно непременно подлежать русским установлениям, а напротив того мусульманские законы по приобретению имущества и распоряжению оными русскою властью признавались, то едва ли представляется возможным разом, без всяких переходных мер, приступить к осуществлению проектированного закона». При этом необходимо заметить, указывается в отзыве, что совершение русскими установлениями всяких актов по приобретению земель было приостановлено, по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора в 1871 г. Поэтому таковых актов, по всей вероятности, весьма незначительное количество. Наконец слова вышеприведенной статьи: «приобретенное в собственность по купчим крепостям и другим актам укрепления» в связи с п. «а» 23 ст. (примеч. к 224 ст. проекта), в котором говорится о документах на земли, выданных русскими властями не крепостным порядком, наводят на мысль, что право полной собственности на земли в Туркестанском крае будет предоставлено на основании крепостных актов, которые в остальной России такового права владельцам не предоставляет; б) на основании 204 ст. «вода в арыках, канавах, ручьях, реках и озерах края составляет собственность государства, но право пользования ею, по установившемуся обычаю, сохраняется за населением края, порядок же пользования водою и устройства арыков и других сооружений определяется правилами, утвержденными генерал-губернатором».

Приведенная статья, по мнению министра финансов, «во-первых противоречит одному из основных законов (404 ст. X т. 1 ч. Св. Зак.) о праве собственности, на основании которого владелец земли, имеет право на все произведения на поверхности ее, на все, что заключается в недрах ее, на воды в пределах ее находящиеся; во-вторых, право собственности государства на оросительные каналы, ручьи и речки, при условии, что пользование водою будет производиться по установившемуся обычаю, представляется совершенно фиктивным, так как ни продать этой воды, ни отдать их в пользование отдельно от земель, которые они орошают, ни распоряжаться ими, когда пользование ими оставляется за населением, для правительства невозможно; в-третьих, если право пользования оставляется за населением, по установившемуся обычаю, то и порядок пользования должен бы быть оставлен тот, который уста-

новлен обычаем, а не правилами, утвержденными генерал-губернатором, ибо в противном случае право это не имеет никакого фактического значения».

Краткий, но резкий отзыв был получен 9 ноября 1874 года[57] из Министерства иностранных дел.

«Нельзя не остановиться, — говорится в отзыве, — на ряде смелых и крутых мер, предлагаемых проектом относительно поземельного устройства. Вопросы, возбуждаемые проектом по переделу вакуфов и по отчуждению земли от собственников, не пользующихся ею непосредственно, идут в разрез с тем образом действий в подчиненных империи странах, который установился веками. Неизбежность и польза подобных мероприятий нисколько не подкрепляется при этом доводами объяснительной записки. И если правительство относилось постоянно с крайнею осторожностью к среднеазиатским кочевникам, то нет сомнения, что постепенность и осмотрительность еще более необходимы по отношению к оседлому населению, в котором, по справедливому замечанию объяснительной записки, понятие о владении и пользовании землею сложились тысячелетиями под влиянием особых экономических условий Средней Азии и законов Магомета.

По всему этому Министерство иностранных дел считает обязанностью заявить, что предполагаемые главою четвертою положения мероприятия о поземельном устройстве. по мнению Министерства, преждевременны, могут повлечь за собою пагубные общественные перевороты в стране и в политическом отношении крайне опасны».

Подобные общие замечания, касающиеся поземельного устройства в Туркестанском крае, распространялись и на некоторые из прочих частей проекта, и преимущественно, на главы II (права состояния и местное управление населения), III (устройство суда) и VI (государственные подати).

Получен был 14 июля 1875 года отзыв на проект и из второго отделения царской канцелярии.[58]

В отношении статей проекта (191—227), определяющих поземельное устройство в Туркестанском крае, никаких общих замечаний в этом отзыве не делалось. Начала, устанавливаемые проектом, в этом отношении, признавались соответствующими предполагаемой цели, и только в частности обращалось внимание на следующие статьи, возбуждающие некоторые сомнения:

а) в ст. 193-й говорится о землях, отведенных городам, между тем ни в проекте, ни в приложениях к нему не указано, в каком порядке и в каком количестве отводятся земли городам. По статье 193 отведенные городам земли состоят в об-

щественном владении городских обществ, а по ст. 223-й на земли городов предполагалось выдавать данные устанавливающие право полной собственности, — что представляет противоречие.

б) в ст. 195 и 221, в отношении мильковладельцев и вакуфных учреждений, употреблено выражение укрепляются, хотя следовало бы в обеих указываемых статьях сказать: укрепляются на праве полной собственности.

в) в ст. 228 упоминается между прочим, об участках, отведенных жителям городов из городской земли и объясняется, что на такие участки выдаются данные, т. е. акты, устанавливающие право полной собственности. Это понятно в отношении участков, состоящих уже в пользовании городских жителей или принадлежащих им в собственность; но не совсем ясно, предполагается ли отводить такие участки и впоследствии из городского общественного владения в частную собственность, и если предполагается, то каким порядком и в каких случаях.

22) Из статей, относящихся к устройству русских поселений в крае, ст. 228-я «в проектированном изложении может возбудить некоторые подозрения». Настоящая редакция ее должна быть изменена в том смысле, что поселения устраиваются на свободных казенных землях, оставляя не прикосновенными земли, состоящие в пользовании инородческого населения, иначе она может быть понята так, что земли, отводимые под русские поселения, предоставляются в то же время и в пользование инородческого населения.

Получил поддержку туркестанский проект лишь в печати. В передовой статье газеты «Голос» от 14 января 1875 года[59] сообщалось, что главной основой проекта положения об управлении в Туркестанском крае должны были быть коренные законы и учреждения империи и лишь в исключительных, особенных, точно указанных случаях можно было обращать внимание на коран и шариат. Затем излагается история разработки туркестанского проекта и сообщается, почему проект 1873 года не был утвержден.

По первоначальному предположению Военного министерства новый проект (1873 г.) должен был подвергнуться окончательному обсуждению в Государственном совете и сообразно этому, членам комиссии Непокойчицкого предполагалось дать полномочие выразить окончательные требования представляемых ими ведомств. Но, т. к. не все члены комиссии получили необходимые полномочия, то одобренный комиссией проект Кауфмана был вновь передан, в начале прошлого года (1874) на заключение Министерств.

Газета приводит выдержки из отзыва Министерства финансов о «смелых крутых мерах», опасных в политическом от-

ношении, предполагаемых туркестанским проектом в области земельного устройства края и высказывает по этому поводу следующее свое мнение:

«... Имев возможность ознакомиться с туркестанским проектом в его окончательной форме, мы недоумевали, как можно было отыскать в нем «крутые меры». Неужели вызовет какие-либо народные волнения и смуты податная реформа, цель которой — облегчить податных обывателей края, уменьшить их платежи... Земельное устройство настолько безобидно и благодетельно для всех землевладельцев, что по отзыву самих же туземцев может быть встречено с благодарностью со стороны всего населения..., но, конечно, не теми из мутавалиев, которые так бесцеремонно распоряжаются доходами с вакуфов, единственно по слову Аллаха и благодаря неустройству».

Газета заявляла, что промедления и отсрочки с утверждением закона для Туркестана наносят серьезный политический вред, мешают развиваться русскому влиянию в крае и ставят местную администрацию в крайне затруднительное положение. «До какой степени пассивное положение власти, не имеющей под ногами незыблемой почвы закона положительного и прочного, может подрывать авторитет этой власти, свидетельствует, между прочим, следующий факт, официально, как слышно, заявленный. Недавно было дознано, что до правоверной и верховной столицы Ислама — Стамбула, дошли из Туркестана вести об агитации среднеазиатских мулл и улемов, порожденной, будто бы, какими то мерами, оскорбившими мусульманскую религию...».

Вопросы, связанные с туркестанским проектом, подымались и в других органах тогдашней столичной периодической печати, мы не останавливаемся на этих выступлениях по той причине, что в них не было ничего относящегося к поземельному устройству Туркестанского края.[60]

Однако решающее значение, конечно, имели отзывы министерств и поэтому туркестанский проект 1873 года был возвращен Кауфману для дальнейшей переработки.

6. Письмо Кауфмана, разъясняющее сущность проекта 1873 года

Новый проект Туркестанского Положения был составлен в 1881 г., т. е. почти через 8 лет после проекта 1873 года. Фактически этот срок может быть сокращен на полтора—два года, т. к. занятия комиссии генерала Непокойчицкого и, затем, изучение проекта в министерствах заняли это время и только в 1875 году стало очевидным, что предыдущий проект не будет представлен для утверждения в законодательном порядке. Но

и этот сокращенный срок все же был слишком велик, оставляя новый край в течение этого времени без законного утвержденного порядка управления и особенно в поземельном вопросе.

Между тем, весь этот период, как это будет видно из дальнейшего изложения, был заполнен интенсивной и разносторонней деятельностью туркестанской администрации по дальнейшему изучению вопросов землевладения и землепользования и проектированию законоположений по поземельному устройству края.

Генерал Кауфман свое отношение к отзывам министерств финансов и иностранных дел выразил в своих надписях на отношении Министерства иностранных дел от 9 ноября 1874 года:

«Смелости и крутости предлагаемых мер едва ли можно и найти... Новый проект не подрывает ни сложившихся начал, ни законов Магомета... Кажется дело не понятно и потому является недоразумение и опасение».[61]

В феврале 1875 года было разослано в разные причастные ведомства столицы специальное письмо, разъясняющее смысл предложений туркестанского проекта по поземельно-податному устройству и необходимость безотлагательного его разрешения.[62]

Изложив вкратце сущность предлагаемых проектом поземельных преобразований, в письме этом сообщается почему именно предлагаемые меры необходимы и на чем туркестанская администрация основывалась, настаивая на осуществлении выдвигаемых проектом мер.

Хотя туркестанское генерал-губернаторство, — говорится в записке, — за исключением Кульджинской провинции и Аму-Дарьинского отдела, и имеет территорию в 15 420 кв. геогр. миль, но земли обработанной считается в нем не более 127 кв. геогр. миль.

Именно:

в Зеравшанском округе	145 575	казенных десятин
в Сыр-Дарьинской области до	300 000	» »
в Семиреченской	200 000	» »
Всего	645 575	казенных десятин

Следовательно, поверхность обработанной земли составляет лишь незначительную часть общей поверхности края и по абсолютной величине менее многих уездов средних губерний европейской России.

Большая часть мильковых и вакуфных земель, доходы которых в определенных размерах принадлежат разным лицам и

духовным учреждениям, населена лицами посторонними. «Между владельцами доходов с этих земель и землепашцами установились на практике отношения, часто весьма тягостные для последних. При туземных правительствах эти отношения контролировались местною администрацией. Контроль такого рода устанавливал строго законные границы притязаниям милькодаров и вакуфных учреждений, сводя их в большинстве случаев к одному лишь пользованию определенным оброком с обрабатывающих мильковые земли жителей, гарантировав им спокойное обладание их хозяйствами. Русская власть, заменившая мусульманских правителей, за отсутствием соответственного местного закона, не могла и до сего времени не может гарантировать им такого прочного обеспечения. А между тем такое вынужденное бездействие власти, — заявляется в письме, — не могло не запутать указанных отношений, прямо в ущерб земледельческому населению и в интересах мусульманского духовенства, политически нам враждебного. Обстоятельства эти придают вопросу вакуфному и мильковому особенно серьезное, государственное значение. Между тем, мусульманское духовенство в Туркестане еще надолго сохранит за собой влияние на население, как обладающее очень значительными доходами с имуществ, преимущественно поземельных. В одном лишь Зеравшанском округе в 1871 году с вакуфных земель местное духовенство получило 143 000 руб. Ему принадлежит здесь седьмая часть всей площади обрабатываемых земель округа, наилучше орошаемая; в материальной от него зависимости состоит более 20 000 душ сельского населения. При таких условиях допускать долее индифферентное и пассивное отношение нашей власти к посягательствам улемов и мулл увеличивать вакуфные доходы за счет плательщих производительных классов, было бы ничем не объяснимою и даже опасною политическою ошибкою».

До сего времени поземельные отношения находятся, — сообщалось в письме, — вне всякого контроля и опеки со стороны правительства. Народ при помощи казиев сам ведал этим делом. Документы на мильки и вакуфы фабриковались безнаказанно. Споры о владении земли разрешались самим населением.

«Бессилие русской власти в вопросе о землевладении, без всякого сомнения, в будущем отразится самым печальным образом на общем народном благосостоянии, если не будут приняты безотлагательно надлежащие меры к определению прав населения на земли.

В Туркестанском генерал-губернаторстве имелось много земель, которые могли быть орошены. При отсутствии правил

о землевладении, при полном беспорядке в ирригации, русской власти почти невозможно приступить к орошению новых площадей в обширных размерах. Там, где, как в Чиназской Голодной степи, нет населения, дело это еще может быть начато, но где уже занимаются хлебопашеством, оно встретит почти неодолимые препятствия.

В оседлых оазисах население сидит густо и страдает от безземелья. В долине Зеравшана на душу сельского населения приходится всего по половине казенной десятины орошенной земли. Стоимость земли доходит до огромных размеров. Так, близ Самарканда десятина земли ценится дороже 400 р. сер».

На ирригационный вопрос, — говорится в записке далее,— необходимо обратить серьезное внимание еще и потому, что мирное положение края несомненно вызовет значительное приращение населения. «Уже и ныне к нам перешло несколько десятков тысяч народа из Бухарского и Кокандского ханств. Из Бухарского ханства хлебопашцы выселяются на восток по мере занесения их полей песками, а в 1870 г. из Карши и западных частей Бухары в Зеравшанский округ выселилась масса семей вследствие голода, который свирепствовал в ханстве и который окончился лишь в 1872 г. после холеры. Эти переселенцы, поместившись в юртах и шатрах среди полей, не могли приобрести поземельной собственности на новых местах и занимаются сельскими работами у владельцев полей. Из Коканда население переселяется от дурного управления в ханстве и от значительных поземельных податей. Весь этот избыток населения, при разрешении в крае поземельного дела и орошении новых мест, может получить земельные наделы, и занимаясь своим хозяйством, послужит делу увеличения экономического богатства края».

Проект положения об управлении областями Туркестанского генерал-губернаторства, действовавший тогда в крае, совершенно обходил вопрос о правах населения в поземельных отношениях. «А между тем для Туркестанского края постановления о землевладении в такой степени необходимы, что без них нельзя ожидать ни значительного развития экономических сил населения, ни правильного взноса податей, ни гарантии для населения в спокойном владении земельной собственностью».

При этом в записке указывалось, что проект поземельного устройства имел в виду узаконить существующее землевладение, с некоторыми притом изменениями, и был согласован с крестьянской реформой империи.

Приводимые данные свидетельствуют о тех, подчас острых, противоречиях, которые имелись в вопросе определения норм землевладения между туркестанской администрацией и петербургскими ведомствами.

«Нет никакого сомнения, — говорится в записке, — что компетентность в суждении о том, что необходимо краю и что не нужно, должна принадлежать местной власти, которая затем и учреждена там. Местная власть, пользуясь опытом, приобретенным служащими в крае, приняв во внимание мнения местных представителей министерства финансов и государственного контроля и знающих край туземцев, составила проект положения с целью вывести край из неопределенного положения, обеспечить законом за населением существующие права, даровать новые права, приравнивая их к правам, которыми пользуются граждане империи и прекратить действие административного произвола, который весьма естественен при существующих условиях управления краем. Проект этот одобрен в комиссии при Военном министерстве, а ныне двумя министерствами, совершенно незнакомыми с краем, считается не подлежащим утверждению.

Министерство иностранных дел по поводу предложенных проектов законоположений о поземельном устройстве говорит прямо, что проект в этом отношении представляет собой ряд смелых и крутых мер, которые могут будто бы повлечь за собой «пагубные политические перевороты и в политическом отношении крайне опасны». Впрочем, это заявление не подкреплено никакими мотивами, а самый проект не разобран вовсе ни по существу, ни в подробностях».

Таким образом, комиссия, большинство членов которой, за исключением одного, по личному их заявлению, незнакомы с Туркестанским краем, отклонила проект, составленный администрацией туркестанского генерал-губернаторства, «после практического изучения всех мельчайших подробностей положения края».

«Если в силу исторических судеб, — заявляется в рассматриваемом документе, — мы принуждены были занять значительную площадь Средней Азии, то несообразно с достоинством русской власти было бы в настоящее время оставлять без внимания те стороны народной жизни, которые требовали даже от бывших до нас мусульманских правительств постоянного надзора и которые, без этого надзора, придут в состояние упадка и разложения. Наше невнимание к поземельным отношениям края не только принесет вред экономической жизни населения и весьма серьезный ущерб государственному казначейству, но вредно отзовется и на нашем политическом положе-

нии в Средней Азии. Это невнимание будет принято за признак слабости.

Пока мы держимся почти исключительно нашими войсками. Это наша сила в настоящем и слабость в будущем. Страна не может управляться одною военною силою. Одного внешнего наблюдения за наружным порядком недостаточно для того, чтобы приготовить край к принятию новых форм жизни и к органическому слиянию с империею. Если мы будем управлять таким образом краем и впредь, то население его не будет считать нас своими властителями, а по справедливости сочтет за полицейских агентов, в распоряжении которых имеется, на всякий случай, внушительная военная сила. Мы приучим его к соблюдению внешних форм порядка, но серьезного влияния на самую жизнь его иметь не будем. Такой образ действий может повести за собой весьма пагубные последствия. Население, не имеющее понятия о земском самоуправлении, не будет иметь никаких средств правильно вести свое народное хозяйство и быть может пожалеет о временах мусульманского управления. При таком положении дел нечего думать, что мы приобрели какое-либо нравственное влияние в среде народов независимого соседнего нам Туркестана» — предупреждает Кауфман.

Рассмотренная записка показывает, что туркестанские власти упорно и, прямо надо сказать, смело отстаивали свои предложения и особенно в вопросе поземельного устройства, считая их правильными и соответствующими интересам «русского дела» в Средней Азии.

Несомненно и другое, что в Петербурге в семидесятых годах Туркестан продолжал еще быть terra incognitom. В подтверждение этого можно привести пример из деятельности такого высокопоставленного учреждения, каким была комиссия генерала Непокойчицкого.

В одном из протоколов (журналов) этой комиссии записано: «Ознакомившись из пояснительной записки с мотивами, по которым туркестанская администрация приняла за основание представленного ею проекта новое деление инородцев на кочевых и оседлых, вместо существовавшего деления их на киргизов и сартов...»!?

Весь этот период (1873—1881 гг.) отмечается весьма оживленной деятельностью в Туркестане русских востоковедов. Продолжается и углубляется изучение норм шариатского права и сложившихся обычаев в общественной жизни и в быту местного среднеазиатского населения, причем, особое внимание по-прежнему уделяется вопросам землевладения и землепользования.

7. Привлечение на работу в край востоковедов и командировка в Алжир и Кашгарию А. Н. Куропаткина

Генерал К. П. Кауфман стремился привлечь на работу в Туркестан образованных людей и в том числе востоковедов. Еще в 1871 году он начал переписку с попечителем Петербургского учебного округа князем Ливеном и последний сообщил ему, что из числа оканчивающих курс наук по факультету восточных языков изъявили согласие выехать на работу в Туркестан: кандидаты Николай Пантусов и Адольф Стельнер, студенты 4 курса, Дмитрий Граменицкий и Михаил Ростиславов и студент 3 курса Николай Веселовский. Факультет рекомендовал названных студентов как «способных, трудолюбивых и могущих быть полезными для Туркестанского края деятелями».[63]

Все они были приглашены Кауфманом в Туркестан и действительно стали здесь видными деятелями. Михаил Ростиславов оставил несколько опубликованных работ по поземельному вопросу в Туркестане[64] и часто выступал со статьями в «Туркестанских ведомостях». По этому же предмету публиковались работы С. Идарова, Н. Ф. Петровского, В. П. Наливкина и других востоковедов.[65] Многие из них привлекались и непосредственно к разработке вопросов поземельного устройства края.

Той же цели служили несколько заграничных командировок тогдашних деятелей Туркестана. Посылался Кауфманом в Женеву генерал Абрамов, известный нам как председатель комиссии по поземельному вопросу при разработке проекта 1873 года. Ему было поручено проконсультироваться по поземельному вопросу в мусульманских странах с западными ориенталистами.[66]

В течение нескольких месяцев находился в командировке в Алжире, тогда еще капитан генерального штаба, туркестанец А. Н. Куропаткин. В опубликованном им после этой командировки довольно объемистом труде, отведено место и вопросам поземельному и колонизации.[67]

Касаясь оснований землевладения в Алжире, автор упомянутой книги приводит следующие три категории земель, занятых туземцами:

1. Земли бейлик, т. е. государственные.

2. Земли мельк, составляющие родовую собственность отдельных лиц или фамилий.

3. Земли арш или себека, составляющие общинное владение трибю (рода).

После завоевания Алжира существовали два варианта относительно прав землевладения местного населения. Один за-

ключался в том, чтобы сохранена была полная неприкосновенность земель, принадлежащих местным жителям. Второй сводился к тому, что должны были быть подробно исследованы земли арш с тем, чтобы выяснить ту часть этих земель, которая по разным причинам не обрабатывалась. Такие необработанные земли предполагалось конфисковать и обратить на цели колонизации. К владениям французов должны были отойти и все земли государственные.

В 1863 году Французское правительство приняло решение в пользу первого варианта и все земли арш были утверждены за местными жителями на праве собственности.

В связи с этим, сообщает А. Н. Куропаткин, возник серьезный конфликт с переселенцами из Эльзас-Лотарингии после войны 1871 года. Власти оказались лишенными возможности дать переселенцам обещанные земли, т. к. «неожиданно» оказалось, что все земли бейлик разобраны туземцами в частную собственность.

«... Администрация смотрела сквозь пальцы на подобные проделки...» так объясняли причины этого явления.

При таких обстоятельствах, с назначением генерал-губернатором Алжира генерала Шанзи, начала проводиться в жизнь поземельная реформа.

Сущность реформы заключалась в следующем: из всех земель арш, закрепленных за местным населением законом 1863 года, оставались у местного коренного населения только те земли, которые могли быть ими действительно обработаны. Земли эти, разделенные на отдельные участки сообразно правам отдельных лиц, переходили в их личную собственность. Остальные земли арш частью закреплялись за селениями как общинная собственность, частью составляли фонд государства для обеспечения переселенцев.

Кроме этого, земли бейлик тоже поступали в распоряжение правительства, вместе с землями, секвестированными после восстания 1871 года.

В отношении правовом постановления по землевладению алжирцев основанные на мусульманском праве, объявлялись недействительными, если они не были согласованы с французскими гражданскими законами.

Считалось даже, что общинное землевладение являлось существенным тормозом в развитии сельского хозяйства и, наоборот, личное поземельное владение сделает земли «в несколько раз производительнее». Алжирская колониальная администрация полагала, что изъятие земель арш у местного населения не нарушает прав собственности, т. к. «по мусульманскому закону эти права принадлежат султану, а не от-

дельным личностям, культивировавшим почву. Со времени же завоевания не перешли ли права султана в руки французского правительства?»

Говоря о мотивах уничтожения общинного землевладения в Алжире, А. Н. Куропаткин находит, что наиболее ясно это выражено в рапорте адмирала Гедана (один из губернаторов Алжира) национальному собранию о состоянии Алжира за 1870—1871 годы. Там сказано, что «успех колонизации будет обеспечен только в том случае, если **переход земель от туземцев к европейцам** сделается легким».

«Так как, — объясняет А. Н. Куропаткин, — при общинном владении земля остается неподвижно укрепленной за туземцами и не может переходить к европейцам, поэтому необходимо разбить ее на отдельные участки и обеспечить свободную перепродажу их европейцам, на основании французских законов».

Практически в дальнейшем это нашло выражение в политике французского правительства всемерного облегчения покупки земель европейцами у коренных жителей Алжира и всяческих затруднений приобретения земель алжирцами у европейцев. Решалась таким путем задача усилить землевладение колонизаторов и соответственно ослабить землевладение местных жителей.

В книге приводятся некоторые интересные данные из истории колонизации французами Алжира. В семидесятых годах были проведены дорогостоящие кадастровые работы и широкую поддержку со сторон власти получили первые колонисты, которые обеспечивались землей, домом, земледельческими орудиями, некоторым количеством скота и зерном для посева, а иногда их довольствовали и хлебом «до первой жатвы».

На основании декретов от 16 октября 1871 года и от 15 июля 1874 года, генерал-губернатору предоставлялось право раздавать государственные земли всем французам европейского происхождения или натурализованным[68] на следующих условиях: земельные участки отдавались в наём на 5 лет, после чего они переходили в собственность нанимателя.

Имели право на получение земельных участков все французы европейского происхождения или натурализованные, при условии, если они представят доказательство того, что располагают средствами для прожития одного года.

На этих же условиях земельные участки могли быть раздаваемы и алжирцам в виде особой награды, как отличившимся на службе во французских войсках.

Непременным условием нанимателю ставилось: жить на занимаемой им земле во все время найма.

Величина участка должна была соответствовать числу чле-

нов семьи нанимателя. 10 гектаров на душу был наибольший размер и 3 гектара — наименьший.

После пяти лет найма участок переходил в полное владение нанимателя, но с условием, что он «не имел права **в продолжение следующих пяти лет продавать его туземцу».** Нарушение этого условия влекло за собой конфискацию участка и передачу его в казну.

Наниматель, сделавшись собственником земельного участка, в течение пяти лет освобождался от всех налогов, которыми облагалась земельная собственность.

Имели право на получение земельных участков на тех же основаниях как и отдельные личности и общества, имевшие целью «в видах промышленных или земледельческих, основание деревень и их заселение».

Земли, предназначаемые под отдельные фермы, могли быть продаваемы с аукциона участками в 20—25 гектаров. Покупателями могли быть как французы, так и иностранцы. Категорически запрещалось продавать эти участки только алжирцам.

Покупатель земли, под страхом конфискации ее не имел права **«перепродавать ее в продолжение 10 лет туземцу».**[69]

Приведенные условия получения земельных участков в Алжире свидетельствуют о том, что политика французских колонизаторов строилась на жестоком колониальном угнетении народов Алжира. В этой аграрной стране уже в 70-х годах, по словам А. Н. Куропаткина, производство сельскохозяйственных продуктов у европейцев-колонизаторов из года в год возрастало и, наоборот, производство у местного коренного населения из года в год уменьшалось.

Мы несколько удлинили разбор сочинения А. Н. Куропаткина об Алжире не только потому, что эта работа представляет общий интерес в плане нашего исследования, но и в связи с тем, что в некоторых работах наших историков[70] делается попытка провести аналогию положения в Алжире с колониальной политикой в Туркестане.

Даже сообщаемых данных, нам кажется, вполне достаточно, чтобы видеть всю беспочвенность таких попыток. Как указывается в т. II Истории народов Узбекистана, положение в Туркестане в вопросах поземельных основывалось в это время на следующих условиях:

«... 5. Вне городской черты отвод земель для русского населения был запрещен, кроме специальных переселенческих фондов.

6. Покупка земли у местного населения европейцами и в частности русскими, была полностью запрещена. Запрет сохранил силу почти до конца восьмидесятых годов; в девяностых

годах покупка хотя и была разрешена, но была обусловлена выполнение такого количества правовых актов, что практически до самой революции 1917 года почти не имела места...»[71]

Как можно видеть из сказанного, алжирским опытом туркестанские власти предпочли в вопросах поземельных не пользоваться. Это, конечно, не потому, что туркестанские колонизаторы были иной породы, порода их одна — реакционная порода, — но туркестанская обстановка того времени требовала других методов решения поземельной проблемы.

Два года спустя, в мае 1876 года, Кауфман посылает Куропаткина во главе посольства в Кашгар к тогдашнему правителю Алтышаара Якуб Беку Бадаулету.

Материалы, собранные в течение этой командировки, были позднее сведены в еще более объемистой работе полковника генерального штаба А. Н. Куропаткина, названной автором «Кашгария».[72]

В то время это было типичное мусульманское теократическое государство и изучение этой страны, конечно, играло существенную роль в накапливании сведений и всестороннем изучении мусульманского Востока.

Коснулся А. Н. Куропаткин и поземельного вопроса в Алтышааре (Кашгарии). Он считал, что Якуб бек в последние годы своей власти потерял авторитет и влияние в земледельческих кругах в виду резкого повышения им налогов и в связи с тем, что, пользуясь шариатским правом, как правитель страны, он всю землю округов сдал в аренду невыгодную и разоряющую земледельцев.

Перестало поддерживать его и мусульманское духовенство, т. к. «вакуфные земли, никогда прежде не платившие никаких податей, при Якуб беке были обложены хераджем и танапом наравне со всеми другими».[73]

8. Академик А. Ф. Миддендорф в Туркестане.

В 1876 году Кауфман принимает решение пригласить в Туркестан кого-либо из видных представителей отечественного естествознания для консультаций по поземельному устройству и развитию сельского хозяйства.

За содействием в разрешении этого вопроса и определения кандидатуры Кауфман обратился к П. П. Семенову-Тяншанскому, который неизменно, с живейшим интересом и участием, относился к нуждам изучения Средней Азии.

1 июня 1876 г. в ответ на письмо К. П. Кауфмана, П. П. Семенов — сообщил: «... я сносился с почетным членом Академии наук Александром Федоровичем Миддендорфом относительно посещения Туркестанского генерал-губернаторства с целью

бросить с точки зрения естествоиспытателя полный взгляд на сельскохозяйственные отношения края...»[74] Кауфмана вполне удовлетворяла предлагаемая П. П. Семеновым кандидатура: «Было бы желательно, — писал он, — преследовать эту мысль и до конца осуществить ее. Поездка Миддендорфа была бы весьма полезна для края. Едва ли я мог бы указать на другое лицо, более подходящее для разрешения задачи мною поставленной, — подтвердить приглашение и определить средства».

В результате дальнейших переговоров, 15 декабря 1877 года Миддендорф писал Кауфману:

«... не приняв мои указания на более свежие, юные силы, П. П. Семенов настаивал от Вашего имени на том, чтобы именно я отправился в Фергану. Ныне же, ссылаясь на мое обещание П. П. (Семенов) сообщает мне, что уже деньги отпущены на подъем... Сочту за особое счастье закончить мою ученую деятельность, предоставляя себе в полное (Ваше) распоряжение. Покорнейше прошу принять это последнее выражение не за общеупотребительную фразу. Конечно, могло бы казаться довольно странным, что ученый, проработавший в этом звании 40 лет и выказавший во все это время непоколебимо своеобразное направление и решительный дух независимости, теперь вдруг неслыханным образом отдается «в полное распоряжение».

Дело в том, что 1) Фергану я считаю местностью благодатной, повернись хотя в какую угодно сторону.

2) Главным долгом своим считаю, оказать нашими изысканиями краю наибольшую посильную нам услугу.

3) Я вполне проникнут убеждением, что просвещенный взгляд Ваш, столь глубоко вникшего в особенности и нужды края, укажет нам — вернее всяких предвзятых нами предположений — на плодороднейшее поприще для нашей готовности работать...»[75]

П. П. Семенов был уверен, что его посредничество будет вполне полезным. Он писал Кауфману: «...Мне остается только высказать мое глубокое убеждение в том, что дело исследования сельскохозяйственных отношений Туркестанского края, произведенное таким глубоким ученым, как г. Миддендорф, соединяющим в себе научную основательность естествоиспытателя с опытностью практического агронома, принесет несомненную пользу для края».[76]

В начале 1878 года акад. А. Ф. Миддендорф прибыл в Ферганскую долину; его сопровождали: хранитель музея Казанского университета — ботаник С. М. Смирнов, посещавший низовья Аму- и Сыр-Дарьи ранее, консерватор Зоологического

музея Валериан Руссов, гражданский инженер Перри и 17-летний сын Миддендорфа.

В итоге изучения Ферганской долины, позднее было опубликовано большое исследование: А. Ф. Миддендорф «Очерки Ферганской долины, с приложением «химических исследований почв и вод» К. Шмидта.

Мы уже говорили о том, что генерал К. П. Кауфман, принимавший личное и деятельное участие в разработке проектов поземельного устройства Туркестанского края, невзирая на решительное неодобрение его предположений министрами финансов и иностранных дел, собственной властью и на свою ответственность распорядился применить рекомендации проекта 1873 года по поземельно-податному устройству на практике в Ферганской области. Так называемые подчиненные этой задаче организационные работы были начаты в 1877 году, т. е. спустя менее года после ликвидации Кокандского ханства и образования в составе Туркестанского генерал-губернаторства этой новой области. Решение генерала Кауфмана избрать для этого, довольно ответственного опыта, именно Ферганскую область, объясняется по-видимому, тем, что в Кокандском ханстве, как ни в каком другом районе Средней Азии, имели место многочисленные и разнообразные злоупотребления в вопросах землевладения и землепользования как со стороны феодалов, так и в вопросе наложения и взыскания поземельных податей. Все это привело к крайнему упадку сельского хозяйства и осуществление намеченных мероприятий, в безошибочность которых вполне верил Кауфман, создали бы значительный политический эффект, столь необходимый вообще для упрочения русской власти, имевший в то время частное значение в связи с отношением, сложившимся с соседом Ферганской области, правителем Кашгарии Якуб-беком.[77]

В связи с таким решением генерала Кауфмана становится понятным приглашение для изучения именно Ферганской долины академика А. Ф. Миддендорфа. Этой же цели служил и перевод из Зеравшанского округа на должность военного губернатора Ферганской области генерала Абрамова, одного из самых близких и доверенных сотрудников Кауфмана.

Неверно представление о том, что намерения Кауфмана осуществить свои проекты по поземельно-податному устройству Туркестанского края ограничивались только Ферганской областью.

Известно, что подобные мероприятия были осуществлены и в Аму-Дарьинском отделе. Данные об этом помещены в нашей работе «К истории правобережного района Аму-Дарьи после присоединения к России».[78]

Кроме того, о планах генерала Кауфмана в этом отношении имеется указание в найденном нами его письме к академику А. Ф. Миддендорфу. В нем прямо говорится: «...главная цель поземельных комиссий, есть закрепление земель за владельцами, в качестве постоянных пользователей и выдача им владенных записей, затем по возможности справедливая оценка доходности земель по кишлакам или иначе по обществам для наложения человечной и справедливой подати. Затем собрание статистических данных сколько можно больше для административных целей. **Если эти цели с Вашими указаниями и советами будут хорошо достигнуты, я буду очень рад и тогда перейду к такой же работе в других областях вверенного мне края, ожидающих эти работы давно».**[79] (подчеркнуто нами — А. С.).

Еще более определенно смысл и содержание организационных работ указывался в директиве генерала Кауфмана начальнику Аму-Дарьинского отдела. В этой директиве намечались «в общих чертах руководящие принципы, которых следовало держаться комиссиям при разрешении поземельно-податных вопросов. В качестве первых мер земли ханские и ярлычные (владельческие) обращались в податные, казенные земли. Обременительные аренды прекращались и открывалась возможность «прочного укрепления» земель «за недавними половинщиками» арендаторами на праве постоянного пользования.

На этом именно праве надлежит узаконить за местным населением все остальные обрабатываемые земли отдела, которые и должны будут считаться государственной собственностью...»[80]

Понятно, что результатам организационных работ в Ферганской области и Аму-Дарьинском отделе Кауфман придавал очень большое значение. Он ожидал практического подтверждения реальности его предположений. В уже цитированном письме его к академику А. Ф. Миддендорфу он писал: «... В желании сделать хорошо, Вы конечно не сомневаетесь, не для формальностей и не для эффекта, взялся я за дело, а твердо хочу сделать его хорошо. Но боюсь увлечься... в таком деле как поземельная организация целой области, деле, в котором мы учимся и далеки от претензии знать его в совершенстве, постоянно находимся между желанием сделать как можно лучше и страхом ничего не сделать, стремясь к недосягаемому совершенству».

Некоторые неудачи в работе организационных комиссий в Ферганской области, о которых нам придется говорить далее, относятся, главным образом, к вопросам только податного обложения.

Задача организационных комиссий найти верные способы к оценке доходности земель и на этой основе ликвидировать, как выражался генерал Кауфман, «безобразный хераж» и перейти к окладной подати, оказалась весьма трудно выполнимой.

Комиссия не имела четких указаний и определенных установок. Например, по мнению академика А. Ф. Миддендорфа, главным критерием доходности должна была явиться оросительная вода, которая, по его словам, вовсе выпала из поля внимания комиссий. С такой точкой зрения генерал Кауфман не был согласен, т. к. количество воды, поступающей на орошение, не является постоянным — «год году не равен».

В нашей работе вопросы податные будут включаться лишь в мере совершенно необходимой для уяснения поземельного вопроса. Сам по себе раздел об определении форм и размера податей с земель в Туркестане по объему имеющихся материалов является довольно обширным и представляет самостоятельный интерес.

В деятельности организационной комиссии в Ферганской области дела сложились так, что вопросы податные выступили на первый план по всей вероятности в связи с тем, что они оказались более сложными и трудными.

Ознакомившись с положением на месте, А. Ф. Миддендорф сделал довольно правильный вывод.

«Оценка доходности, в видах обложения земли податью, могла бы служить временным, переходным средством, для того, чтобы выйти из несносной системы взимания хераджа, но лишь в том случае если окажется возможным, отныне не применить эту оценку к делу. В противном же случае все труды комиссии по оценке доходов с земель, в недалеком будущем, почти без исключения, окажутся негодными ни к чему.

В научном отношении эта часть трудов не выдерживает и самой благосклонной критики. В пределах практического приема, вынужденного обстоятельствами, комиссия также отклоняла войти в рассмотрение существенных основ для верного определения доходности от земли и для уравнительного распределения податей».

Другой, не менее серьезной ошибкой в деятельности организационных комиссий явилось принятие за единицу определения доходности земель не отдельного двора, а кишлака и определение размера подати, опять-таки, по кишлаку, без внутренней раскладки.

А. Ф. Миддендорф верно замечал, что «разбор почвы остался на втором плане, принятие же единицей обложения целый кишлак, лишает своего фундамента стремление к верной

раскладке податей, соразмерно с производительностью почвы». Между тем это вопрос важнейший для спокойствия края.

Не может быть, чтобы в скором времени после обложения новой податью не поступали ожесточенные жалобы к административным властям, на неравномерное распределение податей внутри кишлака. Правда, что будут междоусобные распри туземцев, но административная власть, прибегая к данным, выработанным комиссией, не найдет в них оснований для решения сказанных споров, которыми однако пренебрегать нельзя.[81]

Кауфман в ответе Миддендорфу считал опасения последнего по этому вопросу преувеличенными. По его словам, опыт в Кураминском уезде Сыр-Дарьинской области еще по 1870 году, а также в Ходжентском уезде, в которых обложение было произведено по более крупным единицам — по волостям, многих споров не вызвал.

Однако А. Ф. Миддендорф продолжал высказывать свои опасения по поводу хода организационных работ, главным образом, в вопросе податном. В другом письме Кауфману он писал:[82]

Кишл. Нанай к северу от Намангана

27.IV—1878 г.

«... Фергана очень разнообразна: удивлялся я роскоши, в которой мы помещались по кишлакам центральной площади и юга. Здесь сижу в дымной, курной избе, на ящике багажа...

Это же разнообразие Ферганы виновно тому, что невозможен один общий прием оценки.

Здесь в Нанайской волости почти то же, что в Литве; луга те же почти (хотя и не косятся) и выгоны совершенно те же.

Мы согласимся в том, что: а) почва, б) вода и в) климат равномерно обусловливают производительность. Если оказалось, что комиссия оставляет все эти три фактора в значительном пренебрежении, то какая же возможна прочная и годная в будущности раскладка податей, на столь шатком основании?

... Остаюсь только при том взгляде, что лучше было бы пробиваться еще несколько лет с безобразным хераджем, но в улучшенном виде. (подчеркнуто мною — А. С.).

Между тем закрепление земли за владельцами — эта благодетельная мера — могла бы продолжаться по-прежнему, а комиссии могли бы работать менее торопливо, вырабатывать основательные приемы и докопаться до большего однообразия оценки земли».

Неудовлетворенный ходом работы комиссий в Фергане, акад. Миддендорф делает общий пессимистический вывод:

«... На один из последних вопросов, поставленных ВВП, я к сожалению вынужден ответить отрицательно несмотря на всевозможные совершенствования, ожидаемые от русского владычества, Ферганская область, отличная без сомнения, не имеет однако великой будущности в сельскохозяйственном отношении. Прогресс неминуемо остановится на недостатке в воде и в навозе. Будущие улучшения окажутся незначительными в сравнении с тем, что уже сделано. Честь и слава здешнему населению, перед которым большинство наших русских хозяев в Европе должны краснеть и прятаться от стыда.

Но при всем обилии жатв, при всей способности сартов и киргиз пробиваться почти ничем, существующее уже ныне излишество рук и животов, в недалеком будущем неминуемо разрастется до опасных размеров, если заблаговременно не будут приняты меры, предупреждающие бушевания пролетариата».

9. Продолжение изучения истории и основ землевладения в Средней Азии

Несмотря на то, что в период времени между проектами 1873 и 1881 годов в истории Туркестана проходил ряд событий, перед которыми разработка проектов, по своей политической значимости, отступала на второй план — имеются в виду военные операции против Кокандского ханства и его ликвидации, события в Джунгарии, связанные с оккупацией русскими войсками Илийского края и др. — тем не менее теоретические изыскания по вопросу прошлых и настоящих поземельных отношений в Средней Азии продолжались и в это время.

Значительно увеличившиеся и укрепившиеся силы русских востоковедов в Туркестане обусловили большую научную глубину и обстоятельность этих работ. В исследовании шариатского и обычного права большая роль принадлежала П. И. Хомутову, который начал работу еще в комиссии генерала Абрамова, продолжал ее и в дальнейшем, становясь признанным авторитетом и знатоком поземельных отношений на Востоке.

Полагаем, что большой интерес, который представляют и сейчас некоторые итоги выполненных тогда исследований, оправдывает изложение здесь в сокращенном виде основных положений, представляющих некоторый итог тогдашних теоретических представлений по поземельному вопросу и правовым его нормам. Практические же предложения по поземельному устройству Туркестанского края находились в соответствии с той политической линией, которая проводилась Кауфманом.

О податях по учению ислама и зависимость рода поземельных правоотношений от размера и характера податей

Подати в том смысле, как это понимается на Западе, мусульманскому праву неизвестны. Шариат признает лишь милостыню, дань и оброк. Милостыня — закет, есть учреждение исключительно мусульманское. Книга Хидая определяет его нижеследующим образом: закет есть установление божественное, обязательное для всякого человека, свободного и здорового телом и духом, взрослого мусульманина, обладающего имуществом в размере, законом определенном и состоящим в его владении не менее года. На получение закета имеют право: 1) бедные и неимущие, 2) люди, получившие приказание собирать закет, 3) неправоверные, если содействуют мусульманам в войне против неверных, 4) несостоятельные должники, 5) чужестранцы, если в чужой стране остались без средств к пропитанию; он употребляется также — 6) на освобождение пленных и 7) на богоугодные предметы, как-то: храмы, училища, мосты. Закет вносится со всех имуществ тайных и явных, в том числе и с продуктов земледелия.

В этом случае он именуется ушри или ашр-десятина. Самая же земля закета не вносит. Ушри бывает полная, половинная и двойная и, следовательно, колеблется от 1/20 до 1/5.

Ушри, как один из видов закета, носит священный характер, делающий его к неверным неприложимым.

Напротив того, херадж есть знак, клеймо завоевания. Херадж, раз будучи наложен, никогда уже не подлежит сложению, даже и в том случае, если бы земля перешла в руки мусульманина, ибо если ушри взимается с имущества, и не с земли, то херадж лежит единственно на ней одной. Это до такой степени верно, что мусульмане маликитского толка считают законным наложение одновременно хараджа на землю и взимание ушри с продуктов ее.

Херадж бывает двух родов: мувазеф и мекосима. Первый взимается деньгами и соразмеряется с плодородием и пространством земли; второй взимается в виде процентов с урожая, колеблясь от $^1/_2$ до $^1/_8$ его части. Херадж выражает иной раз арендную плату, оброк за бессрочный, постоянный и срочный наем. Другой раз дань, заменяющую джезият — поголовную подать с народов, сдавшихся на капитуляцию и сохранивших все свои имущественные и политические права. Этот вид хараджа уничтожается с обращением владельца к исламу; он лежит не на земле, а на лице, как на неверном.

Наконец, хараж есть иной раз подать, взимаемая с земель, состоящих за владельцами их на праве милька. Этот вид хараджа есть исключение в мусульманском мире и в этом виде представляется он и книгою Хидая.

Таким образом, ушри лежит на продуктах и никогда не падает на землю, вследствие чего, если земля переходит из рук мусульманина в руки неверного, то вместе с тем обращается в хараж. Напротив того, хараж считается лежащим на самой земле даже в тех случаях, когда он взимается в виде процентов с урожая, а потому раз обращенная в хараж земля, уже не подлежит обращению в ушри даже в том случае, если она перешла из рук неверного в руки мусульманина. Ушри имеет характер священный, это милостыня — седака, вносимая мусульманином на богоугодное дело. Хараж есть дань или оброк, налагаемый на землю, как вечная, никогда не стирающаяся печать завоевания. В землях ушри земля, как и личность мусульманина, свободна и независима от всякой подати, а, следовательно, и от всякого на них права. В землях хараджи как земля, так и личность носят печать завоевания, несвободны от прав на них мусульманской общины и уплачивают джезиат с головы и хараж с земли. В этом различии хараджа от ушри коренится и существенное различие прав владельцев на земли хараджи и ушри.

Как те, так и другие, по отношению лиц составляют их милык, но право государства, доводящее это мильковое право в землях хараджи до простого права пользования, относительно земель ушри вовсе не существует. Тем не менее, право лица на земли ушри все-таки нельзя назвать правом собственности, ибо, подобно всякому мильковому праву, последнее тесно связано с фактом действительного пользования и к тому же обусловлено как родом пользования, так и религией владельца.

Как лучшее доказательство вышесказанного, можно привести то положение шариата, что усадебная оседлость мусульманина есть всегда ушри, пашня же его в землях завоеванных — хараджи. Очевидно, что если бы земля под домом была распахана, то в силу такого факта пользования она обратилась бы в землю хараджную, право на которую государства уже без сравнения шире. С другой стороны, эта же усадебная земля мусульманина, состоящая за ним на праве милька ушри, переходя в руки неверного, обращается в хараджи, оброк с которой в пользу государства доходит по произволу до $^1/_2$ валовой доходности. А потому все различие между землями ушри и хараджи, в практическом смысле состоит в том, что доля участия государства в валовом доходе первых не может превышать 10%, валовый же доход вторых может достигать

50%. Юридическое различие, естественно отсюда происходящее, состоит в том, что право государства в наблюдении за родом и постоянством пользования без сравнения ограниченнее.

Подати с земель мамлякатных составляют хередж или видоизменение его. Принадлежа лицу лишь на праве аренды, подать с них взимаемая, есть следствие договора. Но так как частные договоры с каждым отдельным плательщиком немыслимы, то в большинстве случаев % определяется по местностям или однообразный для целого государства.

Из сказанного легко видеть тесную зависимость, в которую мусульманское право ставит самый род права на земли от того рода податей, который с них взимается. А потому во всех мусульманских странах род введенной подати определяет, помимо указаний, и род поземельных правоотношений.

Найдя в стране, населенной мусульманами, сбор хераджа, можно утвердительно сказать, что земли эти, в момент священного завоевания были приведены под власть ислама силой и кровопролитием, в силу чего и носят неизгладимую печать завоевания в том хередже, который с них поступает. Найдя где-нибудь сборы хераджа, отступающие от хераджа или даже не носящие это название и вместе не составляющие десятины, можно уже утвердительно сказать, что земли эти не только были завоеваны, но еще и обращены в вакф в пользу бейт-ульмоля.

О поместном праве по учению Ислама.

Поместное право в мусульманском мире вытекает из особого взгляда мусульманского законодательства на служилое военное сословие, а также из назначения на предмет его содержания доходов с земель, войной приобретенных, именуемых хераджными. Начало этого права в приведенных выше правах государя на доходы и самые земли. Развиваясь под влиянием системы управления, оно рознится в различных странах, сохраняя, однако, везде следующие черты: 1) оно не наследственно, даже не пожизненно; 2) оно связано с несением службы и может быть прекращено волей не только государя, но и высшей в крае властью; 3) оно заключается в праве взимания определенных шариатом податей и наблюдения за пользованием земледельцами землями, на коих они водворены. «Это право имеет много сходства с некогда существовавшим на Руси подобным же правом, но находясь вне влияния феодальных понятий Запада и состоя под вечным наблюдением учения Ислама, право это не могло, как совершилось у нас, выродиться в право собственности на землю и на людей». По-

пытки, однако, к этому в мусульманском мире, были неоднократны, но в силу того, что государю мусульманскому никогда не принадлежала власть законодательная, мелкое, но постоянное применение шариата казиями и убеждение всегда возвращать всякий порядок по началам первобытным, разрушали всякие попытки мусульманских помещиков к увековечению за собой права, принадлежащего им временно и условно. Указание на это право имеет в настоящем случае ту важность, что будучи применено лишь к землям завоеванным и не состоящим за лицами на праве милька, оно существованием своим в какой-либо стране указывает на род правоотношений в этой стране существовавших. Право это будучи пожизненным и обусловленным несением службы, может быть по учению Ислама переуступаемо, но не иначе, как в целом. Таким образом, разбирая существенные черты его, можно считать, что владелец его имеет право пользования, право условного распоряжения и власть наблюдения за правом употребления.

Это же право в отношении поместий принадлежит государю, который, предоставляя известные права служилому сословию, передоверяет их ему условно, сохраняя право по желанию уничтожить их. Вместе с этим, населению, обрабатывающему поместные земли, принадлежит на них право употребления, ограниченного пользования и распоряжения.

Из всего сказанного можно сделать по вопросу поземельных правоотношений некоторые выводы, а именно: земля по шариату поступает в право лица лишь с того момента, когда в силу факта пользования лицо обращает ее в полезную. До того она считается ничьей и способной быть приобретенной, в силу факта оживления всяким лицом. Приобретаемое так или иначе на землю право, однако исключительное и всегда обусловлено действительным пользованием и ограничено правами государства.

Самое широкое из выработанных мусульманским учением право мильковое, в отношении земель не имеет значения права собственности, а только владение на праве постоянного пользования, из факта пользования возникающее и с ним прекращающиеся частью или вполне.

Наиболее узкое из поземельных прав населения на земли по учению ислама есть право аренды, возникающее подобно мильковому из факта пользования и с ним всецело прекращающееся. Как первое, так и второе не ограничены в сроке, но обусловлены постоянством и родом пользования. Как первое, так и второе переуступаемо, но первое прямо, а второе косвенно. Как первое, так и второе не исключают участие в пользовании ни казны, ни посторонних лиц. Как первое, так и второе

не только не исключают наблюдения государства за постоянством и родом пользования, но обязательно вызывают весьма широкое и столь же стеснительное вмешательство казны и постороннего лица. Законодательство это, примененное в различных условиях, людьми иной раз глубоко различных рас, дало везде тождественные результаты. Все писатели, путешественники, историки, юристы, изыскивая начала поземельного устройства в различных странах, подвластных исламу, находили порядок тождественный. Выводы их различны, но факты, служащие этим выводам основаниями, вполне тождественны. Везде встретили они деление земель в юридическом смысле на пустопорожние и обработанные, везде нашли они право переуступки без права собственности; везде или, по крайней мере, в большинстве случаев столкнулись они с поместным правом, и везде нашли сборы, подходящие под разряд хераджа или ушри. И многие из них, как плод их изучения, заключили, что в мусульманских странах нельзя назвать собственниками ни государство, ни население, ни служилых людей; или же приходится одновременно считать трех собственников на одну и ту же землю, ибо если считать правом собственности то право, которое заключает в себе элементы употребления, пользования и распоряжения, то все эти три элемента одновременно принадлежат на одни и те же земли и государству и населению.

Понятно также, что при таких условиях везде, где государственная власть оказалась слабой, ее права, неотъемлемо ей присвоенные, не находили применения и заставляли, при поверхностном взгляде, заключать о повсеместности в мусульманском мире принципа частной собственности; везде, где, наоборот, наблюдателю представлялось государство в полноте его силы, там та же ошибка, проистекающая из односторонности взгляда, заставляла предположить право поземельной собственности как исключительное достояние представителя этого государства, его служилого сословия.

«Эти причины вызывали, между прочим, французов демократов по государственному устройству признать право собственности в Алжире за населением. Эти же причины англичанам, имеющим перед глазами прототип аристократического устройства в своем государственном быту, подали мысль узаконить право собственности за служилым сословием, найденном ими в Индии. И те и другие в этом поспешно и неосновательно предоставленном праве поземельной собственности нашли необходимый тормоз всяких нововведений и всякого сближения страны завоеванной с народом завоевателем.

Сознание этой ошибки для тех и других уже ныне почти бесполезно, ибо акт предоставления права собственности, без

явной непоследовательности и явного нарушения, не может быть считаем иначе как навеки бесповоротным. Этот же ошибочный и бесповоротный шаг едва не был сделан и нашей администрацией. Прием был одинаковый и очевидно должен был привести к одинаковым последствиям.

Приступая к определению поземельных прав населения без изучения теории права и, следовательно, того основного принципа, на коем право это зиждется, коим оно поддерживается и с коим оно рушится, администрация, естественно, рисковала дать различным фактам в поземельном быту и различным проявлениям воли лица на землю вовсе не то значение, какое им принадлежало в действительности. Так, переуступку права пользования она поняла как право безусловного распоряжения землей, владение в силу факта пользования определила правом собственности, а в поземельном праве государства стремилась видеть деспотизм или, по крайней мере, территориальное политическое право. Ошибка эта была естественна. Администрация искала прав собственности в стране, где самое понятие о нем не существует ни в законе, ни в обычае. Понимая под правом собственности право пользования, употребления и распоряжения, и замечая, что землевладелец мусульманский пашет землю, пользуется доходами с нее и переуступает ее другому по наследству, даром и продажей — администрация склонялась видеть в нем собственника. Между тем много фактов и в его прошлом оказывались вполне необъяснимыми идеей поземельного права собственности. Так, сама податная система, найденная в кране и проектированная степной комиссией, заставляла предположить присутствие в законе и обычаях скорее права пользования, нежели собственности.

Система эта, ставя интересы казны в полную зависимость от способа употребления земли, естественно вызывала со стороны правительства такое сильное вмешательство в право употребления и утверждало за правом этим такой бдительный контроль государственной власти, что в мусульманском землевладельце скорее можно было видеть крепостного батрака, чем собственника. Эта же система, определяя за правительством участие в праве пользования лица $^1/_2$ с валового дохода, очевидно указывала скорее на принадлежность права пользования государству, чем землевладельцу. Подобно тому, трудно, даже невозможно было предположить общее признание принципа права собственности в стране, где огромные гидротехнические сооружения производились легко и без всяких денежных затрат и где закон ни единым выражением не намекает на право экспроприации. Равным образом было бы безуспеш-

но искать право собственности в населении, где всякий держится слова пророка, что огонь, вода и дикорастущая трава суть достояние всеобщее, а в стране, где кочевник живет бок о бок с земледельцем и где не существует ни кочевых дорог, ни даже надобности в них, ничем не заявляется, где киргиз без спроса и платы травит только что сжатое поле и зимует на земле, о хозяине которой и несправляется».

Наконец, сильнее всего о не существовании в крае права собственности, — говорят тогдашние исследователи, — свидетельствовало почти полное отсутствие документов, закрепляющих поземельное право. Если же таковые и встречались, то в них обозначались всегда род угодий, дом, сад, огород или пашня и никогда не упоминалось слово земля. Документы существовали относительно мильков и в большинстве случаев были знаком известного на землю права, размеры коего, как выше было указано, не совпадают с размерами права собственности и вовсе не имеют его характера. Факт отсутствия документов обратил на себя внимание и степной комиссии, остановившейся на заключении, что и необходимости в таких документах не встречались, т. к. самый факт употребления служил достаточным документом.

Вполне можно последовательно заключить, что отсутствие факта употребления изобличало и отсутствие права. Понятно, что при такой постановке бездокументальное право невозможно признать за право собственности. «Это последнее, будучи юридическим, а не фактическим достижением вещей, имеет силу при факте употребления, как и без него. Право же здешнего населения, опирающееся на факте употребления, как на документе, рушится с прекращением его и во всяком случае неразрывно с ним связано. Ввиду сего нельзя не согласиться, что идея права собственности не объясняет многих фактов в социальном быту и положительно к нему не приложима. Напротив, освещая факты эти вышеизложенным началом мусульманского поземельного права, владением, возникающим из факта употребления и с ним прекращающееся, все явления социального быта вполне понятны и объяснимы».

Таким образом практика и теория, по мнению изучающих этот вопрос, приводят к выводу, что земли, вошедшие в состав Туркестанского края из бывших ханств Кокандского и Бухарского, не принадлежат на праве собственности никому: ни государству, ни частным лицам, что земли необработанные, мертвые есть всеобщее достояние для потравы и пастьбы скота; земли же обработанные принадлежат одновременно и государству, и частному лицу, но на различных правах, сумма коих составляет высшее право на землю, именуемое владе-

нием обеленным. Лицу на земли обработанные принадлежит правом употребления, государству — власть наблюдения за правом употребления и даже указание способов и беспрерывности этого употребления.

Право пользования распределяется между лицом и государством, причем участие последнего доходило до ½ валового дохода и, следовательно, превышало в иных случаях, долю лица. Право распоряжения собственно не принадлежало ни тому, ни другому, а лицо и государство одновременно вольны переуступать права свои на одну и ту же землю. Если рассмотреть права, принадлежащие населению на обрабатываемую им землю, то нельзя не согласиться, что они ничем не шире и во многих случаях даже уже тех, кои принадлежали крестьянам государственным на земли, на коих они были водворены. Мильки, хераджи и ушри именуются мусульманским правом частными землями, — мамлякат — казенными, но не в смысле права собственности, а лишь в смысле права пользования. А потому разница в праве лица на земли мамлякат, хераджи и ушри заключается лишь в том, что право, принадлежащее лицу на земли, переуступается лицом по его усмотрению, право же на земли мамлякат не переуступали вовсе или с разрешения государственной власти. Практика нашла исход из этого положения и установила относительно первых переуступку непосредственную, относительно вторых — через посредство отчуждения факта употребления, который дает начало праву и обусловливает его прекращение.

О поземельном устройстве в Туркестанском крае

На основании вышеприведенных данных изучавшие вопрос рекомендовали:

«Приступая к проектированию, на основе существующего поземельного права, прочных и определенных правоотношений, представляются лишь два исхода: либо ввести законодательство вполне сходное с мусульманским, либо применить к найденному порядку вещей наше русское. Колебание в подобном вопросе, очевидно, не может быть продолжительным. Государство русское должно ввести в поземельный быт начала и воззрения, присущие духу Российского государства. А потому, исходя из основного закона, что все, что не принадлежит по праву собственности лицу, принадлежит на этом праве государству, остается признать все земли Туркестанского края собственностью казны, состоящей за лицами на праве владения или пользования. Государство может либо отказываясь от

неоспоримо принадлежащих ему прав, предоставить населению вотчинное право на земли, занимаемые ими, либо сохраняя за собой все свои права, дать населению ту долю их, какая необходима для обеспечения за лицом трудившимся, плодов его труда, доля которых во всяком случае будет не меньше той, какой население пользовалось прежде».

При всем этом, однако, признавалось, что право собственности не есть необходимость для населения и обеспеченное право пользования достаточно охраняет труду плоды его деятельности, ибо абсолютная непривычная для населения исключительность прав лица на землю, каким она представляется относительно вещи, составляющей собственность, будет по крайней мере в первые годы, чрезвычайно вредна. «Нерасчетливое, легкомысленное киргизское население немедленно же после надела приступит к отчуждению своих владений по таким ценам, какие представляла лишь Башкирия в первые годы ее присоединения к России. Приобретатели же, понимающие размеры и существо приобретаемого ими права, усугубят обнищание киргиз-кочевников, стесняя им свободу перехода и давя их на основании закона всей тяжестью исков о потравах, на что администрация имеет неоспоримые указания в Семиреченской области.

Кочевка, другими словами, степное скотоводство, ныне мирящееся с земледелием, помогающее ему и получающее в свою очередь от него помощь, стеснится до крайних пределов. Солончаковые, песчаные степи, густые камыши и бесплодные склоны гор опустеют, лишив край его скотоводческого богатства и обрекая киргиз к откочеванию вдаль от мест оседлых поселений. Колонизация, имеющая для здешнего края преимущественно значение политическое, как прочнейшая связь этой новой территории России с внутренними ее частями, с признанием за населением права собственности на земли, сделается невозможной, либо осуществимой с огромными затратами и во всяком случае внесет в общую экономику страны не благо, а разорение кочевой массы и обезлюдение степи, бесполезной для нее и пригодной лишь для киргиза и его скота, сносчивость и неразборчивость коих позволяет им довольствоваться скудными ее дарами. Ирригация и проведение путей сообщения встретят в праве собственности значительные препятствия и в каждом случае будут осуществляться не иначе, как дорогой ценой. И представление права собственности не вызывается ныне никакой необходимостью; как акт отказа со стороны государства от принадлежащего ему права может совершиться во всякое другое время, без малейших затруднений. Напротив, акт предоставления права собственности если

бы в нем случилось раскаяться уже безповоротно. А между тем государственная власть, имеющая ныне главной своей задачей полное сближение вновь покоренного края с прочими частями империи, нуждается в наибольшей свободе действий».

Ввиду этого, по мнению автора записки, акт предоставления права собственности следовало бы положить «не началом, а венцом дела объединения Туркестанского края с прочими частями империи».

Таковы были предложения, опирающиеся на результаты изучения норм мусульманского поземельного права и отвечающие, по мнению составителей, интересам как государства, так и оседлого населения.

О правах пользования в отношении к скотоводству

Сложившиеся тогда представления о состоянии кочевого скотоводства в крае, сводились к тому, что кочевому населению должно быть предоставлено: 1. Право пастьбы и кочевки на всех землях, не состоящих за лицами или обществами на правах пользования или собственности. 2. Право прохода через все земли, за исключением лишь земель, составляющих чью-либо собственность, и 3. Право остановки на всех полях уже сжатых и неогороженных и потравы всего дикорастущего, хотя бы и на землях, вошедших в надел лиц или обществ.

«Опыт управления и постоянное столкновение с неудобствами другого порядка вещей, привели к необходимости узаконения означенных прав. Семиречье может служить самым наглядным тому примером. Киргизское население, в особенности в уездах, где уже водворены казачьи и русские поселения, выражает постоянное стремление к выселению в Сыр-Дарьинскую область, где однако население гораздо гуще и лучшие места долины реки уже сплошь заняты земледелием. Факт этого стремления объясняется именно той исключительностью в правах на землю, какую стремятся отвоевать себе казачье и русское население. Места надела последнего тянутся длинною цепью у подножья гор и отделяют таким образом естественную летовку кочевника от естественной его зимовки, холодные ущелья гор и снежные вершины их от густых камышей и жарких песков, образуемых низовьями рек и ручьев, стекающих с гор.

Воспрещая право прохода через свои земли и считая за нарушение их права всякую потраву киргизами дикорастущей на их земле травы, они изгоняют их из своего соседства многочисленными тяжбами и исками и обращают в безлюдную, мертвую и для них же бесполезную пустыню, верховья и ни-

зовья тех речек, на среднем течении коих они водворены и где только возможно земледелие.

Пока населения эти не сомкнулись, пока между ними есть широкие перерывы, кочевник, ощущая всю тяжесть и стеснительность указанного порядка, находит однако возможность совершать обычное свое кочевое движение. На каждый новый поселок и каждый новый год приносят ему новые стеснения и близко то будущее, когда киргиз увидит, что между ним и поселенцами русскими поставлен вопрос жизни и смерти. Эта борьба за существование при таких поземельных правоотношениях неизбежна».

В записке подчеркивается явный вред представления какого-либо права кочевнику на ту землю, которую скот его попирает копытом своим, не оставляя другого следа, как несколько помятую траву. «Исключительность права потравы дикорастущей травы противна и обычному праву киргиза и сарта, и письменным их законам, и даже пользам самого скотоводческого населения. Опыт надела кочевых волостей землями и предоставление им исключительного права кочевания вели всегда к стеснению кочевки и даже вымиранию с голода скота, качество летовок и зимовок непостоянны и из года в год одна и та же местность может прокормить далеко не одинаковое количество скота».

Ввиду этих соображений не рекомендовалось отводить для кочевников какие-либо наделы или ограничивать и определять законом направление районы кочеваний.

С большой запиской, в которой оспаривались некоторые приведенные выше положения по поземельному вопросу, выступил управляющий Туркестанской казенной палатой Сергей Идаров.

Он относил земли мамляк и амляк к категории земель черных, причем пользовавшихся землями амляк считал «припущенниками», которые могли быть в любое время лишены этих земель, т. е. распоряжались землями только на праве краткосрочного владения или аренды без всяких письменных сделок.

Земель категории мильк хурухалисных, т. е. обеленных и земель амляковых в Туркестанском крае, по мнению автора записки, было очень мало, поэтому особого внимания заслуживали земли мамляк (черные).[83]

Он совершенно не согласен был с предположением закрепить эти мамлякатные земли за владельцами только на праве владения. Если допускалась частная собственность (обеленные мильки) лишь основываясь на факте «з противность шариату», то следовало бы с полным правом «признать мамляк (черную землю) не владением, а собственностью, основанною на доку-

менте и всецело вмещающую все элементы права собственности: *употребление, пользование и распоряжение».*

Автор рекомендует отказаться от придумывания новых законов и проектов и воспользоваться «усовершенствованными русскими узаконениями». Возражения оппонентов о том, что мамлюк, уплачивая подати, тем самым подтверждает право собственности на эту землю государства, неосновательны, «так как государство не владея купеческим товаром, собирает однако же закет с него».

Утверждая, что «взимание податей с черных земель везде и всегда признавалось правом» и что это не могло влиять на признание за землями мамляк права собственности и в то же время подчеркивало отличие от земель амляк.

Автор приводит в своей работе данные из русской истории, считая, по-видимому, что в обоих случаях имел место аналогичный, если не вполне, то в известной мере сходный процесс.

Во время татарского владычества в древней России земельные участки назывались волостями, а совокупность всех этих участков называлась уездом, получившим свое название от межевого выражения «уехано» (приписано) и «отъехано» (отписано), отсюда волости отъездные.

Межевание называлось разъездом, а межевщик — разъездчиком или заездчиком. Земля, купленная навеки, называлась одерень, дернь, челядь дерноватая. Все землевладельцы были служилые люди, в противном случае земля отбиралась у них в казну. Для привлечения пришлых людей к заселению и распашке новин, князья давали вотчинникам льготы. Пришлые люди заключали с землевладельцами разные условия: 1) обрабатывающие за известную плату по найму назывались наймитами; 2) уплачивающие половинною собираемых произведений назывались половинниками и треть — третниками; 3) по особому ряду или договору назывались рядовыми людьми. Как вотчинники, так и правительство заботились о населении оставшихся у них пустых земель. Являлись насельники, которые не получали земель у правительства, т. к. у них не было средств для покупки и им было выгоднее пользоваться землей без покупки и переселяться на новые места к богатым и знатным землевладельцам, которые давали им льготы и сильное покровительство. Земли насельников не были вотчинными, не куплены и не пожалованы, а уступлены только в пользование, которое переходило из рода в род в интересах правительства.

Участки насельников переходили по наследству к детям, передавались за деньги, продавались другим насельникам, лишь бы только черная земля не сделалась белой, не перешла бы к кому-нибудь в виде полной частной собственности.

Вот происхождение черных или государственных земель. Татары, обелив тарханными грамотами монастыри и вотчины, обложили насельников данью, поэтому первые назывались — беломестцы, а вторые — данные люди или тяглые, числянок, числяк, черные люди или смердь. Общее название сельского населения было хрестьяне или сироты. Воспрещалось у черных людей покупать земли, иначе покупщики должны потянуть к ним или лишиться своих земель, которые переходят к черным людям.

Беломестцам запрещалось покупать земли тяглых людей, купцы не могли владеть землями (купец должен тянуть в свое сто (сотню), а смерд в свой погост).

Из этого исторического очерка видно, что русское землевладение, по мнению С. Идарова, представляло форму полной собственности (обеленной вотчины) и владения насельников (черной земли) на землях вотчинников или государства.

Вскоре рядом с вотчинным правом образовалось помещичье (за службу государству служилых людей); поместье не могло быть ни продано, ни заложено (продать и заложить невольно), но променено на вотчину, которая обращалась тогда в поместье.

Дела об этом велись в Поместном приказе, по писцовым книгам, до 1714 г., когда Петр I законом о единонаследии (майорат) уничтожил разницу между вотчинами и поместьями. Вопреки этому, оппоненты говорят, что «право государства, как вотчинника, положенное в основу мусульманского законодательства, проникавшее в его целом и в наше в допетровской Руси, существует и до сих пор в своде законов. Право собственности государственной, пишет автор, не существует по шариату, признающему одно владение, не существовало оно и в допетровской Руси, зорко следившей, чтобы белая земля не сделалась черною, беломестцы — черными или сиротами, вотчинники — помещиками». Справедливо, что оно существует в своде законов для инородцев-кочевников, в силу чего в начале этого столетия воспрещалось им возводить постройки для себя в степях, чтобы лишить их тех средств к переводу в оседлые, т. к. по системе графа Сухтелена (1830 г.) кочевники должны всегда оставаться кочевниками, заниматься скотоводством и не обращаться в землеводы или садоводы. Но этот опыт оказался несостоятельным.

Сводя вышеизложенное о частной государственной собственности, — пишет С. Идаров, — я нахожу:

1 Что земля мильк-хур или хуру-халис есть частная или общественная собственность, но не государственная и обеленная от податей только на время кокандского владычества, тар-

ханами, не возобновленными русским правительством, а потому подлежащая уплате установленных податей.

2. Что земли амляк, по недостатку на них грамот и документов у частных лиц, есть земли государственные, обрабатываемые насельниками или припущенниками, по усмотрению правительства.

3. Взимание податей с земель мамляк всегда было и остается возможным и справедливым, т. к. землевладельцы не имеют тарханных грамот, да если бы их имели, то обеление их прекратится с кокандским владычеством, по невозобновлению оных русским правительством...»

Затем в записке автор заявляет себя решительным противником общинного вида пользования землей. Ссылаясь на авторитет американского экономиста Кэри о невыгодах общего пользования, С. Идаров находит в нем также и политический вред, «который может возникнуть от препочтения общинного пользования землей — частному. Сплачивание оседлого сартовского населения в общины, соединение мелких, частных, раздробленных и разрозненных сил воедино, под видом общего пользования и общего управления, считалось здесь всегда опасным для местной власти, и разделение их полезным в политическом отношении».

В заключение в записке настойчиво выдвигается предложение о закреплении земель в Туркестанском крае на праве частной собственности, о широком наделении землей байгушей и русских переселенцев. «Такое наделение землей увеличить состав консервативного элемента собственников, которые будучи во всем обязаны правительству, обогащенные землей и освобожденные от рабства поденного труда и нищеты, естественно привяжутся к своей собственности и нераздельно связанной с оной русской власти». Для развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, а также частной инициативы, автор считает необходимым «оказывать предпочтение участковому пользованию перед общественным и частной собственности перед общей».[84]

10. Поземельное устройство Туркестанского края в проекте 1881 года.

События в Туркестане, связанные с упразднением Кокандского ханства, военные действия, походы Кауфмана и Скобелева в Ферганскую долину и на Алай, отодвинули представление переработанных проектов по управлению Туркестанским краем. Петербург только однажды, в 1878 году, напомнил об этом.[85]

Тем временем деятельность по разработке проектов, в том числе и проекта поземельного устройства Туркестанского края, продолжалась с неуменьшающейся активностью.

Под председательством нового военного губернатора Ферганской области генерала Абрамова, была создана комиссия, членами которой являлись: генерал Носович, Вилькинс, Тюфяев и Карпека. Комиссия пересмотрела раздел поземельного устройства из проекта, составленного комиссией генерала Непокойчицкого (несколько переработанный Туркестанский проект 1873 года). Пересмотренный проект этот дается в приложении 4-м.

Многочисленные неясности и противоречия, возникшие в работе при практическом осуществлении поземельных и податных преобразований в Ферганской области, частью известные нам по переписке генерала Кауфмана с академиком Миддендорфом, явились поводом для образования в Ташкенте комиссии для проектирования «Инструкции организационным учреждениям Ферганской области». В комиссии членами состояли следующие крупные деятели военно-народного управления Туркестана: П. Каблуков, С. Носович, Х. Хомутов, В. Корольков, К. Нестеровский, М. Карпека, А. Тюфяев, Ф. Павлов, А. Вилькинс, А. Фиалковский, К. Рудаковский, Н. Ситняковский (в комиссии часто председательствовал сам генерал Кауфман).

21-го марта 1880 года комиссия представила Кауфману доклад с разработанными положениями и инструкциями.[87]

К докладу прилагается проект «поземельного устройства Ферганской области» (см. приложение 5-е).

Весьма интересен раздел «государственных податей», предложенный комиссией; он подводит известный итог организационных работ, проведенных в Фергане. В классификацию земель долины этот документ вносит две новые категории: 1) малодоходные перелоги или залежи—местное название—курукчи, что означало землю скудноорошенную, в редкие годы способную к обработке, сухую землю и 2) так называемые «чеки» — земли, обязанные своим заселением мерам, принимавшимся в ханское время для оживления и безопасности торговых или проезжих путей от разбоев. Поселяне на такого рода пикетах по степным дорогам привлекались туда не столько выгодами земледельческого промысла в бесплодных местностях, сколько податными и иными льготами и прибылями от караванов и торговых людей, пользовавшихся приютом на этих чеках.

Интересующие нас статьи этого раздела излагались в следующей редакции.

Из раздела «Государственные подати»:

... ст. 153. Все земли, подлежащие обложению оброчной податью, разделяются на восемь разрядов:

к первому разряду относятся земли, приносящие свыше шестидесяти рублей среднего валового дохода с каждой удобной десятины;

ко 2-му — от 60 до 50 руб. включительно,

4 — 40 до 30

3 — от 50 до 40

4 — от 40 до 30

5 — от 30 до 25

6 — от 25 до 20

7 — менее 20

8 земли, обрабатываемые без искусственного орошения, под дождь (богарные или ляльми) и малодоходные, скудноорошаемые перелоги.

ст. 154. Государственная оброчная подать назначается:

в 1-м разряде — по 10% со средней валовой доходности каждой удобной десятины;

во 2-м разряде — по 5 руб. с удобной десятины.

В 3 по 4 руб.

4 по 3 руб.

5 по 2 руб.

6 по 1 руб.

7 по 50 коп.

8 по 25 коп.

Ст. 161. Оброчная подать назначается в виде валового оклада на всех землевладельцев каждого облагаемого селения, с предоставлением внутренней раскладки подати по благосостоянию каждого плательщика, самим обществом.

Ст. 167. Каждое сельское общество ответствует коллективно за исправную уплату в срок госуд. оброчной подати. Для пополнения недоимок с отдельных неисправных плательщиков, обществу предоставляется: во-первых, обратить в возмещение недоимки доход с принадлежащего ему недвижимого имущества и, во-вторых, определить к недоимщику опекуна, без разрешения которого не дозволять неисправному хозяину отчуж-

дать что-либо из его имущества или из его доходов, до пополнения недоимки.

Ст. 169. Кочующие инородцы облагаются кибиточной податью в размере 2 руб. 75 коп. с кибитки за право пользования зимними стойбищами и летовками.

Ст. 188. Аульный сход ответствует круговой порукой за исправный взнос кибиточной подати к положенному сроку, разлагая, в случае нужды, недоимку на всех хозяев аула, либо пополняя ее из общественных средств.

23 января 1881 года в Ташкент поступила телеграмма передающая «высочайшее повеление» немедленно представить новый проект положения об управлении Туркестанским краем.[88]

В спешном порядке возобновилась работа в комиссиях по составлению всех разделов нового проекта. В течение некоторого времени непосредственно в работе по составлению нового проекта принимал участие лично генерал Кауфман, но вскоре заболел и уже к работе не вернулся. Завершала работу комиссия, в которую были привлечены самые ответственные администраторы — в том числе генерал Колпаковский — заместитель Кауфмана, генерал Абрамов — военный губернатор Ферганской области, генерал Троцкий — военный губернатор Сыр-Дарьинской области, генерал Иванов — начальник Зеравшанского округа, Аристов — представитель Семиреченского областного правления, Начальник казенной палаты Идаров, Начальник контрольной палаты Череванский, правитель канцелярии Щербинский, Нестеровский, Южаков, Певцов и Хомутов — чиновники канцелярии.

К проекту поземельного и податного устройства в Туркестанском генерал-губернаторстве была составлена и подписана всеми членами комиссии специальная объяснительная записка.[89]

В этом интересном документе подвергаются доказательству два главных положения: во-первых, полное соответствие интересам как правительства, так и местного населения основ проекта поземельного устройства 1873 года и, во-вторых, совершенная несостоятельность возражений по проекту 1873 года, заявленных тогда министерствами иностранных дел и финансов и поддержанных государственным контролером.

«... Составители настоящего проекта, вновь пересмотрев план земельного и податного переустройства, задуманный в 1873 году, пришли к заключению, что выводы министерств и контроля не вполне безошибочны, быть может вследствие недостаточно ясного и отчетливого представления сущности проектированных преобразований, но что самый проект вполне

целесообразен и совершенно удовлетворяет действительным нуждам и потребностям края». На этом основании составители проекта 1881 года поставили перед собой задачу «... новыми доводами **подтвердить не только целесообразность, но и необходимость узаконения земельных и податных преобразований в Туркестанском крае,** на тех именно началах, какие были положены **в основание того проекта** (1873 г.) (Подчеркнуто нами — А. С.).

Министерство финансов находило принципиальной основой поземельного устройства, рекомендуемого проектом 1873 года «намерение совершить обширную экспроприацию земель от туземцев, ими пользующихся, в пользу казны, для обращения населенных и обрабатываемых населением территорий в казенные оброчные статьи».

Категорически отрицая такие намерения, составители проекта 1881 года сущность проектируемых преобразований определяли как меры, которые «только выясняют давным давно уже установившиеся в действительности отношения населения к земле; узаконивают практически существующие права владения землей; **регулируют настоящие, нормальные отношения туземных собственников (мильки и вакуфы), к лицам на их земле сидящим и, наконец, открывают землевладению в крае свободный выход из условий постоянного пользования к форме полной собственности».**

Подчеркнутое нами заявление авторов объяснительной записки, подтверждая линию отношения к местной землевладельческой феодальной верхушке, провозглашаемую Кауфманом в проекте 1873 года, называет рекомендованную проектом 1881 года форму закрепления земель в Туркестане — право постоянного пользования — мерой переходной, временной, принимаемой с тем, чтобы подготовить условия перехода к форме полной собственности.

Этот новый мотив заслуживает быть особо отмеченным, ибо к тому, что понималось под условиями перехода к частной собственности на земли в Туркестанском крае, нам придется еще возвращаться.

Уверенность в безусловной целесообразности предлагаемых новым проектом мероприятий в области поземельного устройства, основывалась, как об этом указывалось в объяснительной записке, «не на одних лишь теоретических выводах и соображениях по изучению аграрной системы Средней Азии. Фактическим и неопровержимым подтверждением выражаемой уверенности служит заканчивающееся, в настоящее время, земельное и податное устройство Ферганской области, предпринятое в 1877 году главным начальником края и **совершенного** на точном основании начал, приведенных в проекте 1873 года»...

Настолько неверны были опасения министерства иностранных дел, настолько же ошибочны и заключения министерства финансов. Вместо кажущейся им экспроприации у населения земель, в действительности, — утверждают составители нового проекта, — земля, как была, так и остается в фактическом владении населения; дело только в том, что за право пользования ею будет определенная часть доходности уплачиваться в казну, а не милькодарам или мутавали.

В записке указывается, что порядок податного обложения, устанавливаемый разработанным проектом, значительно упрощен и облегчен в сравнении с отмененной хераджной системой и что этот новый порядок проверен на опыте Ферганской области. Насколько велики были злоупотребления при прежней хераджной системе можно увидеть из того, что сумма дохода, исчисляемого в $^1/_{10}$ урожая, давала казне при новой системе сумму, равную поступавшему хераджу, исчисляемому в размере $^1/_5$ урожая.

Авторы записки откровенно заявляют о том, что администрация была совершенно бессильна в борьбе «с хищничеством туземных сборщиков при старой податной системе хераджа».

Замечание министерства финансов о том, что предлагаемые проектом 1873 года преобразования прямо противоречат общему характеру поземельной реформы, осуществляемой в России, имеющей целью сделать земледельческое население империи крестьянами собственниками, отвергается составителями записки на том основании, что исторически правоотношения к земле и податная система никоим образом не совместимы с признанием прав частной собственности на земли, что «право на земельные владения туземного земледельца, в фактическом случае, обеспечено (проектом) не менее, чем у наших крестьян-собственников».

Далее, в записке прямо заявляется, что «проектируемое для края устройство земельное и податное нужно не столько для поднятия экономического благосостояния туземцев, сколько в интересах скорейшего установления закономерного отношения правительства к частному землевладению; оно столько же необходимо в видах регулирования весьма деятельной русской и туземной колонизации...».

Такого рода цели, которые не внесут существенных изменений в «поземельный быт края», в свою очередь, — заверяют авторы записки, — не могут вызвать в будущем никаких опасений «насчет выкупа земель податным населением».

Право постоянного пользования единственно выгодная мера, — говорят они, — не только как переходная форма землевладения к общей выкупной операции в будущем, но и как

«наиболее верный и обеспеченный источник постоянного и возрастающего правительственного дохода».

В проекте сохраняется право желающим выкупать земли в полную собственность в любое время, но при условии, чтобы податные оклады, до совершения сделки, были капитализированы правительству.

Приобретение права полной собственности в Туркестанском крае, по проекту 1881 года устанавливалось, применительно к положению о бывших государственных крестьянах, и составители проекта руководствовались при этом, по преимуществу, целями колонизационными и «желанием привлечь в край частные русские силы для разработки местных богатств».

Земли Туркестана, признаваемые состоящими на праве частной собственности, по проекту подлежали обложению существовавшим тогда в России поземельным налогом. Эта мера расценивалась как обобщение края с коренной Россией и укрепление «органической связи с ней этой далекой окраины».

Заканчивается записка объяснениями линии туркестанской администрации в вопросе о привилегированном землевладении — мильковом и вакуфном.

«Вопрос о таком привилегированном землевладении, — говорится в записке, — вызывавший у министерств наибольшие опасения, есть вопрос частный, касающийся лишь ничтожной численно, хотя и влиятельной по положению, части туземного населения. Самая сущность этого вопроса сводится к положению чисто политическому: правительство должно решить, может ли наш государственный порядок допускать исключительные поземельные и податные льготы, нарушающие общее местное положение и признание коих равносильно было бы утверждению вдвое более тяжелых податей и повинностей, с той части податного населения, которая представляет и вакуфные земли, иначе говоря: может ли быть допущено установление не землевладельческих, **а политических привилегий, которые, по сущности дела, дают сословию мильковладельческому и духовному положение государства в государстве,** при полном отсутствии каких бы то ни было уважительных причин к сохранению таких привилегий и даже напротив— **при наличности положительных доказательств лишь в пользу их явной несовместимости с новым порядком, установившимся в крае под русским владычеством...»** (подчеркнуто мною — А. С.).

Содержание статей самого проекта, четвертого по счету[90] в разделе поземельное устройство Туркестанского края[91] см. в приложении 6-м.

Хотя представленный в 1881 году проект положения об управлении в Туркестанском крае был подписан генералом Колпаковским, тем не менее, с полным основанием, мы можем считать этот проект относящимся к поземельной реформе Кауфмана. Этот проект завершает изучение вопроса и практическую деятельность первого Туркестанского генерал-губернатора в деле поземельного устройства края, неизменно тогда признававшегося делом первостепенной важности.

Большая косность, медлительность, бюрократическая канитель в правительственных учреждениях Петербурга не могли быть преодолены даже таким, наделенным особыми полномочиями деятелем, как им был генерал Кауфман. При жизни Кауфмана в течение почти пятнадцати лет Туркестанский край не имел утвержденного в законодательном порядке положения об управлении краем.

В течение всего этого времени продолжались боевые и иные действия по присоединению новых территорий Средней Азии, которые, как известно, закончились лишь в середине девяностых годов прошлого века.

Как сущность постановки вопроса в некоторых проектах, представляемых туркестанской администрацией, так и практическая деятельность в вопросе поземельного устройства, может с полным основанием считаться положительной по тем ближайшим последствиям, которые возникли для туркестанского сельского хозяйства и непосредственного производителя на первом этапе 70-х и в первой половине 80-х годов прошлого века.

Уничтожение пережиточных мильковых и вакуфных форм в туркестанском землевладении, как и прекращение арендных платежей крестьянами, имело положительное значение для экономики края.

Признание положительного значения осуществленных мер не может ни в коей мере вести к обелению политики туркестанской колониальной администрации, ибо политика Кауфмана в аграрном вопросе определялась не истинными заботами о благе народном, а являлась следствием политических комбинаций в крайне осложненной обстановке, когда при невыгодном соотношении сил, необходимо было укреплять свои позиции в завоеванной стране, в которой еще не был окончательно разгромлен противник — местная феодальная, землевладельческая знать. Обстановка требовала широкого маневра в политике на завоеванной территории. Одним из выражений этого маневра была аграрная реформа 70-х годов, в период, когда завоевательные операции в Средней Азии еще продолжались.

Этими причинами объясняются и такие странные на первый взгляд шаги колониальной администрации того периода, как:

«Вне городской черты отвод земель для русского населения был запрещен, кроме специальных переселенческих фондов. Покупка земли у местного населения европейцами и, **в частности русскими,** была полностью запрещена. Запрет сохранял силу почти до конца восьмидесятых годов...»[82]

Между прочим, на решение Кауфмана ограничить возможность покупки земель вне городской черты русскими повлияло несколько крупных дел по злоупотреблениям с приобретением земли.

В самом начале 70-х годов группа высокопоставленных «господ ташкентцев», в которую входили военный губернатор Сыр-Дарьинской области генерал-лейтенант Головачев, заместитель правителя канцелярии генерал-губернатора камер-юнкер Савенков, полковник Гуюс — начальник Кураминского уезда и его помощник Омар Марджиманов, используя свое служебное положение и прибегая к всевозможным преступным махинациям, «скупили» пригородные к Ташкенту земли.

По реке Угаму в 130 км от Ташкента за 4000 рублей «приобретены» 23 000 десятин земли, якобы для конного завода.

В 1874 г. таким же путем «приобретен этой компанией участок в 700 десятин Унякульской земли за 7000 руб. и тут же был уступлен хлопковому товариществу «Иван Янов и К°» за 19000 руб. Таким же путем были захвачены большие земельные массивы между Ташкентом и Куйлюком, на Джуван-арыке и на рыке Шадманбека.

Дело было расследовано П. И. Хомутовым и участники были осуждены, сосланы в Сибирь, а земли возвращены владельцам.

Также было пресечено тем же П. И. Хомутовым злоупотребление с приобретением большого земельного массива капитаном Покровским, «купившим» несколько сот десятин по цене в 6 р. 72 коп. за десятину или 1 р. 12 коп. за танап.

Крупным злоупотреблением было так называемое ходжентское дело, где действовала группа преступников: начальник уезда полковник барон Нольде, его заместители — граф Девиер и ротмистр Суров. Из других дел, связанных с злоумышлениями в части земли, можно назвать дело о землях «Кордон»—недалеко от Аулие-Ата в местности Ак-Булунь. Участок земли в 326 десятин с «помощью» правителя канцелярии камергера Каблукова за бесценок был продан купцу Иванову. Дело было поднято Гирсом при ревизии края и Каблуков был передан суду.

Закрепление в оседлых районах земли за теми, кто фактически ее обрабатывал, является мерой, свидетельствующей об известном либерализме и крайне осторожной политике туркестанской администрации, объясняемой также и «незаинтересованностью царского правительства в этот период в земельных фондах Средней Азии для нужд колонизации... и желанием добиться в борьбе с враждебной местной аристократией нейтрального отношения к себе широких масс местного населения...»[93]

Ввиду всего сказанного, по причинам затяжного характера завоевания Средней Азии, растянувшегося на четверть века, имеются основания считать, что процесс колонизации Туркестана вынужденно проходил замедленно. В колонию чистого типа Средняя Азия превращается уже после завоевания. К тому времени перестают также действовать и положительные последствия аграрной реформы 70-х годов. Колониями чистого типа с полным основанием тогда можно было считать вассальные ханства.

В некоторой мере на туркестанских проектах поземельного устройства времени деятельности генерала Кауфмана сказалось влияние русской крестьянской реформы 1861 года, но только, повторяем, в некоторой мере, т. к. если условием крестьянского землевладения по реформе 1861 года являлась выкупная операция, то в туркестанских проектах выкупные операции намечались только в неопределенном будущем и крестьянское землепользование не ставилось ни в какую зависимость от выполнения предварительных условий и, наоборот, постоянное землепользование туркестанский крестьянин тогда получал одновременно с освобождением от платежа арендных взносов милькодарам или вакуфным учреждениям.

Все проекты данного периода сохраняли, в известной мере и при разных условиях, формы землевладения, основанные на праве частной собственности.

Таковы некоторые итоги аграрных мероприятий в Туркестане, разработанных и частью осуществленных в 1867—1881 годах.

Глава II

Поземельное устройство в Туркестанском положении об управлении краем 1886 года.

1. Ревизия Туркестанского края сенатором Гирсом и представленный им проект поземельного устройства.

2. Поземельное устройство Туркестанского края в материалах комиссии графа Игнатьева.

3. Замечания министерств и туркестанских властей на содержание проекта поземельного устройства, предложенного комиссией графа Игнатьева.

4. Раздел Поземельного устройства в Положении об управлении Туркестанским краем 1886 года.

Так же, как это было при обсуждении туркестанского проекта 1873 года, предполагалось поступить и после получения в Петербурге нового туркестанского проекта 1881 года. Проект этот, по примеру прошлого, должен был быть рассмотрен в особой комиссии из представителей заинтересованных министерств. Такая именно комиссия и была создана под председательством генерал-адъютанта Скобелева. Выбор главы этой комиссии, по-видимому, был связан с тем, что генерал Скобелев знал Среднюю Азию, будучи активным участником завоевательных походов в Туркестане и первым военным губернатором Ферганской области после ликвидации Кокандского ханства в 1876 году.

Но занятия указанной комиссии по обсуждению туркестанского проекта были вскоре приостановлены и комиссия распущена в связи с назначением новым Туркестанским генерал-губернатором генерала М. С. Черняева.[94]

Одновременно с этим назначением, по ходатайству нового начальника края, в 1882 году царь Александр III распорядился произвести ревизию Туркестанского края.

1. Ревизия Туркестанского края сенатором Гирсом и представленный им проект поземельного устройства.

Поручение ревизии между прочим «исследовать существующую в крае систему податей и сборов и способов их взимания в связи с поземельным его устройством, настолько подобно, чтобы правительство могло безошибочно приступить к определению юридических прав на земли и установить норму поземельной подати»[95], — определило направление деятельности ревизирующих край, и поземельный вопрос был по-прежнему в центре внимания, тем более, что «ревизия обязана была представить также данные для окончательной выработки проекта положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством».[96]

В помощь ревизующему тайному советнику Ф. Гирсу были назначены: чиновник особых поручений при министре внутренних дел Голдинский, российский консул в Кашгарии Петровский, чиновник департамента таможенных сборов Езучевский и прокурор Новгородского окружного суда Дитлов.

Ходатайство нового Туркестанского генерал-губернатора генерала М. С. Черняева о назначении ревизии Туркестанского края было вызвано особыми, личными соображениями последнего, которые непременно необходимо учитывать при анализе итогов ревизии.

Дело в том, что завоеватель Ташкента — генерал Черняев очень ревниво относился к роли генерала К. П. Кауфмана в деле завоевания Средней Азии и укрепления здесь новой власти. Он совершенно нетерпимо относился ко всему, что было связано в крае с деятельностью генерала Кауфмана или в какой-то степени напоминало о нем. Известно, например, что Черняев приказал зарезать всех стельных коров, содержащихся при школе шелководства, покрытых выписанным из-за границы голландским породистым быком, только потому, что быки эти для улучшения местной породы были выписаны Кауфманом. Закрыта была по той же причине и сама школа.[97]

Пострадали от режима генерала Черняева многие видные деятели, в том числе и передовые русские люди. Удален был от работы, оставшись за штатом, П. И. Хомутов, принимавший все предшествующее время самое активное и непосредственное участие в изучении Средней Азии и в разработке проектов положения об управлении Туркестанским краем, особенно в области аграрных вопросов. Покинул Туркестан и генерал Абрамов.

Неприязненные отношения нового начальника края ко всему кауфманскому были известны в Петербурге, поэтому заявляя просьбу о назначении ревизии Туркестанского края, гене-

рал Черняев рассчитывал на то что ревизия поддержит его антикауфманскую политику. Расчеты его подкрепились еще и тем, что ревизующий сенатор Гирс, хотя и состоял по ведомству Министерства внутренних дел, но целиком разделял взгляды Министерства финансов, того самого министерства, которое всегда было противником мероприятий, проводимых Кауфманом в Туркестане, отвергая предлагаемые последним проекты, особенно о поземельном устройстве края.[98] Мы увидим далее, что планы генерала М. Г. Черняева были в известной мере осуществлены.

Акт ревизии Туркестанского края[99] и объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанским краем 1882 года, написанная ревизионной комиссией,[100] составляют обширный материал по всем вопросам организации управления краем.

Важное место в этих документах отводится и поземельному устройству. Опуская подробное изложение в них истории разработки поземельного вопроса в Туркестане, поскольку об этом уже были приведены необходимые сведения, мы остановимся лишь на извлечениях самого основного в материалах, что относится к поземельному устройству края.

Признавая, что правильное разрешение поземельного устройства «составляет одну из главных задач будущего устройства края», ревизия нашла необходимым обратить особое внимание на сбор на местах необходимых материалов для того, чтобы «уяснить те главные формы землевладения, которые мы застали в покоренном крае, и те изменения, какие произошли в этих формах, под влиянием мероприятий русской власти».

Приняв такой порядок работ, ревизующие край считали, что при завоевании края поземельное право его населения представлялось в следующих формах землевладения. В крае существовали:

1. Земли, называемые амляк, обложенные податями по урожаю (хераджи) и по размеру земли, засеянной известными продуктами (танап).

2. Земли, называемые мильковыми, освобожденные вполне или частично от казенных налогов и

3. Земли вакуфные, доходы с которых в полной сумме сбора или только в определенной его доле, назначались для разных религиозных целей.

Земли амляковые, платившие, как сказано выше, хераджную и танапную подать, были земли преимущественно кишлаковые, т. е. занимаемые селениями.

Администрация края, составлявшая проекты его устройства, полагала, между прочим, все земли и угодья, состоящие в

действительном пользовании оседлых туземцев, отвести в надел, на праве постоянного пользования. Мера эта предполагалась вначале проектом 1873 года; проект был возвращен министерствами обратно для исправлений и дополнений. Проект 1881 года, оставшийся нерассмотренным за назначением в Туркестанский край нового генерал-губернатора и ревизии, нисколько не разнился по отношению к поземельному вопросу, от проекта 1873 года.

Решено было, чтобы «безошибочно» заключить как приступить к определению права владения землями и угодьями, занимаемыми селениями (амляковыми) произвести объезд края и обязательно посетить те селения, где происходили поземельные споры и там детально ознакомиться с документами и произвести опрос жителей.

Но, приступая к делу, ревизующие сразу же признали несостоятельным метод доказательства, применяемый авторами прошлых проектов, и заявили, что они «не будут приводить в доказательство своих мнений: как это делалось прежде, цитат из корана и шариата, ибо ревизия не считает себя в этом отношении достаточно компетентной в знании «арабских книг по их иностранным переводам» и, кроме того, одними этими книгами далеко еще не исчерпывается знание поземельного права. Распоряжения мусульманских правителей, начиная с Тимура (тузукат), поземельные акты, вакуфные записи, духовные завещания, решения народного суда и т. п., касающиеся землевладения документы, по мнению ревизии, могли бы служить столько же, если не более, чем шариат и коран, существенным пособием к правильному пониманию поземельного права в Средней Азии.

К сожалению, говорится в материалах ревизии, материалами этими, гораздо труднейшими для усвоения, чем переводы корана и шариата, в Туркестанском крае никогда не пользовались. «При таком положении дела ревизии признала за лучшее и в данном случае единственно возможное, исследовать существующие формы фактического владения землей, — так как они найдены ею на месте, не вдаваясь в ученые их определения на основании источников мусульманской юриспруденции. Фактическое владение землей всем известно и может быть проверено в каждом данном случае, во всякое время». В этом его — по мнению ревизии — преимущество. Переходя затем к рассмотрению вопроса о землях амляковых, ревизия в своем отчете излагает следующие, не лишенные интереса, соображения. Ошибочно будет, говорится в отчете, мнение тех, которые сравнивали бы здешние селения с нашими русскими, единственно потому, что у тех и других главный промысел — земледелие.

Общественное владение землей, которое лежит в основании нашей сельской общины, в здешней местности не существует, даже земли, так называемые чаковые (жеребьевые), существующие во многих селениях и обрабатываемые домохозяевами каждого селения в количестве, сообразном с имеющимися у него кошами (пара волов), перестали и перестают быть на правах жеребьевых. В Ташкенте, например, чаковые земли еще при мусульманском владычестве были закреплены за каждым домохозяином особо — и закреплены обычаем и распоряжением власти, т. е., очевидно после того, как обычное право относительно этих земель вошло в свою полную силу. Сама жизнь подсказывает в каком направлении развивается здесь поземельное право.

Каждое селение в Туркестанском крае разделяется на участки, владельцы которых пользуются ими на правах полной собственности — по обычаю и давности или по документам. Участки эти могут быть передаваемы во всякое время путем продажи, дара, наследования и других законных способов отчуждения.

«Не ищите вашей поземельной общины в здешних селениях, — говорил ревизии один из лучших представителей края, — вы найдете ее не в земле, а в воде».

В справедливости этих слов ревизия имела возможность убедиться на месте, в самих селениях. Общины существуют только в отношениях поводных, а не поземельных.

Каждый владелец земли участвует, сообща с другими, в поддержании не только главного арыка, питающего побочные, местные водохранилища, но и пользуется водой этих арыков, сообразно степени своего участия в их поддержании, ибо земля без воды ничего не производит. «При таком своеобразном взгляде на собственность, конечно, нельзя не согласиться с нашими государственными деятелями, что было бы опасно поколебать законодательною мерою право владения землей в стране, которая живет и развивается под влиянием совершенно иных условий, чем жизнь коренного населения России».

Если настоящими формами землевладения народ доволен и ими дорожит, то, следовательно, — заявляется комиссией, — нет никаких причин не утвердить за ним существующего порядка владения.

«Этого требует и справедливость, и осторожность, в особенности, если принять в соображение, что общественное владение допускает передел земли, который решительно невозможен там, где существует, по утверждению таких знатоков этого дела, как академик Миддендорф, высокая земледельческая культура и сильно развитое интенсивное хозяйство, и где вла-

дение на правах полной собственности является предоминирующей формой». На этом основании в проекте о поземельном устройстве в крае определено, что «земли и угодья, занимаемые селениями (кишлаками), а также и принадлежащие отдельным, вне селений, владельцам, закрепляются на правах полной собственности за каждым из владельцев по обычаю». Представляя свои соображения о поземельном вопросе в Туркестанском крае, ревизия считала долгом заявить при этом, что неправильно поставленный и разрешенный поземельный вопрос может иметь самые печальные последствия: «он может поколебать в недавно покоренном народе доверие к русскому правительству. Придавая такое значение этому вопросу, становится положительно непонятным, как могло решиться бывшее главное управление края требовать, наперекор народного сознания, веками сложившегося быта и экономических условий, — применения к землевладению здешнего края общих установлений, изданных для сельских обывателей России».

Находившийся в составе ревизии российский консул в Кашгаре, Петровский, знаток среднеазиатской жизни, передавал якобы Гирсу, что покойный генерал Скобелев говорил ему о показании перед казнью одного из главных предводителей последнего кокандского восстания, Пулат хана. В показании этом Пулат-хан, между прочим, заявил, что расчет успеха восстания в пределах Туркестанского края основывался им, главным образом, на недовольстве народа по поземельно-податному устройству края. «Одно уже это обстоятельство, как казалось бы, должно убедить администрацию края в необходимости, в видах сохранения тишины и спокойствия, разрешить этот вопрос сообща с тем ведомством, которое, по специальности и средствам ему предоставленным, имеет полную на то возможность. Иначе поступил генерал-адъютант фон-Кауфман. Наперекор трем министрам, он привел в исполнение в Ферганской области не одобренный министерствами проект 1873 года по поземельному устройству, последствием которого были печальные результаты».

Высказав, таким образом, некоторые верные положения, например, об особенностях туркестанской поземельной общины, а также преобладающей здесь форме подворного земельного владения, ревизующие сделали более радикальное, в сравнении даже с предыдущими туркестанскими проектами, предложение о закреплении амляковых земель за владельцами на правал полной собственности, но... по обычаю. Кажущийся либерализм такого предложения не мог иметь реального основания в виду того, что ни обычай, ни шариат не знали частной собственности в Средней Азии в полной ее форме. На этом вопросе мы уже останавливались.

Подвергнув, затем, осуждению действия туркестанской администрации, точнее генерала Кауфмана, ревизующие привели для подтверждения своего мнения довольно странные доказательства.

Передавая сведения, полученные, якобы, от генерала Скобелева, о показаниях главы восстания в Кокандском ханстве Пулат-хана о том, что расчет на успех восстания в «пределах наших владений» основывался на недовольстве народа поземельно-податным устройством, Ф. Гирс и Н. Ф. Петровский[101] допустили явную передержку, т. к. восстание Пулат-хана было подавлено и сам он казнен в самом начале 1876 года, тогда как организационные работы по поземельно-податному устройству в Ферганской области были начаты только в 1877 году, а в других местах Туркестанского края, за исключением Андижанского отдела, еще позднее. До этого же, как известно, в поземельно-податное устройство администрация края почти не вмешивалась.

Далее, туркестанская администрация никогда не требовала «применения к землевладению здешнего края общих установлений, изданных для сельских обывателей России», а, напротив, всегда подчеркивала здешние особенности землевладения.

Покончив, таким образом, с землями авляковыми, в отчете ревизия края имеются следующие данные, касающиеся земель мильковых.

Мильковое владение приобреталось или оживлением мертвой земли, или пожалованием ханов. В последнем случае оно напоминает собой, отчасти, наше древнее поместное право. Жаловались не только пустоши, но и места заселенные (кишлаки). Права мильковладельцев не были одинаковы на оба рода мильков. Земли незаселенные эксплуатировались или самими мильковладельцами непосредственно, или через арендаторов; следовательно, в этом случае, сверх казенных с пустоши, в его пользу, налогов он получал еще и арендную плату за землю; с земель же населенных — мильковладельцу давались одни налоги, а само пользование землей оставалось за жителями милька. В действительности, однако, злоупотребления мильковладельцев последнего рода значительно расширяли эти права: мерой для сборов с населения, сидящего на их землях, служило не количество податей, следовавших в казну, а, большей частью, произвол мильковладетелей. Нередко население, живущее на мильковых землях, было поставлено в безвыходное положение, уплачивая треть, а иногда и до половины урожая в пользу владельца. Кроме мильковых, пожалованных или приобретенных путем оживления, земель, мильками назывались еще и участки, продававшиеся ханами жителям

за определенную плату, или за уступку хану, часто особенно ценных, земель приобретателя. Во всех этих видах мильковое владение было мало прочно и обеспечено.

Как право, близкое к поместному — оно во многом зависело от воли ханов, которые, действуя на правах полновластных распорядителей земель и всего общественного имущества подвластной страны, раздавали мильки и отнимали их по произволу, и потому для продолжения мильковского владения жалованного требовалось утверждение его каждым новым ханом.

Покровительствуя оживлению мертвых пустынь, ханы: нередко, поощряли даже злоупотребления влиятельных лиц, пользовавшихся для колонизации и обработки пустырей трудами населения, а потом присваивавших себе мильковое право на такие земли. Как только оживленные места заселялись или вообще делались прибыльными, доходы с них отбирались в казну.

В Кокандском ханстве, при последнем его хане Худояре, мильковые привилегии потеряли всякое значение; нечто подобное случилось и в Бухаре: эмир Сеид Музафар-хан, лишившийся большей части своих владений, обложил податями многие мильковые земли.

При занятии Туркестанского края, русская власть нашла в нем очень мало земель в фактическом мильковом владении; в руках населения осталось только множество документов, действительных и подложных, на основании которых потомками прежних мильковладельцев предъявлялись претензии на доходы многочисленных земельных участков, хотя в большинстве случаев у лиц этих не сохранилось даже предания о времени, с которого их предки перестали пользоваться мильковыми правами.

«Русская администрация, с самого образования генерал-губернаторства, не покровительствовала мильковым привилегиям вообще. Столкнувшись с бесчисленными претензиями на мильковое льготное владение землей, основанными, при том, нередко на документах сомнительного достоинства, и не имея средств произвести систематическую проверку этих претензий, генерал-адъютант фон-Кауфман, ввиду вышеизложенного положения мильковых прав при прежних ханах и тягостного положения лиц, населяющих мильковые земли, подчинил мильки общим с амляками податным налогам, милькодарам же было объявлено, что претензии их будут рассмотрены на основании законов, какие будут изданы на этот предмет впоследствии.

Мера эта, касавшаяся существенных интересов хотя и небольшой, но влиятельной части населения, могла казаться:

опасною для спокойствия в крае, но на самом деле милкодары помирились со своей участью, и, в настоящее время, даже не требуют восстановления своих прав. Это, между прочим, подтверждается тем, что в числе множества предъявленных ревизии жалоб на растраты и неравномерность обложения податями, оказалась только одна просьба о возвращении милька; просьба эта — копия с прошения, поданного генерал-губернатору несколько лет тому назад.

При таком положении дела ревизия не могла не остановиться на вопросе государственной важности; следует ли восстановить мильки на прежнем основании.

Для большего выяснения дела ревизия желала знать мнения губернаторов и уездных начальников, и все они категорически высказались, что хотя, с одной стороны, уничтожение милькового права и следует признать мерою не вполне справедливою, но, с другой — нельзя не принять во внимание, что мера эта относится до лиц, которые происками, интригами, а может быть и деньгами, присваивали себе право эксплуатировать труд населения и, злоупотребляя своим правом, отягощали народ непосильными поборами. Этим только и можно объяснить, что мера генерал-адъютанта фон-Кауфмана относительно мильковых привилегий не только не возбудила протеста со стороны населения, но была встречена сочувственно значительною его частью.

Основываясь на вышеизложенном и принимая во внимание, что в течение 14-ти лет население края, живущее на прежних мильковых землях, смотрит на них, как на свою собственность и что предложенное проектом 1881 года вознаграждение мильковладельцев легло бы бременем на государственную казну, ревизия пришла к убеждению о необходимости оставить населенные мильки за лицами их населяющими, и не облагать их, кроме государственных и других повинностей, никакими сборами за землю в пользу бывших мильковладельцев. Что же касается до мильковых земель незаселенных, то, имея ввиду, что в настоящее время таких земель, можно сказать, не существует, ибо все они обложены равными с амляковыми землями податями — ревизия полагала бы, что означенные земли надлежало бы признать амляковыми».

Выдвинув предложение о полной отмене мильковых привилегий, об отнесении земель мильковых и заселенных и незаселенных, в смысле права владения, к категории земель амляковых и признав излишним предусмотренное туркестанскими проектами вознаграждение милькодаров от казны, ревизия вынуждена была таким путем указать на всю несостоятельность опасения министерств и прежде всего Министерства финан-

сов, считавших, что отмена мильковых привилегий чревата политическими потрясениями.

Ревизия была вынуждена признать, ознакомившись с положением на месте, что мера, принятая Кауфманом в отношении милькового землевладения, отвечала интересам населения и поэтому не вызывала никаких возражений а, наоборот, была встречена с одобрением.

Это не только рассеяло необоснованные страхи, но и позволило в новом проекте поземельного устройства края поставить вопрос о ликвидации милькового землевладения полностью и окончательно, без всякой компенсации мильководарам.

Затем, в отчете ревизии и в объяснительной записке к проекту положения об управлении Туркестанским краем весьма много места отводится вакуфному землевладению. Не считая необходимым приводить эти материалы в подробностях, остановимся только на выводах ревизии.

Нужно сказать, что в данном случае, в предлагаемом решении вопроса Ф. Гирс не проявил последовательности и выдвинул предложения совершенно противоположные тому, как это было сделано в отношении милькового землевладения. Если предложения по мильковому землевладению являлись известным отражением влияния развивающегося капитализма в России, ломавшего феодально-крепостнические препятствия то на предложениях по вакуфному землевладению сказалась, по видимому, тенденция царизма консервировать и охранять пережиточные феодально-крепостнические институты, особенно на территориях национальных окраин, где эта тенденция являлась выражением колониализма царской России.

Определив, что вакуфы Туркестанского края остались ко времени производства ревизии в том же положении, в каком они находились при мусульманском правительстве, и что администрация края «не исследовав этот важный вопрос» не установила никаких «общих начал для его разрешения», ревизия нашла такое положение крайне ненормальным, тем более, что политическое и религиозное значение вопроса требовали особого внимания правительства. На этом же основании выдвигалось положение, что «к вакуфам русская власть не может отнестись также, как к мильковым землям — уже потому, что на вакуфные доходы содержится очень много учреждений, не только религиозных, но и благотворительных».

Стеснение, а тем более запрет вакуфов, по мнению ревизующих, перекладывал бы на русское правительство обязанность призрения мусульманского населения края, что было бы тогда «не по силам русской власти и средствам казны, издерживающей и без того на Туркестанский край громадные суммы».

В таком мнении ревизию «горячо» поддержал архиепископ Туркестанский Александр, заявивший, что уничтожение благотворительных вакуфов и ограничение их прав было бы «не только не государственным, но и не христианским делом. Самая мысль об уничтожении учреждений, посвященных догмам веры, милосердия и благотворительности, противны духу православного учения. Что скажут о нас туземцы края, если мы своими руками, на правах победителей, разрушим то, что есть у них лучшего? Православная церковь не может дать совета своему правительству на подобное дело».[102]

Исходя из такого рода оценки вопроса, ревизующие выдвинули следующие предложения по вакуфным землям:

1. Вакуфы благотворительные освободить от государственных податей и земских повинностей, причем вакуфные земли незаселенные укрепить на правах полной собственности за вакуфовладельцами, заселенные же — за лицами их населяющими, обложив последних сбором в пользу вакуфных учреждений в размерах, не превышающих податей и других сборов, платимых прочим населением края.

Предлагаемая мера рекомендовалась как «предупреждение тех притеснений, которые претерпевало население, живущее на таких землях».

2. Вакуфы, учрежденные для поддержания известных родов (вакуф-авлод) рекомендовалось закрепить на праве собственности за теми родами, коим они были завещаны, но с тем условием, чтобы такие вакуфы полностью уплачивали бы государственные подати и другие налоги и никакими льготами не пользовались, «ибо едва ли во взглядах самого правительства поддерживать и возвышать известные роды, которых в покоренной стране приобретают весьма часто значение во вред правительственной власти».

3. Вакуфы смешанные, доходы с которых поступают на благотворительные учреждения только частью, освободить от государственной подати и земской повинности соразмерно части, предназначенной для благотворительной цели.

4. Для заведывания вакуфами образовать особые вакуфные учреждения в Новом Маргелане, Самарканде и Ташкенте под председательством чиновника, назначаемого генерал-губернатором, и выбранными мутавалиями 4-х местных жителей, утвержденных военным губернатором.

Предложенная мера явилась результатом многочисленных жалоб местным властям на мутавалиев, которые неправильно употребляли и распоряжались вакуфными доходами. «Были даже письменные заявления с просьбой вакуфные доходы взять под контроль правительства».

Выдвигая перечисленные предложения, «ревизия смеет ду-

мать, что при этом способе разрешения вакуфного дела правительство, оставаясь на законной и справедливой почве, избавится разом от неправильных претензий и фальшивых вакуфных документов, наводняющих теперь присутственные места и не мало затрудняющих их разбором этих претензий и документов».

Переходя затем к поземельному устройству кочевников[103], ревизия полагала, что определение прав землевладения кочевников не представит особых затруднений ввиду того, что на этот счет имелся действующий закон — степное положение.

На этом основании рекомендовалось «земли, занимаемые кочевниками (летовки и зимовки) признать землями государственными, предоставленными в общественное пользование кочевников, причем, устроенные ими на зимних стойбищах жилые и хозяйственные постройки должны составлять их частную собственность».

Положение это, по мнению ревизии, вызывается следующими соображениями: землевладение кочевников, определяющее преимущественно скотоводческим их промыслом, всегда основывалось более на праве кочевок и пастьб на известных местах, чем на нуждах хлебопашества и оседлой жизни; пашня для скотоводства не имеет большого значения. Наиболее зажиточные из кочевников и теперь, когда земледелие между ними значительно развилось, всегда менее занимаются хлебопашеством.

До сих пор у них земледелие — промысел по преимуществу бедных, не имеющих достаточных стад.

Кочевое население, переменяя свое мастопребывание в течение года несколько раз, заходя нередко, во время летовок, не только в район расположения других кочевников своего уезда, но и в пределы других областей, не нуждается в закреплении за ними определенных земельных участков, так как это было бы равносильно сокращению пределов кочевок и стеснению скотоводческого промысла, служащего для массы кочевников источником жизни.

Районы расположения их не могут быть строго определены, так как на летовках кочевники перемешиваются, причем обитатели разных областей кочуют поочередно на одних и тех же местах.

Затем при оседании кочевников, т. е. при переходе, в будущем к исключительно оседлому образу жизни, когда на них будут распространяться права, предоставленные жителям селений, пределы их расположения неизбежно должны значительно уменьшится, и таким образом останется масса земли лишней, впустележащей, которой русская администрация в

крае, в качестве представителя государственной власти, может дать более правильное употребление, чем сами кочевники, в том случае, если бы им было предоставлено право собственности на всю землю, ныне занимаемую ими для кочевок.

Таким образом, киргизы которых введение настоящего положения застанет уже осевшими в кишлаках земледельцами, получат на обработанную ими землю право собственности; оставшиеся же в состоянии кочевок продолжают пользоваться летовками и зимовками по обычаю, и получают право собственности на землю только при переходе к оседлой жизни в кишлаках — и только на землю обработанную».

В отчете ревизии выделен раздел «Ирригация», однако, хотя в нем и признается крайне важное ее значение для благосостояния Туркестанского края, но никаких имеющих полезное значение для края предложений не выдвигалось. Не найдя ни в Сыр-Дарьинской, ни в Ферганской областях карты общей ирригационной системы области, Гирс делает заключение о том, что в ирригации, «как и во многих других случаях, учреждения создавались ранее, чем сознавалась в них надобность и прежде, чем были изучены местные потребности».

Взяв на себя миссию как-то оправдать «упраздняющие» действия генерала Черняева, закрывшего в Сыр-Дарьинской и Ферганской областях ирригационные отделения при областных правлениях ввиду того, что они «не достигают своей цели и дорого обходятся правительству», ревизия считала действия генерала Черняева вполне целесообразными.

Ф. Гирс и его сотрудники нашли, что «не представляется никаких опасений закрепить за народом в законодательном порядке право заведывания ирригацией по обычаю», ибо «самый способ заведывания туземной ирригацией отличается своей простотой и практичностью».

Исключение предлагалось сделать только для Зеравшанского округа, где, по мнению ревизирующих, необходимо было оставить русского ирригатора, ибо устройство плотины на реке Зеравшане требовало технических знаний и имело «для нас большое значение в политическом отношении, так как река Зеравшан снабжает водой Бухарское ханство, которое мы можем во всякое время лишить воды и тем держать его в полной от нас зависимости».

На этом и кончились предложения сенатора относительно мероприятий царского правительства по орошению земель Туркестанского края и сохранению построенных народами Средней Азии ирригационных сооружений. Приняв эти рекомендации правительство совершенно устранилось бы от этих работ.

В той части отчета ревизии, которая касается податного вопроса, подвергаются довольно резкому осуждению не только принципы поземельного устройства, выдвигаемые в проекте 1873 года Кауфманом, но и особенно выделяется налоговая система Ферганской области. Упоминается здесь, между прочим, и предполагаемая в Туркестанском крае выкупная операция, причем указывалось, что «предоставление этой операции если бы она была даже необходима исключительно власти генерал-губернатора, как это было предположено в проекте и без предварительного составления для сего определенных правил, являлось... мерой слишком поспешной».

По мнению ревизии, самые коренные начала податного обложения в Ферганской области являлись «вполне несостоятельными», т. к. «вся тяжесть поземельных налогов ложилась на менее имущее население, именно на тех лиц, земля которых признавалась государственной и отданной в их постоянное пользование. Земли же, состоящие на праве полной собственности, т. е. более зажиточных лиц, облагались значительно менее, а именно только в размере 10% обложения земель государственных».

Насколько объективна такого рода оценка податной системы, введенной в Ферганской долине, можно видеть из того, что земли состоящие на праве полной собственности, составляли ничтожную часть области и даже, можно сказать, что практически таких земель не было.

Указывая далее, что принципы организационных работ в Ферганской области не выдерживают самой снисходительной критики и что «в массе из поданных ревизии прошений население области заявляет полную свою готовность платить правительству $^1/_5$ часть доходов с земель, как было при кокандском владычестве чем оставаться при теперешнем поземельном устройстве и платить в казну $^1/_{10}$ часть...»[104].

К сожалению, не сохранилось данных о том, кто именно являлся автором таких заявлений, тогда стало бы сразу ясно, кого именно из числа населения Ферганской области организационные меры не устраивали. Разумеется, недовольны были именно те, кто считал выгодным для себя возвращение к ханским порядкам в Кокандском ханстве. В явном противоречии с этим заключением Ф. Гирса находятся следующие данные из того же отчета ревизии.

«...Благосостояние туземцев нисколько не ниже, а скорее выше, чем русского крестьянина, между тем туземцы платят государственных и земских сборов менее, чем русские сельские обыватели.

Так, например, в Саратовской губернии казенных и земских

сборов причиталось по окладам 1879 года на ревизскую душу — 7 руб. 97 коп., в Самарской — 7 руб. 24 коп.

В Туркестанском крае туземцы платят: оседлые — поземельную подать, кочующие — кибиточный сбор, и сверх того земский сбор. Размер названных сборов, за исключением кибиточного, который одинаков для всего края, значительно разнится не только между областями, округами и отделом, но даже селениями одного и того же уезда.

В среднем выводе причитается со двора и кибитки:

		Сыр-Дарьинская область	Ферганская область	Зеравшанский округ	Аму-Дарьинский отдел
Со двора	Поземель. подати	6 р. 14 к.	10 р. 85 к.	7 р. 03 к,	5 р. 40 к. (государст. оброк)
	Земского сбора	1 р. 25 к.	3 р. 79 к.	1 р. 25 к.	1 р. 35 к.
С кибитки	Кибиточн. сбора	4 р.	4 р.	"	4 р.
	Земского сбора	1 р. 25 к.	1 р.	"	1 р. 25 к.

Полагая по 5-ти человек на двор и кибитку, как это принято при определении числа населения в Туркестанском крае и степных областях, из коих половина мужчин и столько же женщин, выходит, что каждый оседлый туземец платит государственного и земского сборов в Сыр-Дарьинской области 2 руб. 95 коп., в Аму-Дарьинском отделе 2 руб. 70 коп. в Зеравшанском округе 3 руб. 31 коп. и в Ферганской области 5 руб. 85 коп. Кочевники же платят кибиточного и земского сборов с души мужского пола в Сыр-Дарьинской области и Аму-Дарьинского отделе 2 р. 10 коп. и в Ферганской области 2 руб. Таким образом, туземцы платят вдвое, втрое, а кочевники почти вчетверо менее, чем русский крестьянин; исключение составляет оседлое население Ферганской области, которое обложено сборами выше, чем в других частях края, но и здесь туземцы платят значительно менее русского крестьянина: а именно, на 2 руб. 12 коп. менее чем в Саратовской губернии и на 1 р. 39 коп., чем в Самаркандской...»[105]

Кроме ревизии Туркестанского края, Ф. Гирсу и его помощ-

никам было поручено составление основываясь на полученных при ревизии данных, нового проекта положения об управлении Туркестанским краем. Выполняя это поручение, в 1882 году был составлен новый проект с объяснительной к нему запиской.

Раздел этого проекта, представленный сенатором Ф. Гирсом в 1882 году, глава III — Поземельное устройство, пятый по счету. (См. приложение № 7).

Представленные сенатором Ф. Гирсом — отчет о ревизии Туркестанского края и проект положения от управлении краем с объяснительной запиской к нему, были явно тенденциозными. Ф. Гирс в этих материалах стремился поддержать генерала Черняева и по возможности дискредитировать деятельность в Туркестане генерала Кауфмана, однако, такая линия ревизии не была подкреплена основательными и убедительными данными.

Этот наш вывод касается только поземельного устройства Туркестанского края и в мере необходимой податной системы. Из конкретных предложений ревизии заслуживает быть отмеченной рекомендация закрепить земли края за владельцами на праве полной собственности и ликвидировать полностью без компенсации мильковые привилегии.

Осуществление этой меры несомненно положительно сказалось бы на экономике и развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве края.

Совершенно обратные результаты возникли бы в случае осуществления крайне реакционных рекомендаций Ф. Гирса относительно вакуфного землевладения. Они бы сохраняли и укрепляли пережиточные феодальные институты.

Положение о землеустройстве кочевого населения Туркестана не содержало ничего нового. Законы, принятые для степных областей, рекомендовано было распространить и на Среднюю Азию.

Вопросы орошения края, как уже отмечалось, фактически не получили никаких разумных предложений и насущные нужды благосостояния населения оказались, поэтому, вне внимания ревизующих рекомендовавших правительству устраниться от всяких забот об ирригации Средней Азии.

2. Поземельное устройство Туркестанского края в материалах комиссии графа Игнатьева.

После получения в Петербурге материалов ревизии Туркестанского края, произведенной тайным советником Ф. Гирсом в 1882—1883 годах, а также составленного им проекта положения об управлении Туркестанским краем с подробной объяс-

нительной запиской, 21 января 1884 года «последовало высочайшее повеление» об образовании особой комиссии из представителей министерств.

Председателем комиссии был назначен член государственного совета генерал-адъютант граф Игнатьев. Членами в комиссию вошли: товарищ министра государственных имуществ тайный советник Вешняков, начальник азиатского департамента тайный советник Зиновьев, начальник 4-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Абрамов, тайный советник Гирс, тайный советник Галкин-Врасский, член совета Министерства финансов Кобеко, военный губернатор Тургайской области генерал-майор Проценко, генерал из главного штаба генерал-майор Куропаткин, командир 1-й бригады 37-й пехотной дивизии генерал-майор Соболев, свитский генерал-майор Чингиз-хан, директор канцелярии государственного контролера Череванский, из министерства внутренних дел барон Гревениц, Голдинский, помощник попечителя Виленского учебного округа Кун, от министерства путей сообщения Гольмстрем, Язучевский, зав. азиатской частью главного штаба полковник Иванов, член ревизии Дитлов и из военного министерства Щербинский.

Включение в комиссию крупных сановников, привлечение в нее действительно знающих Туркестанский край[106] и участие в совещании вновь назначенного Туркестанского генерал-губернатора Розенбаха, говорит о том, что с деятельностью этой комиссии связаны были ответственные предположения разобраться наконец и решить задачи организации управления Туркестанским краем в законодательном порядке.

Председатель комиссии граф Игнатьев, «желая воспользоваться опытностью и знанием местных условий края бывшего генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Черняева, обратился к нему с просьбой сообщить свое заключение по проекту ревизии об устройстве управления в Туркестанском крае; но отзыва по сему предмету не последовало».[107]

Перед комиссией генерала Игнатьева были поставлены задачи: разработать и определить устройство «наиболее соответственного местным условиям и нуждам населения гражданского управления, которое способствуя развитию его благосостояния, вместе с тем служило бы целям прочного закрепления края за Россией, уменьшения расходов казны на его управление и увеличение доходов».

Исходными материалами для работ и исследований комиссии служили: 1) Отчет о ревизии Туркестанского края в 1882—1883 годах тайного советника Гирса и выработанный ревизией проект положения об управлении краем и 2) представленный туркестанскими властями в 1881 году проект того же положе-

ния, являвшийся итогом соображений и выводом из всех предыдущих проектов местного начальства. В сумме с данными всех предшествующих представлений туркестанской администрации, в распоряжении комиссии, таким образом, оказался обширнейший и весьма содержательный материал, состоящий не только из соображений и предположений, но и из фактических данных, касающихся положения и общей обстановки в Средней Азии. Последние два проекта содержали много между собой общего по ряду разделов и особенно в разделе административной организации, но в то же время, существенно отличались в предпосылках по поземельно-податному устройству края. Комиссия должна была, с помощью привлеченных членов — знатоков края, изучить имеющиеся материалы и разработать затем окончательный проект туркестанского закона..

Вопросам поземельно-податного устройства Туркестанского края с его населением, — заявлялось в материалах комиссии,— кочевым, живущим от своих стад и оседлым — исключительно земледельческим, зиждется на земле и ею обусловливается. Вся торговля и промыслы края стоят в самой близкой и непосредственной связи или со скотоводством, зависимым также от земли, или с земледелием. Население не имеет других источников существования, кроме земли, обработка которой находится в полной зависимости от возможности орошения... «Поэтому правильная постановка и разрешение поземельного вопроса является для Туркестанского края более чем где-либо, делом громадной важности, имеющим жизненное значение для его населения».

Заседания комиссии 3, 24 и 27 апреля и 1 и 3 мая 1884 года были целиком посвящены обсуждению вопроса о поземельном устройстве края.[108]

Понятно, что при обсуждении основное внимание комиссии было сосредоточено на проектированном ревизией Гирса укреплении земель, находящихся во владении оседлого населения Туркестанского края, на праве полной собственности.

Такое предложение ревизии вызвало, как это видно из протокольных записей, возражение большинства членов комиссии.

Председатель комиссии граф Игнатьев, открывая обсуждение, заметил, «что условия землевладения в мусульманском мире, сколько ему известно, почти одинаковы во всех мусульманских местностях. Между тем, в распоряжениях по этому предмету русских властей, действующих в азиатских владениях, нет надлежащего единства, многое зависит от личных взглядов и усмотрений начальства; разрешение в одном направлении нескольких отдельных случаев о праве на землю возводится в систему, нередко несогласную с общеустановив-

шимися воззрениями мусульман на землевладение и невыгодную для правительства. Так, признание за некоторыми из туземцев прав собственности на землю близ Батума привело к тому, что большая часть земель в Батумской области раскупалась разными спекулянтами. Означенный пример указывает, что при определении прав собственности на землю в Средней Азии необходима крайняя осторожность».

Генерал-лейтенат Абрамов высказался в том смысле, что земли амляковые имеют мало общего с земельной собственностью, где владение землей обусловливается обработкой ее— это существенная разница... «утверждение права полной собственности за туземцами вызовет необходимость отвода земли каждому владельцу подворно и обязательства законного сохранения этой собственности, а также поведет к свободной продаже земли. Составители проекта 1881 года, в видах пресечения перехода массы земель в руки кулаков, полагали обусловить такой переход выкупом посредством капитализации лежащих на ней податей».

Тайный советник Гирс защищал свой проект. ... «Такое разрешение вопроса о поземельном устройстве в Туркестанском крае, — по мнению Гирса, — соответствует местным условиям и потребностям и вызывается осторожностью. Ревизия не считала возможным принять предлагаемое проектом 1881 г. применение к землевладению Туркестанского края общих начал, установленных для сельских обывателей империи, ввиду несоответствия их народному сознанию, веками сложившемуся быту населения и экономическим условиям. Неправильно постановленный и разрешенный земельный вопрос может иметь самые печальные последствия; он может поколебать в недавно покоренном народе доверие к правительству. Так смотрели на значение поземельной реформы, при обсуждении проекта Кауфмана 1873 года, министры финансов и иностранных дел, государственный контролер и особая комиссия, учрежденная при министре финансов, признавшие основные начала поземельного устройства опасными в политическом отношении». Проект 1881 года предлагает поземельное устройство именно на началах проекта 1873 года. Земли, находящиеся в действительном владении оседлых туземцев, предполагается отвести им в надел на праве постоянного пользования. Отвод земель и наделов селениям, по примеру губерний Европейской России... Гирс находит не соответствующим местным особенностям края.

При крестьянской реформе земля отчуждалась от помещиков в пользу крестьянского населения; здесь она и без того уже находится в фактическом владении жителей. Установленный проектом 1881 года выкуп земли населением в Туркестанском

крае, по мнению ревизии, является мерой не только несправедливой, но даже опасной в политическом отношении». Выкуп земли в среднеазиатских наших владениях не может быть сравниваем с выкупом внутри империи; там он составил вознаграждение землевладельцев за отошедшую от них землю; здесь же пришлось бы выкупать землю и без того находящуюся в его владении».

Затем... Гирс объяснил, что не разделяет высказанного Абрамовым взгляда составителей проекта 1881 года о необходимости затруднить свободную продажу земель; напротив, он полагает, «что в видах заселения края русскими и скорейшего таким образом слияния его с остальной Россией, следовало бы не затруднить, а скорее облегчить продажу земель. При ирригационной системе народ дорожит землей, как это видно в Туркестане, а потому не только не забрасывает землю, но даже не легко отчуждает ее в посторонние руки».

Ген.-майор Куропаткин (гл. штаб) возразил, говоря, что «предоставить туземцам полную свободу продажи земли, значит рисковать образовать в крае крупных землевладельцев — аферистов, от которых потом придется покупать землю по высокой цене и иногда встречать даже непреодолимые препятствия видам правительства... «он обратил внимание на существенную разницу, проектируемую ревизией в определении прав на землю оседлого населения и кочевников». Укрепляя на праве собственности землю за оседлым населением, присоединение которого к империи стоило нам больших жертв, ревизия не распространяет этой меры на кочевников, подчинившихся нашей власти добровольно».

... Тайный советник Вешняков находил, что предполагаемое проектом 1881 года разрешение поземельного вопроса, по которому земли предоставляются оседлому населению Туркестанского края на праве постоянного пользования с платежом оброчной подати, подходит к местным понятиям о землевладении, во многом сходным с нашими порядками в прежнее время. До XVII столетия в России, князь признавался собственником госуд. земли, которая находилась в пользовании населения. Эта, так называемая, черная земля переходила от одних лиц к другим, но при условии исполнения новым владельцем тех повинностей, какими обусловливалось пользование землей прежними владельцами; означенные земли, с течением времени, постепенно перешли к государственным крестьянам, которым они и отданы на основаниях, установленных указом 29 ноября 1866 года.

Гирс разницу между русским и туземным землевладением находил в том, что «здесь нет сельской общины в том смысле,

как у нас. Обращение мертвой земли в собственность с разрешения улема обусловливалось ее обработкой; право распоряжения и отчуждения земли принадлежит ее владельцу, без согласия общества».

Гирс поддержал свое предложение... «объявление земель, на которых сидит оседлое население, государственными, может быть растолковано народу неблагонадежными лицами в смысле конфискации, и, по мнению Гирса, представляется мерой неоправданной и даже опасной в политическом отношении. Барон Гревениц возразил, что право пользования и распоряжения не составляет еще права полной собственности; при этом, «по мнению таких авторитетных цивилистов, как, например, Мейер и Победоносцев, необходимо еще право господства, чего не предоставлено туземцам Туркестанского края».

При голосовании, против закрепления полного права собственности на землю, голосовало большинство — 16 человек — членов комиссии.

Затем был обсужден вопрос (заявление 9 членов комиссии) о принятии немедленных мер по возобновлению организационных работ в Кураминском уезде, закрытых генерал-лейтенантом Черняевым, согласно рекомендации ревизии о нецелесообразности их продолжения.[109]

Гирс отстаивал свое предложение.

Ген. Абрамов главной ошибкой в организационных работах Ферганской области считал поспешность (вначале танапкеши, а затем только инструмент. съемка). Он был против податного устройства по частям, по мере окончания организационных работ, но краевая власть с ним не согласилась.

Последствия: в Чустском и Наманганском уездах, менее плодородных, чем Маргеланский и Кокандский уезды, земли обложены выше, а вторые недооброчены. Он отрицает наличие общего недовольства населения от организационных работ, якобы установленного ревизией. Это, по его мнению, объясняется подстрекательством бывших сборщиков податей, лишивших с установлением оброчной подати источников дохода и непривычкой населения к внутренней между собой раскладке оброка.

Куропаткин объяснял ошибки организационных работ неопытностью исполнителей, а никак не основными началами, принятыми для работ такого рода. Он высказался за возобновление организационных работ в Кураминском уезде (есть сведения, что отдельные селения выплачивают не $^1/_{10}$, а $^1/_{100}$ валовой доходности). Переоброчку в Фергане произвести только после окончания работ в Кураме.

Предложение 9-ти принято единогласно. (18).

При последующем обсуждении к вопросу о форме закрепления земель комиссия возвращалась неоднократно. Высказанные тогда суждения, часто со ссылками на работы известных ориенталистов, можно подытожить следующим образом.

Большинство членов комиссии, не отвергая того, что земли амляковые, составляющие главную форму землевладения в Туркестане, имели много общего с поземельной собственностью, указывало на ту существенную разницу, что владение землею по шариату обусловливается ее обработкою. Необработанная в течение трех лет земля отбирается от ее владельца. Это последнее условие лишает существующее в крае землевладение главного основного принципа, на котором зиждется истинное право собственности, именно право вечного владения и свободного распоряжения землей, независимо от того обрабатывается она или нет.

Отобрание земли государством от ее владельца, в случае необработки в течение трех лет, по мнению меньшинства членов комиссии, едва ли следует считать отличительным признаком, присущем только пользованием землей, а не владению на праве собственности, так как при мусульманских правительствах, собирающих подать с земли по урожаю, отобрание земли может быть рассматриваемо, как мера взыскания за неплатеж полагающейся поземельной подати, не исключая и земель собственников. Эта особенность мусульманского права вполне естественна, ибо по шариату владельцем земли является тот, кто ее обрабатывает; раз обработка ее оставлена, следовательно, лицо, владевшее землей, отказывается от своих прав. При интенсивном хозяйстве, существующем в Туркестанском крае, благодаря ирригационной системе, народ дорожит землей и не было известно ни одного факта забрасывания земли ее владельцами в наше время.

Противники укрепления права собственности на землю за населением приводили тот аргумент, что земли по шариату принадлежат государю, а не населению и что, следовательно, все земли должны быть признаны государственными.

В подкрепление своего мнения они ссылались на авторитеты Перрона и Вормса. Из сочинений Перрона: legislation musulmane проводилось следующее мнение: «Я, с своей стороны, замечу, что между мусульманами не существует права поземельной собственности в том смысле, как мы его понимаем. Собственность, по мусульманскому праву, есть ничто иное, как пользование» (la proprieta pour la loi musulmanc n'est gu une possession)

Вормс говорит (Recherehes sur la constitution de la Porop riete dans les paus mnsulmans стр. 122 и 123): «на сем основа-

нии в странах этих (во всех мусульманских, кроме Аравии) может существовать одно право пользования, а не собственности над землями».

Меньшинство членов комиссии не разделяло мнения, что будто бы мусульманское законодательство совершенно исключает начало собственности на земли.

Специалист мусульманского права Торнау держится того же взгляда. В сочинении своем «Изложение начал мусульманского законоведения» (стр. 449) он говорит, «что земли в мусульманских краях бывают двух родов: во-первых, ободон или омере, т. е. засеянные и обработанные, и хероб или мевот, т. е. мертвые, пустопорожние, необработанные. Распоряжение землями засеянными и обработанными принадлежит единственно одному хозяину их; земли же мевот, которые оставлены без употребления и не обработаны составляют принадлежность имама (владыки страны), и всякий, кто пожелает обработать землю такую, должен получить на это разрешение имама и затем уже оживленная земля поступает в собственность обработавшего ее».

Начальник Азиатского департамента, тайный советник Зиновьев, основываясь на личных наблюдениях своих, во время продолжительного пребывания в различных странах Востока, и на изучении сочинений известных авторитетов мусульманского права, высказывался, что земля, как и всякое другое имущество, может составлять частную собственность и в мусульманских странах. В Турции и Персии частная поземельная собственность существует, не говоря уже об Египте, где со времен Мухаммеда Али земля укреплена за земледельцами. По мнению его, реформа эта, имевшая целью поднять благосостояние страны, достигла своей цели; она действительно содействовала процветанию Египта.

С первых дней завоевания оседлых местностей Туркестана, администрация неоднократно покупала для правительственных надобностей землю у местного населения. До 1871 года жители свободно продавали принадлежащую им землю как русским, по документам, совершенным русскими властями, так и между собой по актам, выдаваемым казиями. В 1871 г. генерал Кауфман, циркуляром от 16 апреля за № 1531 запретил совершение в областном правлении крепостных актов на земли, продаваемые местными жителями, а также совершение подобных актов между ними у казиев.

Генерал Черняев, считая, что это распоряжение стесняет землевладельцев, отменил запрещение, предписав в конце 1882 г. местным властям «не препятствовать впредь туземцам совершать переход земель между собою по актам, засвидетель-

ствованным установленным порядком, у казиев; переход же поземельной собственности между туземцами и русскими должен был совершаться общеустановленным, для крепостных актов, порядком».

Против приведенных возражений по поводу предлагаемого укрепления земли за населением на праве полной собственности, было высказано еще следующее:

1) Предоставление населению права собственности на землю лишит правительство возможности получить, как это предлагается проектом 1881 года, выкуп за землю.

2) В случае признания за населением края полной собственности на владеемую им землю, придется отказаться от оброчной подати, заменив ее поземельною, размер которой, конечно, должен быть менее оброчной.

В связи с тем, что выкуп земли в Туркестане ее мог быть сравниваем с выкупом внутри империи, т. к. здесь населению пришлось бы выкупать землю и без того находящуюся в его владении, при обсуждении вопроса о податях и сборах, предложение о выкупе комиссией было отклонено.

Таким образом, большинство членов комиссии постановило признать земли Туркестанского края, за исключением земель, состоящих на праве полной собственности, государственными.

На праве полной собственности, по мнению того же большинства членов комиссии, следовало считать только земли, приобретенные по купчим крепостям и другим актам укрепления, выданным русскими властями и установлениями, и усадебные участки, принадлежащие городским обывателям, в черте города.

Комиссия полагала, что «предлагаемое разрешение поземельного вопроса, сохраняя за оседлыми туземцами фактическое владение землею, с признаками, весьма близко подходящими к понятию о собственности, но без признания за ними права полной собственности, представлялось более осторожным еще и в том отношении, что в случае если бы взгляд на земли Туркестанского края, признающий их государственными, находящимися только во владении населения, оказался ошибочным, то ошибку легко исправить, закрепив землю за населением; наоборот, если в настоящее время закрепить за населением право полной собственности на земли и затем постановление оказалось бы ошибочным, к исправлению ошибки не представляется уже возможности».

По мусульманскому законодательству земельные участки, в случае смерти хозяев и не оставления ими наследников, поступают в распоряжение правительства, которое отдает означенные земли новым лицам, обязывая их платежом хераджной и танапной податей.

Комиссия, принимая во внимание, что оброчная государственная подать не может быть наложена на каждого землевладельца отдельно, как об этом будет сказано в отделе о податях, и должна быть по необходимости определена общей суммой на целое сельское общество, которое само распределяет раскладку между землевладельцами, и что таким образом ответственность за исправное внесение подати лежит на обществе, признало целесообразным вымороченные земельные участки предоставить в распоряжение сельского общества; Предлагаемая мера имеет за собою ту еще выгоду, что устраняла лишний повод к вмешательству русской власти в поземельные дела местного населения.

Точно также с целью избежать, по возможности, вмешательства русской власти в поземельные отношения местных жителей между собою, установившиеся по обычаю, комиссия признала полезным «предоставить народному суду или сельским обществам разбор и решение поземельных исков туземного населения, не основанных на актах, выданных русскими властями и установлениями; что же касается последних, то подобные иски должны были подлежать разрешению русских судебных учреждений. Кроме того, следует принять во внимание, что самое совершение или засвидетельствование актов у русских властей служит доказательством желания сторон оградить свои права силою общих законов».

Постройки и насаждения, возведенные и выращенные на землях, находящихся в наследственном владении, пользовании и распоряжении, согласно понятиям местного населения и мусульманскому законодательству, должны составлять полную собственность их владельцев.

Кроме земель, обложенных хераджным и танапным сборами, так называемых амляковых земель, в Туркестанском крае были земли мильковые, освобожденные вполне или частью от казенных налогов.

Комиссия, признав правильным мнение ревизии, мильковые привилегии считать недействительными, «не могла, однако же, не обратить внимание, что в Туркестанском крае есть незначительное число владельцев незаселенных земель мильк хурухалис, т. е. обеленных, свободных от поземельных податей. Считая неосторожным упоминать о них в положении, Комиссия полагает, однако же, в видах справедливости, предоставить генерал-губернатору право входить с представлениями об установлении таковым землям льгот, если права их владельцев будут подтверждены точными исследованиями по документам, с соблюдением при этом надлежащей осмотрительности, что бы не подать повод к требованию таких же льгот со стороны мильковладельцев вообще».

В Туркестанском крае, как и вообще в Средней Азии, вакуфы являются одной из очень распространенных форм земельного владения. При рассмотрении и обсуждении предложений об устройстве вакуфов в Туркестанском крае, комиссия, «имея в виду, что дело это, кроме исключительного, важного значения его в политическом и религиозном отношениях на месте, находится в связи с общим вопросом о вакуфах в остальных частях империи, считала необходимым, в видах осторожности, не касаться, по возможности, частных вопросов, затрагивающих интересы всего мусульманского населения империи».

Предлагаемое ревизиею освобождение благотворительных вакуфов (вакуф-оом) от платежа податей вызвало разногласие в среде комиссии. Некоторые из членов комиссии, не разделяя взгляда ревизии, предлагали обложить их, наравне с прочими землями, оброчной податью.

Столь противоположные мнения по существу вопроса, подали повод к оживленным прениям. Член комиссии генерал Куропаткин, соглашаясь, что незаселенные вакуфы должны подлежать оброчной подати, находил, что вообще следует избегать категорического определения об изъятии вакуфов от платежа податей, дабы не стеснить правительство принять в будущем те или другие меры. Так, например «если незаселенные вакуфные земли будут укреплены за учреждением на праве полной собственности, впоследствии, когда они заселются, проживающее на них население будет должниками вакуфов, что крайне нежелательно, как в видах ограждения интересов населения, так и в видах усиления средств мусульманского духовенства».

После обмена мнениями по этому вопросу большинство членов комиссии, признавая обложение незаселенных вакуфных земель оброчной податью, наравне с амляковыми землями, неудобным, освобождение же их от платежей казенных и земских повинностей, как это существует до сего времени в Туркестанском крае, несправедливым, и принимая во внимание, что и в мусульманских странах земельные вакуфы, если они не освобождены совершенно от всяких податей и повинностей, о чем упоминается в вакф-наме, уплачивают хараджный и танапный сборы в размерах, определенных вакуфными документами, решило незаселенные вакуфные земли оставить за вакуфными учреждениями, согласно признанным русской властью вакуфным документам (вакф-наме), и обложить их государственною оброчной податью в размерах, определенных названными документами.

Что же касается заселенных вакуфных земель, комиссия

признала необходимым оставить их за поселенными на них лицами на праве наследственного владения, пользования и распоряжения, «как это установлено вообще настоящим положением для земель, принадлежащих оседлым туземцам». Эти земли, по проекту комиссии, облагаются денежным сбором, равным по размеру государственной оброчной подати; сбор этот взимается с населения порядком, установленным для оброчной подати, и поступает в распоряжение вакуфного учреждения полностью, в случае, если учреждению, в силу вакуфного документа (вакф-наме) были предоставлены полностью хераджный и танапный сборы; в противном случае в пользу вакуфного учреждения поступает только доля, соответствующая вакуфному документу, остальная часть сбора идет в доход казны.

Эти рекомендации, по мнению комиссии, представлялись наиболее осторожным способом разрешения настоящего вопроса и соответствующим местным условиям. «Земли, занимаемые и обрабатываемые населением, оставляются за ним на праве наследственного владения, пользования и распоряжения; оно избавляется от притеснения арендаторов; вакуфные учреждения будут пользоваться всеми теми доходами, на которые они имеют право по вакуфным документам и, наконец, казна будет получать следуемую ей законную долю сбора».

В Туркестанском крае имелся особый вид вакуфного владения — вакуф-авлод. Эти, так называемые, частные земельные вакуфы, комиссия полагала бы, согласно заключению ревизии, «оставить за владельцами до пресечения потомства лиц, пользующихся такими вакуфами, обложив их, в видах ограждения интересов казны, оброчной податью».

Учреждение новых вакуфов, по соображениям, приведенным ревизиею, комиссия постановила допустить и на будущее время. Учреждение таковых вакуфов дозволяется с разрешения генерал-губернатора, без освобождения их от государственных податей и повинностей.

Постоянные жалобы населения на мутавалиев (заведывающих вакуфами), неправильно распоряжавшихся вакуфными доходами, привели ревизию к заключению, что для заведывания вакуфными имуществами следовало бы установить особые учреждения, подобно тому, как это сделано в Крыму, где заведывание вакуфами сосредоточено в Таврическом магометанском духовном правлении. А так как определение вакуфных доходов находится в неразрывной связи с утверждением прав на них, на основании вакуфных документов, разбор которых временным положением 1867 года был возложен на областные правления, и так как последние не в состоянии были исполнить означенной обязанности, то ревизия полагала на рекомен-

дуемые ею учреждения возложить разбор и утверждение вакуфных документов.

Для заведывания вакуфами, разбора и утверждения вакуфных документов, ревизия проектировала к учреждению особые вакуфные управления в Ташкенте, Новом Маргелане и Самарканде.

Предлагаемое ревизиею учреждение вакуфных управлений вызвало разногласие в среде комиссии.

По мнению большинства членов комиссии, в учреждении новых специальных управлений собственно для заведывания имуществами мусульманского духовенства не представляется надобности, в особенности при проектируемой организации их. «Управления эти, хотя и находящиеся под председательством правительственного лица, но состоящие почти исключительно из мусульман, непосредственно заинтересованных в вакуфных имуществах, едва ли в состоянии сохранить должное беспристрастие при разборе вакуфных документов».

Руководствуясь этим, большинство членов комиссии постановило, не учреждая особых управлений для заведывания вакуфами, возложить на областные правления рассмотрение и утверждение вакуфных документов, наблюдение за правильностью употребления вакуфных доходов и право ревизии. По делам этого рода областным правлениям предоставляется право приглашать, в случае надобности в качестве экспертов, казиев, мутавалиев и других лиц, хорошо знакомых с вакуфным вопросом.

При этом комиссия, принимая во внимание, что в руках распорядителей вакуфов находится немало документов, потерявших силу еще во времена ханского управления, пришла к заключению, что для устранения неправильных претензий, основывающих свои права на документах сомнительного достоинства, необходимо назначить срок для представления вакуфных документов; срок этот, по мнению комиссии, вполне достаточно ограничить двумя годами со дня введения в действие настоящего положения.

Что касается землевладения у кочевников, преимущественно занимающихся скотоводством, то оно, как считала комиссия, «основывается более на праве кочевок и пастьбы скота на известных местах, чем на нуждах хлебопашества и оседлой жизни. Определение прав землевладения у кочевников не представляет особых затруднений. Принимая во внимание, что кочевники Туркестанского края не отличаются от кочевников степных областей, в которых поземельное устройство кочевого населения на основании положения 21 октября 1868 г., как показал пятнадцатилетний опыт, разрешено успешно и в которых кочевникам предоставлено право пользования землею, комис-

сия пришла к заключению о необходимости применения означенных правил и к кочевникам Туркестана, признав земли, занимаемые кочевьями их (летовки и зимние стойбища) государственными, предоставленными в общественное пользование кочевников, по обычаю».

Для предоставления возможности кочевникам, желающим заняться земледелием, «общества, по взаимному между собою соглашению, отводят особые участки для хлебопашества и сенокошения. Распределение земли между хлебопашцами, в видах ограждения их от вмешательства со стороны общества, предоставляется взаимному соглашению земледельцев между собою по обычаю».

Точно также, для ограждения кочевников, желающих обзавестись оседлостью, от притеснений со стороны общества, по мнению комиссии, необходимо предоставить каждому кочевнику, на отведенном в пользование его участке для зимового стойбища или хлебопашества, заводить жилые и хозяйственные постройки, которые составляют полную его собственность.

Орошение земли в Туркестанском крае — говорится в материалах — составляет дело первостепенной важности; есть местности, где недостаток «орошения для земли следует считать народным бедствием. Едва ли можно рассчитывать, чтобы правительство решилось дать достаточные средства для расширения орошения в названном крае, когда наши приволжские степи, находящиеся в центре России, столь долгое время ожидают еще ирригации, между тем увеличение орошенной земли в крае представляется безотлагательно необходимым».

Поэтому комиссия, согласно мнению ревизии, проектировала государственные земли, впустележащие, отводить частным лицам, с разрешения генерал-губернатора, в срочное и бессрочное пользование, для оживления новыми самостоятельными арыками, с освобождением их от платежа государственных податей в течение от 3 до 10 лет, сообразно значительности сооружений. По истечении льготного срока, вновь оживленные земли подчиняются платежу податей и сборов, на общем основании.

Что касается управления делом ирригации, то комиссия, согласно мнению ревизии, постановила: воды в главных арыках, ручьях, реках и озерах предоставить населению в пользование по обычаю; заведывание же главными арыками возложить на арык-аксакалов, назначенных военными губернаторами, а заведывание побочными арыками поручить мирабам по выбору населения.

«При этом, принимая во внимание, что сооружение новых арыков и проведение воды на неорошаемые земли находится в непосредственной зависимости от количества свободной для

того воды, комиссия признала необходимым предоставить генерал-губернатору издать инструкцию, коею были бы определены права и обязанности уездных начальников по надзору за ирригациею, а также арык-аксакалов и мирабов и порядок пользования водою.

С целью ускорения порядка отчуждения земель под оросительные каналы, комиссия проектировала правила, по которому земли, состоящие на праве наследственного владения, пользования и распоряжения, могут быть отчуждаемы для проведения арыков властью генерал-губернатора. Такое же правило проектировано относительно отчуждения помянутых земель для проложения дорог (кроме железных), для возведения казенных и общественных зданий и на военные надобности».

В итоге исследования обширных материалов, имевшихся в распоряжении комиссии, и почти двадцатилетнего опыта управления краем, комиссия выработала новый, шестой проект положения об управлении Туркестанским краем. «Комиссия смеет думать, — говорится в объяснительной записке к проекту, — что выработанный ею проект положения об управлении Туркестанским краем, если он удостоится утверждения в законодательном порядке, будет соответствовать обстоятельствам времени и послужит к закреплению за Россией завоеванной ею азиатской окраины».

Статьи раздела III-го «Поземельное устройство»[110] см. в приложении № 8.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что в комиссии генерал-адъютанта графа Игнатьева преобладающей точкой зрения при определении системы поземельного устройства в Туркестанском крае, оказались взгляды русских помещиков-крепостников, что, собственно, и соответствует классовому составу членов комиссии.

Этим объясняется то единодушие, с которым были отвергнуты рекомендации ревизии о закреплении земель за владельцами на праве полной собственности.

По этой же причине предложение членов комиссии-туркестанцев о возобновлении организационных работ в Кураминском уезде с тем же единодушием было поддержано всеми членами комиссии.

Принципы, выдвинутые и последовательно отстаиваемые генералом Кауфманом и его сподвижниками оказались ближе по своему духу дворянской знати, собранной в комиссии помещика графа Игнатьева, чем предложения Ф. Гирса.

3. Замечания министерств и туркестанской администрации на проект положения об управлении Туркестанским краем, составленный комиссией графа Игнатьева.

По окончании работ комиссии графа Игнатьева, представленный им военному министру проект положения об управлении Туркестанским краем, с объяснительной к нему запиской, был направлен в конце сентября 1884 года всем министерствам на заключение. С этой же целью проект был направлен также и туркестанскому генерал-губернатору, в Ташкент.

В ответе министра внутренних дел графа Д. Толстого[111] высказывается сомнение в правомерности признания земель Туркестанского края землями государственными .Такое признание, по мнению Д. Толстого, может быть понимаемо в двояком значении. В том, во-первых, что эти земли входят в состав территории России, но такое признание является «излишним, в виду давно уже упрочившегося господства нашего в в Туркестане», и, во-вторых, в том, что земли эти составляют государственное имущество, являются собственностью казны.

Между тем, по русскому законодательству право казны по отношению собственно к государственным землям подверглось большим ограничениям и изменениям. С введением в действие положения 1866 года о бывших государственных крестьянах, казенной собственностью признавались только земли, находящиеся в непосредственном владении и распоряжении казны.

Поскольку отведенные в постоянное пользование населения земли по закону не могли признаваться государственными, следовательно и рекомендации комиссии отнести к этой категории земли Туркестанского края не соответствовали закону. Министр внутренних дел считал, что поземельные отношения в Туркестанском крае «исследованы вообще даже с научной точки зрения весьма недостаточно», в подтверждение делается ссылка на то, что по истечении почти двадцатилетнего срока все же «неприведено в известность даже количество земель по отдельным видам владения».

Считая, что гражданское законодательство мусульман, в том числе и формы поземельных отношений, находилось в тесной неразрывной связи с их религиозным законодательством, делается вывод о том, что к землевладению в Средней Азии не могли быть применены определения русского законодательства и «что изменение, по распоряжению правительства, существующих у туземцев поземельных отношений, помимо всяких других соображений о нежелательности аграрных переворотов, не может быть допущено по принципу веротерпимости».

Исходя из такого вывода, Д. Толстой считает, что законодательные определения по поземельному устройству в Туркестане должны быть ограничены признанием существующих «поземельных отношений и ограждением полной неприкосновенности прав населения на землю в том виде, в каком права эти установлены законодательством и обычаем туземцев».

Находя, далее, что в поземельных отношениях в Средней Азии, с давних времен существовало частное землевладение на правах если не совсем тождественных праву полной собственности, то весьма близко к нему подходящих, примером чему могли служить земли мильк-хуру-халис, вакуфные и амляковые, поскольку последними население не только пользовалось, но владело и свободно распоряжалось, в рассматриваемом ответе считалось, что земли в Туркестане «подлежат укреплению за населением в потомственное владение, с свойственными каждому отдельному виду землевладения правами и обязательствами».

Что же касается земель собственно государственных, то таковыми, по мнению графа Д. Толстого, в Туркестанском крае должны быть только «земли не обработанные, впусте лежащие, которые и по туземным юридическим воззрениям принадлежат государству».

Более пространный, с интересными ссылками, ответ был прислан военному министру министром иностранных дел Н. Гирсом и начальником Азиатского департамента И. Зиновьевым.[112]

Замечания министерства иностранных дел касались только вопроса поземельного устройства Туркестанского края, в связи с тем, что от правильного разрешения именно этого вопроса, как говорилось в замечаниях, зависит «не только экономическая будущность края, но и направление, которое примут в будущем отношения населения к русскому правительству».

Н. Гирс и И. Зиновьев совершенно были не согласны и решительно возражали против мнения большинства членов комиссии графа Игнатьева по важнейшему вопросу поземельного устройства Средней Азии — о форме права на землю местного населения.

Отказ закрепить земли в Туркестане за населением на праве собственности, по мнению дипломатического ведомства, являлся необоснованным и ошибочным.

Аргументы противников укрепления права собственности на землю в Туркестане об обусловленности владения землей обязательной ее обработкой и шариатское установление о принадлежности земель мусульманского Востока имаму — государю, определялись в замечаниях не состоятельными и

имевшими своим истоком взгляд на землевладение, выработанный в Туркестане и выраженный в проектах 1873 и 1881 гг.

В ответе решительно отводится тезис о том, что условия землевладения в мусульманском мире почти одинаковы во всех мусульманских местностях.

Крайнее разнообразие элементов, из которых сложился мусульманский мир, его обширные размеры и самая быстрота его развития «исключали возможность однообразного разрешения, на всем пространстве мусульманских владений, вопроса столь существенно важного, как поземельный».

Первоначальными причинами различия форм землевладения в странах империи халифов являлись формы землевладения, установленные в странах завоеванных в результате священных войн. Эти формы, как известно, были разными и зависели от условий, определявших отношение завоевателей к покоренным, которые также были далеко не одинаковыми. Впоследствии, когда империя халифов начала распадаться на отдельные государства и владения, разнообразие форм должно было еще более увеличиться.

Образовавшиеся в результате распада халифата владения, особенно в Средней Азии, пережили крупнейшие исторические потрясения. При этом положении разнообразные местные условия, влиявшие, между прочим, и на формы землевладения, должны были еще более увеличить свое влияние на внутреннее устройство мусульманских стран. В ответе указывалось, что эти местные условия «не в силах были уничтожить даже первоначальное мусульманское общество, несмотря на свою нетерпимость и абсолютизм».

Затем, в замечаниях доказывалось, что в мусульманских странах земля, как и всякое другое имущество, вполне может являться предметом частного владения. Оспаривая противное мнение, указывалось, что «шариат вовсе не разрешает вопроса о формах землевладения и ни в одном из мусульманских кодексов не заключается законоположений, которые опровергали бы права частных лиц на землю и обращали бы землевладение в исключительную привилегию государя или, правильнее сказать, имама (законного главы) мусульманского общества».

Все земли Туркестанского края, за очень небольшим исключением, состояли в подворном владении и могли быть передаваемы во всякое время путем продажи, дара, наследования и других законных способов отчуждения без всякого вмешательства правительства и общества. Даже комиссия, замечается в ответе, не могла возражать против того, что земли амляковые, составляющие главную форму землевладения в Средней Азии, имели много общего с поземельной собственностью.

В подтверждение высказанного мнения о разнообразии форм землепользования в мусульманских странах, с чем, по правде говоря, трудно не согласиться, а также в доказательство того, что частная собственность на землю существовала на мусульманском Востоке, приводятся следующие примеры.

«В Оттоманской империи, которая из всех мусульманских государств испытала всего менее переворотов, где султан сосредотачивает в своем лице и духовную власть халифа, и где большинство покоренного населения сохранило свою веру, условия землевладения всего более сохранили первобытную форму, вытекавшую из отношений победителей-мусульман к покоренным иноверцам. Земля, как военная добыча, обратилась в собственность мусульманского общества, а за населением сохранилось лишь пользование. Установившаяся в Турции господствующая форма землевладения не исключала, правда, перехода поземельной собственности путем наследства, но самое право пользования обставлено было известными ограничениями. (К ограничениям этим принадлежит: запрещение разводить виноградники, сажать фруктовые деревья, обращать луга в пашни, возводить новые постройки и т. д. На это требовалось разрешение подлежащей власти, а в некоторых случаях даже султанский фирман). А переход собственности путем продажи обусловливался согласием подлежащей власти. Даже самый термин «продажа» заменен в турецком кодексе термином «феранг», который лучше всего перевести словом «прекращение» (т. е. пользования).

Совершенно иначе сложилось и развивалось землевладение в соседней с Турцией Персии. В стране этой правительство не имело никаких прав на землю, находящуюся во владении населения, и ограничивалось взиманием налогов в размерах, определенных на основании исчисления, произведенного при Фетх-Али-шахе. С уплатой налогов население пользовалось полною свободой распоряжаться поземельною собственностью, переход коей путем наследства, купли, дара и т. д. совершался без всякого участия правительства, на основании одних шариатских актов, исключительно входящих в круг действия духовенства.

Мусульманскому миру не чуждо было, между прочим, и понятие, что в укреплении земли за земледельцами заключается залог благосостояния. Примером этому служить могут реформы, коим земледелие подвергалось со времени Мухаммеда Али Паши в Египте. Вслед за уничтожением мамелюков, захвативших все плодородные земли по Нилу, Мухаммед Али Паша разделил значительную часть этих земель между сельскими обывателями, и с этой реформы началось быстрое развитие

естественных богатств Египта. Новый шаг к расширению прав феллахов был сделан предпоследним египетским вице-королем Исмаил пашею, а с введением судебной реформы в Египте поземельное устройство все более и более отдаляется от первобытного понятия, в силу коего единственным землевладельцем является государство, и приближается к формам землевладения, установившимся в Европе».

Основываясь на материалах ревизии и данных, полученных от членов комиссии — туркестанцев, Н. Гирс и И. Зиновьев делают вывод, что условия владения амляковыми землями в Туркестанском крае не имеют ничего общего с той формой землевладения, которая сложилась в Турции, где единственным собственником земли является государство, которое свой контроль распространяет даже на эксплуатацию земли. Они находят форму землевладения в Туркестане сходной с той формой, которая имелась в Иране, «где население владеет землей на праве полной собственности».

Считая условность владения землей, на которую ссылается комиссия Игнатьева, лишь только, как «одну из тех особенностей, коими отличается мусульманское законодательство, стремящееся подчинить по возможности определенным формам все условия не только общественного, но и частного быта мусульман», в подтверждение своих доводов министерство иностранных дел привлекает факт наличия многочисленных частных вакуфов в Туркестанском крае, которые возможны лишь при условии частного землевладения, т. к. владения, основанные только на праве пользования, не могли быть завещаны в вакуф.

Заключая ответ, Н. Гирс и И. Зиновьев считают, что способ разрешения поземельного вопроса в Туркестане, рекомендованный ревизией Ф. Гирса, заключающийся в укреплении земель за местным населением на праве полной собственности, является единственно правильным и приемлемым.

Предложение же комиссии, заключающееся в содержании ст.ст. 255, 256 и 257 проекта, признающее земли государственными, «было бы мерой произвольной, вовсе не обусловленной духом мусульманского законодательства и при том несогласной с видами и пользами правительства».

Называя главной государственной целью установление «возможно прочных не только материальных, но и нравственных связей между Россией и ее отдаленными мусульманскими окраинами», министерство иностранных дел считало, что предлагаемая им форма укрепления земли, как нельзя лучше способствовала этой цели. «Земледелец по преимуществу заинтересован в сохранении порядка вещей, обеспечивающего за

ним возможность беспрепятственно эксплоатировать свою собственность, так как всякое нарушение такого порядка прежде всего отзывается на его интересах. Принцип этот вполне применим к Азии, и из имеющихся в министерстве иностранных дел сведений явствует, что даже в самой Бухаре главная масса приверженцев наших принадлежит к земледельческому классу, который в неустойчивости местного режима видит постоянную угрозу своему благосостоянию и потому втайне желает установления русского владычества в ханстве».

Что касается того, что с укреплением земли на праве полной собственности, правительству придется облагать землю не оброчной податью, а поземельной, размер которой должен быть менее оброчной, то министерство находит выход из положения в том, что шариат «не заключает в себе постановлений относительно размеров податей, взимаемых с земли, как это полагали бы некоторые из членов комиссии». Следовательно, сущность дела не заключается в названии подати, «а в ее размере, и что в крае в течение веков подвергавшемся произволу мусульманского владычества, и ныне вполне от оного обеспеченном, нет никаких препятствий к установлению поземельной подати в высшем размере, какой только может быть допущен без обременения населения».

8 декабря 1884 года были представлены в военное министерство замечания на проект комиссии графа Игнатьева туркестанского генерал-губернатора Розенбаха.[113]

Существенным замечанием туркестанского начальства является редакция ст. 269 проекта, определявшая порядок переуступки прав на владение землей, производить которую разрешалось «по обычаю». По смыслу данной статьи проекта «лица русского происхождения (христиане) лишены будут возможности приобретать от туземцев участки не только в собственность, но и в пользование». Учитывая, что такой порядок может «парализовать учреждение в крае разного рода промышленных заведений и сооружений», генерал Розенбах находил совершенно необходимым разрешить местным жителям переуступку прав пользования на земли русским с правом совершения на них актов.

Считая, что разрешение на переуступку земельных прав от местных жителей к русским служило бы интересам экономического развития края, туркестанский генерал-губернатор оценивал отрицательно отказ комиссии укрепить земли в крае на правах полной собственности. Он находил, что это повлечет за собой нежелательные последствия в деле колонизации края и, «препятствуя расселению русских среди туземцев», приведет к тому, что «будущие поселения русских по необходимости,

должны будут устраиваться в стороне от центров оседлого населения, на новых орошенных землях и, в силу этого, могут долго не дать желательных результатов в смысле обрусения края».

В свою очередь, возникающие препятствия в связи с этим, с приемом земель местных жителей в залог по подрядам весьма нежелательным образом отзовутся на развитии подрядного дела, уменьшая тем самым «способы обогащения населения и способствуя некоторым образом монополии крупных подрядчиков».

Решительно неприемлемой считает генерал Розенбах рекомендацию комиссии предоставить генерал-губернатору право «входить с представлением о даровании льгот по платежу податей владельцами милька хури-халис...», т. к. никакая осторожность не могла бы избавить власти от массы претензий со стороны милькодаров, если бы хотя бы для одного из них были бы сделаны податные послабления.

Замечания на проект положения, выработанного комиссией под председательством графа Игнатьева, поступили и от других министерств и учреждений. Военное министерство составило сводку этих замечаний с приложением объяснений и возражений на эти замечания министра Ванновского и начальника главного штаба Обручева, согласованных с графом Игнатьевым.[114] Данные по поземельному устройству Туркестанского края в этом документе см. в приложении 9-м.

Отзывы министерств и туркестанского начальства указывают, что главным вопросом по которому делались замечания, являлся вопрос о том праве, на котором следовало бы закрепить землю за туркестанским населением.

Выявилось два мнения. Одни считали необходимым и соответствующим интересам государства — признание земель Средней Азии землями государственными, с предоставлением их в постоянное, наследственное пользование населению с соблюдением обычая и с уплатой населением оброчной подати. Другие — отвергая мнение первых, считали единственно правильным и соответствующим интересам государства и населения — передачу туркестанских земель населению на праве полной собственности. В этой дискуссии преобладающим мнением оказалось мнение первых, соответствующее интересам, на данном этапе, дворян-помещиков.

В ходе обсуждения проекта были высказаны интересные суждения, например, по вопросу о наличии в мусульманских странах права частной собственности на землю.

4. Раздел поземельного устройства в положении об управлении Туркестанским краем 1886 года.

Проект положения об управлении Туркестанским краем со всеми материалами ревизии, протоколом заседания комиссии под председательством графа Игнатьева, замечаниями министерств и ведомств и объяснениями военного министерства, был представлен в государственный совет.

В течение времени январь—март 1886 года Государственный совет в соединенных департаментах: законов, государственной экономики, гражданских и духовных дел рассматривал представленные военным министром материалы.[115]

В постановлениях, касающихся раздела проекта, относящегося к поземельному устройству Туркестанского края, указывалось, что этот вопрос является «едва ли не наиболее важным», наряду со всеми другими вопросами проекта. Разбирая возникшие в комиссии графа Игнатьева разногласия, а также разделившееся мнение министерств и ведомств по поземельным делам, департаменты Государственного совета подчеркнули, что главные доводы, приводившиеся в защиту того или иного мнения, опирались на толкование начал мусульманского права, хотя такого рода доводы определялись как совершенно несостоятельные.

«Для правильного разрешения вопроса о поземельном устройстве населения Туркестанского края необходимо прежде всего отрешиться от всяких теоретических соображений, основанных на толковании мусульманского законодательства и мировоззрения последователей ислама. Едва ли есть надобность доказывать, что ни предписания этого законодательства, ни принадлежавшие мусульманским властителям права на землю, населенную подвластными им племенами, для русского правительства нисколько не обязательны».

Отвергнув, таким образом, этот важный ориентир, которым пользовались при разработке проектов, Государственный совет выдвинул следующее принципиальное положение, которому должно было быть подчинено будущее поземельное устройство края. «Водворяя среди покоренной страны законный порядок, русская власть не может стать к ее населению в иные отношения, чем к остальным своим подданным и руководствоваться началами, не согласными с общим господствующим в империи порядком.

Справедливость и политическая мудрость требуют, чтобы за населением Туркестанского края признано было то поземельное право, которым оно фактически пользуется. Существующий способ владения землей выгоден и удобен для рус-

ской власти и в то же время им чрезвычайно дорожит население».

В связи с этим встал вопрос о приемлемости предлагаемого проектом признания земель Туркестанского края государственными. Предложение это основывалось на том, что по шариатским установлениям все земли страны принадлежат государю, но такое суждение — заявляют департаменты — «не может иметь в глазах русского правительства никакого значения», поэтому Государственный совет, разделяя мнение графа Д. Толстого «о неудобстве создавать такого рода государственную поземельную собственность, которая с землями, принадлежащими государству, по законам империи, не имеет ничего общего, кроме названия» — определил устранить это предложение проекта.

Между прочим, военное министерство также соглашалось с графом Д. Толстым и выдвигало компромиссное предложение: «Земли, находящиеся во владении, пользовании и распоряжении оседлого населения, остаются за ним в потомственном владении, по обычаю». Предложение военного министерства, с некоторыми редакционными поправками, Государственный совет находил приемлемым.

Затем было рассмотрено и отвергнуто предложение меньшинства комиссии и министерства иностранных дел о закреплении туркестанских земель за населением на праве полной собственности. «Такое постановление — по мнению департаментов — по своей безусловности, представляется не вполне осторожным и могущим иметь нежелательные последствия».

Хотя, как говорится далее в материалах, предложение военного министерства и заключает в себе формально все признаки собственности по русскому праву, но государственный совет не может быть уверенным, что право собственности со всеми его последствиями вполне соответствует формам землевладения, существовавшим тогда в Туркестане. Кроме того, вопрос о землеустройстве оседлого населения, по мнению департаментов, «не находится еще на той степени зрелости, при которой можно было бы постановить бесповоротное по оному решение».

Препятствием к признанию за населением Туркестана прав частной собственности на землю считалось особенностью среднеазиатского земледелия, основанного на искусственном орошении.

Русской властью признается по проекту организация ирригационного дела в крае по обычаю, в гражданских же законах империи нет постановлений об общественном пользовании водой, поэтому в случае распространения на Туркестан права

частной собственности на землю потребовалось бы в отношении водопользования «составить и издать особое узаконение по сему предмету, или признать за местными обычаями, известными нам лишь в общих чертах, силу закона, ограничивающего действие гражданского законодательства империи. Но первая мера была бы в настоящее по крайней мере время, положительно неисполнимой, а вторая оказалась бы небезопасной».

На этом основании устанавливалось, что «огульное предоставление оседлым туземцам права собственности на их землю было бы шагом не вполне осторожным и во всяком случае преждевременным».

В отношении поземельного устройства районов оседлого населения Туркестана принято было следующее правило: все земли, находящиеся в постоянном и потомственном владении, пользовании и распоряжении туземного населения, утверждаются за ним на основаниях, установленных местными обычаями, с соблюдением при том предписанных сим положением правил. «Такое постановление, — заключали департаменты, — сохраняя неприкосновенными поземельные права, коими издавна пользуются оседлые туземцы, несомненно окажет на умы их самое благоприятное и успокаивающее влияние. Вместе с тем, оно же послужит предрешением частных поземельных вопросов, возникновение коих неизбежно при предстоящей подробной регистрации недвижимых имуществ в крае, ибо оно дает возможность укрепить за каждым владельцем такое право на землю, которое в действительности ему принадлежит».

По частным вопросам поземельного устройства Туркестанского края, соединенные департаменты определили: «С устранением предположения о признании земель, занятых оседлыми туземцами, государственными,— поземельное устройство этого населения в самом основании будет различно от такого же устройства кочевников, которым предоставляется лишь право пользоваться территорией, составляющей собственность государства».

Пункт «а» статьи 256, по силе которой земли, приобретенные по купчим крепостям и другим актам укрепления, выданным русскими властями и установлениями, составляют собственность приобретателя представляются излишним, так как заключающееся в нем правило соответствует действующим в империи гражданским законам и не требует поэтому законодательного утверждения.

Вследствие заключения, принятого по общему вопросу о поземельном устройстве оседлого населения, к государствен-

ным землям в Туркестанском крае будут отнесены те же земли, которые признаются государственной собственностью в империи (ст. 406, т. X, ч. 1, зак. гражд.). В виду этого, статья 257, определяющая разряды государственных земель, подлежит исключению. Равным образом устранялось также примечание к этой статье, в котором мильковые привилегии признавались недействительными. «По отзыву туркестанского генерал-губернатора, мильковых земель в настоящее время в действительности вовсе не существует. Поэтому упомянутое примечание лишено всякого практического значения, а между тем оно имеет вид постановления, которое как бы ограничивает поземельные права, принадлежащие местному населению, что вовсе не входит в намерение правительства».

После рассмотрения проекта положения об управлении Туркестанским краем, он был утвержден царем 12 июня 1886 года и получил с этого времени силу закона. Раздел третий — Поземельное устройство — утвержденного положения об управлении Туркестанским краем и правила о введении поземельно-податного устройства[116] см. в приложении 10.

Приведенные в настоящей главе данные позволяют сделать следующие выводы.

1. Эволюция взглядов на поземельное устройство Туркестанского края туркестанской администрации и министерств царского правительства была очень сложна и противоречива, что соответствовало двойственной природе помещичье-буржуазного государства России 80-х годов прошлого века.

2. Главными вопросами, вызывающими разногласие, были: а) форма закрепления земель за оседлым земледельческим населением Туркестанского края и б) определение категории, к которой должны были быть отнесены Туркестанские земли. Из двух предложений по вопросу о форме закрепления земель в оседлых районах, признание правительства получило закрепление за оседлым населением лишь права постоянного пользования землями, владения и распоряжения ими. Предложение о закреплении земель на праве частной собственности — было отвергнуто. При решении этого вопроса победило большинство, представляющее интересы помещиков-крепостников, что соответствовало преобладающему положению в экономике и политике страны в 80-х годах прошлого века именно этой группы господствующего класса России.

Отклонение предложения о признании земель оседлых районов Туркестана государственными следует объяснить политикой осторожности, вызываемой отсутствием уверенности в окончательном закреплении края и упрочении там позиций новой власти.

3. Решение в отношении мильковых и вакуфных земель Средней Азии выражает полный разгром военно-феодальной землевладельческой знати, являющейся политическим антагонистом русской власти в Туркестане.

4. Известный либерализм аграрных мероприятий, осуществленных в Туркестане в 70-е годы, и узаконенный затем Туркестанским положением 1886 года, сравнительно небольшое внимание таким категориям земли, как казенно-оброчные статьи, объясняется тем, что этот «период характеризуется господством в метрополии промышленного капитала», для которого «характерно, что капитал метрополии воздерживался от активного вмешательства в производственные процессы»[117] Средней Азии. Таким образом, «новое земельное устройство оседлого населения, ослабившее феодальные элементы и их власть, носило в общем прогрессивный характер».[118]

5. Признание земель в кочевых районах Средней Азии государственной собственностью с передачей в общественное пользование населения, являлось важной предпосылкой использования земель этих районов в дальнейшем для целей колонизации, создания переселенческого фонда и вытеснения со своих земель и колониального грабежа местного кочевого населения.

6. Предложение о распространении выкупной операции на туркестанские земли, выдвинутое туркестанским проектом 1881 года, правительством, из соображений осторожности, было отклонено.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Положение о поземельном устройстве Туркестанского края.

(проект комиссии генерала Абрамова)

Положения общие.

1. Земли, входящие в пределы Туркестанского генерал-губернаторства, состоят: а) на праве государственной собственности, б) на праве частной собственности.

2. Состоящими на праве частной собственности признаются:

а) земли, приобретенные по купчим крепостям и другим законным актам и укреплениям;

б) участки земли в городской черте, отведенные жителям городов, кои учреждены и впредь будут учреждаться русским правительством;

в) земли киргиз Семиреченской области, выполнивших условия ст. 191-й уст. о благоустр. в Каз. сел.;

г) те из земель, обеленных от податей во времена мусульманского в крае управления (земель мильк-хурухалисных), кои не заселены посторонними лицами и состоят в непосредственном пользовании владельцев (мильк-кодаров), по надлежащем удостоверении подлинности и правильности имеющихся у них на сии земли документов;

д) те из земель государственных, кои впредь обелены будут от платежа в казну оброчной подати посредством выкупа, на основании особого положения.

Примечание. Действие упомянутой в п. 3-м 191 ст. т. XII св. зак. гражд. на будущее время в Туркестанском крае отменяется.

3. Все остальные земли Туркестанского генерал-губернаторства, за исключением в пяти пунктах предыдущей статьи перечисленных, признаются собственностью государственною. Они утверждаются за населением, в пользовании которого ныне находятся и впредь отводятся в надел общества и лиц, на точном основании правил настоящего положения.

4. Земли, отведенные Семиреченскому казачьему войску, имеют состоять за ними на особых правах, согласно узаконенному порядку для сего войска.

5. Недра земли принадлежат государству, за исключением земель, состоящих за владельцами на праве частной собственности.

Примечание. Порядок вознаграждения владельцев при отчуждении земли под горный промысел указан в особом по сему предмету положении.

6. Дикорастущие в Туркестанском крае леса составляют собственность государственную и состоят в заведывании казны, на основании особого местного о лесах положения, в котором постановлены правила и ограничения в пользовании лесным материалом со стороны населения.

7. Населению края предоставляется право свободной безакцизной добычи соли во всех местах ее нахождения в пределах генерал-губернаторства.

8. Равным образом для всех желающих свободным почитается рыболовный промысел на всех реках и озерах Туркестанского края, с соблюдением лишь правил для самой ловли, постановленных законом.

9. Вода в арыках, каналах и речках, поскольку она служит для орошения полей, принадлежит казне, но населению предоставляется право пользования оною для этой надобности, по установившемуся обычаю. Наблюдение за распределением воды для орошения принадлежит местной администрации, которая по своему усмотрению для общей пользы целого края, распоряжается всем остатком воды излишним за достаточным поливом полей земледельцев. Сооружение арыков и проведение воды из рек и озер на новые земли, до того остававшиеся без орошения, обществам и лицам дозволяется не иначе, как с разрешения администрации.

Об отводе наделов и о правах поземельного владения и пользования.

10. Оседлым инородцам, водворенным на государственных землях Туркестанского генерал-губернаторства, оставляются в надел, на праве потомственного владения, все состоящие в действительном их пользовании земли и угодья, с правом возводить на них всякого рода постройки, жилые и хозяйственные, разводить сады и виноградники.

11. Постройки и насаждения, возведенные и выращенные владельцами, составляют полную их собственность.

12. За предоставляемое право потомственного владения землями государственными, при общинном владении — общества, а при семейном — лица, владеющие подворными участками, обязываются вносить в казну ежегодный платеж, под названием государственной оброчной подати, размер которой, по пространству земель, их качеству и доходности, определяется на основаниях, определенных в положении о податях.

13. Оседлые инородцы могут владеть отведенными им в потомственное владение землями на праве общинном, — в составе обществ, или на праве наследственном, — отдельными семейными участками, с соблюдением условий и ограничений, постановленных в нижеследующих статьях.

14. При общинном землевладении общество может разделить принадлежащие ему земли на подворные участки, с согласия $^2/_3$ членов, имеющих право голоса на сельском сходе и с утверждением общественного о сем приговора в порядке, определенном ст. 23-й о местном управлении инородческого населения, причем лежащая на целом обществе сумма оброчной подати распределяется, по приговору общества, между отдельными домохозяевами, по соображению с величиной и качеством участков каждого.

15. Выдел из общинной земли подворных участков отдельным домохозяевам допускается на том же основании, как и общий раздел, но лишь для участков засаженных.

16. Обществам предоставляется также право отчуждать участки общинной земли, но не иначе, как с разрешения администрации и только посторонним лицам, не принадлежащим к туземному населению и нежелающим войти в состав сельского общества, — по купчим крепостям, с соблюдением условий, поставленных в положении о выкупе.

17. Местной администрации предоставляется право причислять к многоземельным обществам с общинным землевладением лиц до предела, определяемого наименьшим наделом на домохозяина, какой установлен будет областным присутствием.

18. Сообразно сему, отдача земель общинных в аренду допускается не иначе, в многоземельных обществах, как под условием неисключения арендуемых земель от надела лиц, к таковым обществам приписываемых, по распоряжению администрации.

19. С соблюдением ограничений, означенных выше в 14, 15, 16 и 18 статьях, обществам предоставляется распоряжаться общинными землями по их собственному усмотрению, в соответствии с существующим местным обычаям.

20. При участковом владении, переход к владению общинному допус-

кается не иначе, как по единогласному решению всех домохозяев, составляющих сельский сход.

21. Владельцы подворных участков могут отчуждать свои земли в частную собственность посторонних лиц, не принадлежащих к туземному населению и не желающих войти в состав сельского общества, не иначе, как с обеленнем оных от платежа в казну оброчной подати, согласно Положению о выкупе.

22. Переуступка прав потомственного владения подворными участками как между туземцами, так и для лиц, вступающих в состав обществ, — допускается по обычаю с тем, что обязанность отбывания в казну оброчной подати, с переуступаемого участка причитающейся, переходит преемственно на нового приобретателя.

23. Порядок наследования подворными участками и порядок их разделов определяются местными обычаями.

24. Подворные участки в случае смерти хозяев и отсутствия наследников, поступают в распоряжение общества, к составу коего умершие принадлежали.

25. Земли, отведенные в надел городам Туркестанского края, состоят в общественном владении городских обществ, на основании общих по сему предмету узаконений.

26. Отвод земель для водворения переселенцев из внутренних частей империи, в местах для того избранных, производится в общественное владение переселенческих обществ, на основании положения о поселениях.

27. Пахотные земли и угодья в киргизских кочевьях наделяются обществами и лицами ими пользующимися, в потомственное владение, на общем основании.

28. Земли, занятые зимовыми стойбищами и летними кочевками киргиз, по существующим местным обычаям.

Примечание 1. Для возможно более правильного регулирования сих земель, имеют быть составлены расписания зимовых стойбищ по отдельным волостям, где представляется к тому возможность, без стеснения кочевого населения.

Примечание 2. Определенного размера пространства земли, кои отведены будут под кочевые дороги и прогоны для скота, предоставляются во всеобщее пользование населения.

29. Удобные земли из числа государственных, за отводом наделов в потомственное владение, остаются в распоряжении правительства. Означенные земли могут быть предоставляемы желающим в аренду, за арендную плату и на сроки, определяемые областными управлениями, — с правом возводить на них постройки и развивать насаждения. Будучи засажены и застроены, земли эти предоставляются арендующим лицам и обществам в потомственное владение.

Примечание. Признаки оседлости, определяющие переход земель из срочного, арендного пользования в потомственное владение арендаторов, определены будут областными присутствиями.

30. Земли, оставшиеся свободными за отводом наделов и отдачею в арендное содержание, предоставляются населению во всеобщее пользование для пастьбы скота и собирания топлива.

Об укреплении поземельных прав населения.

31 Права собственности на заселенные земли мильк-хурухалисные и на другие земли, кои состоят в частном владении по актам, признанным законными, укрепляются выдачею данных владельцам и вводом их во владение установленным в законе порядком.

32. На преемственное владение землями выдается обществам, особый каждому, акт, именуемый владенной записью.

Примечание. Форма владенных записей, порядок их составления и выдачи указаны в положении об учреждениях по поземельному устройству Туркестанского края.

33. На владенной записи отмечаются все перемены во владении землею, т. е. выкуп, продажа, переуступка, переход по наследству, раздел подворных участков, выдел таковых из земли общинной и общий раздел последней на подворные участки и обратно.

34. Земли, отводимые в арендное пользование по ст. 29 сего положения охраняются за владельцами арендными условиями.

Об охране и прекращении поземельных прав населения.

35. Разбор и разрешение поземельных споров внутри сельских обществ предоставляется сельским сходам по принадлежности. В случае несогласия дело поступает на разрешение администрации.

36. Все поземельные иски по законным документам, укрепляющим право владения, направляются и разрешаются судебным порядком.

37. Земли, состоящие за владельцами на правах частной собственности, в случае надобности, для нужд государственных и общественных, отчуждаются из частного владения порядком, установленным в законах Российской империи.

38. Земли, состоящие в потомственном владении обществ и лиц, отчуждаются в казну:

1) административным порядком, на предмет проведения дорог и арыков и возведения казенных зданий;

2) порядком законодательным — во всех остальных случаях.

Примечание: Порядок вознаграждения за земли, отводящие из частной собственности и потомственного владения, устанавливаются на основании общих узаконений Российской империи с изъятием, что утверждение оценки предоставляется генерал-губернатору.

39. Земли, состоящие в постоянном пользовании обществ и лиц, отчуждаются в казну для нужд государственных и общественных административным распоряжением высшего местного начальства.

О поземельном устройстве.

(из проекта 1873 г.)

Положения общие.

210. Земли, входящие в пределы Туркестанского генерал-губернаторства, состоят: а) на праве государственной собственности и б) на праве частной собственности.

21. Состоящими на праве частной собственности признаются:

а) земли, приобретенные по купчим крепостям и другим законным актам и укреплениям;

б) участки земли в городской черте, отведенные жителям городов, кои учреждены и впредь будут учреждаемы;

в) земли киргиз Семиреченской области, выполнивших условия ст. 198 Уст. о благоустройстве Каз. сел.;

г) земли мильк-хурухалисные, если они состояли в непосредственном пользовании владельцев (милькодаров) и незаселены посторонними лицами и обществами; и

д) земли вакуфные, если они состоят в непосредственном пользовании учреждений и лиц, коим посвящены по вакуфным документам и не заселены посторонними лицами и обществами.

Примечание 1. К п. «в». Действие упомянутой выше ст. 191, т. XII Св. Зак. Гражд. на будущее время в Туркестанском крае отменяется.

Примечание 2. К п. «г» и «д». Земли мильк-хурухалисные и вакуфные, заселенные посторонними лицами и обществами, непосредственно их обрабатывающими, причисляются к разряду земель государственных и подчиняются правилам, указанным ниже в ст. 247 и 248 настоящего положения.

212. Все остальные земли Туркестанского генерал-губернаторства, за исключением выше в 5-ти пунктах предыдущей статьи перечисленных, признаются собственностью государственной. Они утверждаются за населением, в пользовании которого ныне находятся, и впредь отводятся в надел обществ и лиц на точном основании правил сего положения.

213. Земли, отведенные Семиреченскому казачьему войску, имеют состоять за ним на особых правах, согласно узаконенному для его войска положению.

214. Недра земли принадлежат государству, за исключением земель, состоящих за владельцами на праве частной собственности.

Примечание. Порядок вознаграждения владельцев при отчуждении земли под горный промысел указан в особом по сему предмету положении.

215. Дикорастущие в Туркестанском крае леса составляют собственность государственную и состоят в заведывании казны, на основании действующего положения, в котором постановлены правила и ограничения в пользовании лесным материалом со стороны населения.

216. Населению края предоставляется право свободной безакцизной добычи соли во всех местах ее нахождения в пределах генерал-губернаторства.

217. Равным образом для всех желающих свободным почитается рыболовочный промысел в реках и озерах Туркестанского края, с соблюдением лишь правил, для самой ловли законом постановленных.

218. Вода в арыках, каналах и речках принадлежит казне, но населению предоставляется право пользования оною для орошения по установившемуся обычаю. Наблюдение за распределением воды для орошения принадлежит местной администрации, которая, по своему усмотрению, для общей пользы целого края, распоряжается всем остатком воды, излишним за достаточным поливом полей земледельцев. Сооружение арыков и проведение воды из рек и озер на новые земли, до того оставшиеся без орошения, обществам и лицам дозволяется не иначе, как с разрешения администрации.

Об отводе наделов и о правах поземельного владения и пользования.

219. Оседлым инородцам, водворенным на государственных землях Туркестанского генерал-губернаторства, оставляются в надел, на праве постоянного пользования, все состоящие в действительном их пользовании земли и угодья, с правом возводить на них всякого рода постройки, жилые и хозяйственные и разводить сады и виноградники.

220. Постройки и насаждения, возведенные и выращенные владельцами, составляют полную их собственность.

221. За предоставляемое право постоянного пользования землями государственными, при общинном владении общества, а при семейном лица, владеющие подворными участками, обязываются вносить в казну ежегодный платеж под названием государственной оброчной подати, размер которой, по пространству земель, их качеству и доходности, определяется на основаниях, указанных в настоящем положении в отделе о податях.

222. Оседлые инородцы могут владеть отведенными им в постоянное пользование землями на праве общинном, в составе обществ, или на праве наследственном, отдельными семейными участками, с соблюдением условий и ограничений, поставленных в нижеследующих статьях.

223. При общинном землевладении общество может разделить принадлежащие ему земли на подворные участки, с согласия $^2/_3$ членов, имеющих право голоса на сельском сходе и с утверждением общественного о сем приговора в порядке, определенном ст. 96 настоящего положения; причем лежащая на целом обществе сумма оброчной подати распределяется, по приговору общества, между отдельными домохозяевами, по соображению с величиной и качеством участков каждого.

224. Выдел из общинной земли подворных участков отдельным домохозяевам допускается на том же основании, как и общий раздел, но лишь для участков, засаженных.

225. Местной администрации предоставляется право причислять к многоземельным обществам с общинным землевладением безземельных лиц, до предела, определяемого наименьшим наделом на домохозяина, какой будет установлен присутствием по поземельным делам.

226. Сообразно сему, отдача земель общинных в аренду допускается не иначе, в многоземельных обществах, как под условием не исключения арендуемых земель от надела лиц, к таковым обществам приписываемых, по распоряжению администрации.

227. С соблюдением ограничений, означенных выше в 223—226 статьях, обществам предоставляется распоряжаться общинными землями по их собственному усмотрению и по существующим местным обычаям.

228. При участковом владении переход к владению общинному допус-

кается не иначе, как по единогласному решению всех домохозяев, составляющих сельский сход.

Примечание. Переход от подворного владения к общинному допускается и для отдельных домохозяев в составе общества по взаимному соглашению, но в таком только случае, когда принадлежащие им земельные участки расположены не чересполосно, а в одной сплошной меже.

229. Переуступка прав постоянного пользования подворными участками, как между туземцами, так и для лиц, вступающих в состав сельских обществ, допускается по обычаю, с тем, что обязанность отбывания в казну оброчной подати с переуступаемого участка причитающейся, переходит преемственно на нового приобретателя.

230. Порядок наследования подворными участками и порядок их разделов определяется местными обычаями.

231. Подворные участки, в случае смерти хозяев и отсутствия наследников, поступают в распоряжение общества, к составу коего умершие принадлежали.

232. Земли, отведенные в надел городам Туркестанского края, состоят в общественном владении городских обществ, на основании общих по сему предмету узаконений.

233. Отвод земель для водворения переселенцев из внутренних частей империи, в местах для того избранных, производится в общественное владение переселенческих обществ, на основании настоящего положения отдела о поселениях.

234. Пахотные земли и сенокосы в киргизских кочевьях наделяются обществам и лицам, ими пользующими, в постоянное пользование на общем основании, где это окажется возможным.

235. Земли, занятые зимовыми стойбищами и летними кочевками киргиз, а также не отведенные в надел по предыдущей статье пахотные земли и сенокосы, оставляются в пользовании кочевых обществ по существующим местным обычаям.

Примечание 1. Для возможно более правильного регулирования сих земель имеют быть составлены расписания зимовых стойбищ по отдельным волостям, где представляется к тому возможность, без стеснения кочевого населения.

Примечание 2. Определение размера пространства земли, кои отведены будут под кочевые дороги и прогоны для скота, предоставляются во всеобщее пользование населения.

236. Удобные земли из числа государственных, за отводом наделов в постоянное пользование оседлым жителям края и под киргизские кочевья, остаются в распоряжении правительства. Означенные земли могут быть предоставляемы желающим в аренду, за арендную плату на сроки и в размерах по определению областных правлений, с правом возводить на них постройки и развивать насаждения. Будучи засажены и застроены, земли эти предоставляются арендующим лицам и обществам в постоянное пользование на общих основаниях.

Примечание. Признаки оседлости, определяющие переход земель из срочного, арендного, в постоянное пользование арендаторов, определены будут Областными правлениями.

237. Земли, оставшиеся свободными, за отводом наделов и отдачей в арендное содержание предоставляются населению во всеобщее пользование, для пастьбы скота и собирания топлива.

Об укреплении поземельных прав населения.

238. Права собственности на заселенные земли мильк-хурухалисные и на другие земли, кои состоят в частном владении по актам, признанным за-

конными, укрепляются выдачей данных владельцам и вводом их во владение установленным в законе порядком.

239. На право постоянного пользования землями выдается обществам, особый каждому, акт, именуемый владенной записью.

240. На владенной записи отмечаются все перемены во владении землей, т. е. переуступки, переход по наследству, раздел подворных участков, выдел таковых из земли общинной и общий раздел последней на подворные участки и обратно.

241. Права арендаторов на земли, отводимые в срочное пользование по ст. 236 сего положения, определяются и свидетельствуются арендными условиями.

Об охранении и прекращении поземельных прав населения.

242. Разбор и разрешение поземельных споров внутри сельских обществ предоставляется сельским сходам, по принадлежности. В случае несогласия дело поступает на разрешение администрации.

243. Все поземельные иски по законным документам, укрепляющим право владения, направляются и разрешаются судебным порядком.

244. Земли, состоящие за владельцами на праве частной собственности, в случаях надобности, для нужд государственных и общественных, отчуждаются из частного владения порядком, установленным в общих законах.

245. Земли состоящие в постоянном пользовании обществ, и лиц, отчуждаются в казну:

1) административным порядком, по распоряжению Турк. ген. губ-ра, на предмет проведения дорог и арыков и возведения казенных зданий, и

2) порядком законодательным во всех остальных случаях.

246. Порядок вознаграждения за земли, отходящие из частной собственности и постоянного пользования, устанавливается на основании общих узаконений, с тем лишь изъятием, что утверждение оценки предоставляется ген. губ-ру на тех правах, кои в отношении сего предоставлены законом наместнику Кавказскому.

О землях мильк-хуррухалисных и вакуфных, отнесенных к разряду земель государственных.

247. По приведении в известность земель этого рода, они наделяются в постоянное пользование общества и лиц, коими непосредственно обрабатываются, с платежом в казну оброка, на общем основании.

248. За сим, учреждения и лица, до введения настоящего положения считавшиеся владельцами помянутых земель, на праве мильк-хуррухалисном и вакуфном, не имеют уже права на владение оными и на взимание дохода с земледельцев, в надел которых земли отойдут, как государственные.

249. Взамен того, предоставляется означенным лицам и учреждениям право на получение от казны ежегодного денежного вознаграждения, размер которого имеет быть определен при введении положения по оценке отчужденных из их владения земель, в количестве 10% с валовой с этих земель доходности.

Примечание. Порядок самой выдачи сего вознаграждения мильковладельцам и вакуфным учреждениям имеет быть указан главным н-ком края.

250. Медресе, мечети и другие вакуфные учреждения, при употреблении помянутого выше вознаграждения, обязываются в точности соблюдать все условия, какие были определены в сем отношении в вакуфных актах.

Примечание. Подробную инструкцию относительно надзора за правильным расходованием вакуфными учреждениями сумм, им отпускаемых казной, предоставляется преподать, кому следует, Туркестанскому ген. губ-ру.

251. В случае сокращения, по каким-либо обстоятельствам расходов упомянутых учреждений на которые, согласно актов завещателя назначены вакуфные доходы, убавляются в соразмерности и суммы, от казны отпускаемые: остатки этих сумм поступают в распоряжение администрации и расходуются в областях по указанию ген. губ-ра, на общеполезные надобности как-то: на поддержание школ, больниц и пр.

252. Завещание земель в вакуф на будущее время допускается с разрешения военных губернаторов, для лиц, владеющих землей на праве частной собственности.

Приложение 3.

Поземельное устройство в Туркестанском крае.

Положения общие.

191. Земли Туркестанского генерал-губернаторства утверждаются за населением, в пользовании которого будут находиться, при издании сего положения, и впредь отводятся в надел обществам и частным лицам, на основании правил, нижеизложенных.

192. Земли, приобретенные в собственность по купчим русскими властями и установлениями, предоставляются лицам, их приобретшим, на праве полной собственности.

193. Земли, отведенные городам Туркестанского края, состоят в общественном владении городских обществ, на основании общих по сему предмету узаконений (ст. 521, т. IX, по прод. 1872 г. и ст. 414, 515, 560 и 1387 т. X, часть 1, см. зак. изд. 1857).

194. Земли, отведенные Семиреченскому казачьему войску, состоят за ним, на основании особого для него положения.

195. Земли мильковые и вакуфные, не заселенные посторонними лицами или обществами, укрепляются за мильковладельцами и вакуфными учреждениями, по принадлежности.

196. Земли мильковые и вакуфные, заселенные посторонними лицами или обществами, отводятся в надел этим лицам или обществам, с вознаграждением мильковладельцев и владельцев вакуфов за отошедшие земли, согласно ст. 214 согласно ст. 218 и 219 сего положения.

197. Пахотные земли и сенокосы в инородческих кочевьях отводятся в постоянное пользование лиц или обществ, ими пользующихся.

198. Земли, занятые зимовыми стойбищами и летними кочевками, а также не отведенные в надел, на основании предыдущей статьи пахотные земли и сенокосы, предоставляются в пользование кочевых обществ, согласно существующим местным обычаям.

199. Земли, отведенные под кочевые дороги и прогоны для скота предоставляются во всеобщее пользование населения края.

200. Земли киргиз Семиреченской области, выполнивших, до издания настоящего постановления, условия статьи 191 устава о благоустройстве в казенных селениях, отводятся в полную собственность этих киргизов.

Примечание. С изданием сего положения, действие в Туркестанском крае ст. 191 уст. о благоустройстве в казенных селениях прекращается.

291. Земли, отведенные под поселения переселенцев из других частей империи, предоставляются в постоянное пользование этих поселений.

202. Земли, оставшиеся за наделением населения, поступают в распоряжение правительства. На тех из этих земель, которые не будут отведены

или отданы в аренду частным лицам или обществам, или пользование которыми не будет воспрещено, местное население имеет право пасти скот и собирать топливо.

203. Порядок заведывания упомянутыми в предыдущей статье землями, отвода их поселенцам в постоянное пользование или отдачи их в арендное содержание, сроки сего содержания, размеры наделов, а равно платы за арендование и т. п. определяются правилами, издаваемыми генерал-губернатором по соглашению с министерством государственных имуществ.

204. Вода в арыках, каналах, ручьях, реках и озерах края составляет собственность государства. Право пользования водою, по установившемуся обычаю, для орошения, сохраняется за населением края; но сооружение арыков и проведение воды на новые земли дозволяется не иначе, как с разрешения правительства. Порядок пользования водою и устройство арыков и других сооружений определяется правилами, утвержденными генерал-губернатором.

205. Местному населению предоставляется право безакцизной добычи соли в пределах края.

Отвод наделов и права поземельного владения и пользования.

206. Все земли и угодья, состоящие в действительном пользовании оседлых инородцев, отводятся этим инородцам в надел на праве постоянного пользования.

207. Постройки и насаждения, возведенные и выращенные на отведенных инородцам землях, составляют полную собственность их владельцев.

208. Инородцы, на состоящих в их пользовании землях, могут беспрепятственно добывать песок, торф, глину, простой камень и каменный уголь для домашнего обихода.

209. Инородцы, владея отведенными им землями и угодьями, обязаны вносить в казну определенный законом ежегодный платеж; под названием государственной оброчной подати. Размер сей подати устанавливается порядком, указанным в главе шестой сего положения.

210. Инородцы владеют отведенными им в надел землями на праве наследственном, отдельными семейными участками. Общинное землевладение допускается лишь в тех поселениях, где оно существовало до издания настоящего положения, и с соблюдением условий, установленных нижеследующими статьями (211—213).

211. При общинном землевладении общество может разделить отведенные в надел земли на подворные участки, с соблюдением правил, постановленных в ст. 104 и 107—109 сего положения; причем лежащая на целом обществе сумма оброчной подати распределяется, по приговору общества, между отдельными домохозяевами, по соображении с величиною качеством участков каждого.

212. Выдел из общинной земли подворных участков отдельным домохозяевам допускается по их желанию. Границы же выделяемых участков определяются обществом по простому большинству голосов, а размер оброчной подати устанавливается согласно предыдущей статье.

213. Областные правления имеют право причислять безземельных лиц к таким многоземельным обществам, с общинным землевладением, какие будут указаны областным присутствием по поземельным делам.

214. Переуступка права постоянного пользования подворными участками, как между туземцами, так и другими лицами, вступающими в состав сельских обществ, допускается по обычаю, но с тем, что обязанность платежа в казну оброчной подати, с переуступаемого участка причитающейся, переходит преемственно на нового приобретателя.

215. Порядок наследования подворными участками и порядок их разделов определяются местными обычаями.

216. Подворные участки, в случае смерти хозяев и неоставления ими наследников, поступают в распоряжение общества, к составу коего умершие принадлежали.

Земли мильковые и вакуфные

217. Правила, установленные в статьях 206—216, применяются и к землям мильковым и вакуфным, отводимым, на основании статьи 196 сего положения, поселенным на этих землях посторонним лицам и обществам.

218. Лица и учреждения, владевшие означенными в ст. 217 землями, взамен дохода с отошедшей от них земли в надел посторонним лицам и обществам, получают от казны ежегодное денежное вознаграждение, равное либо полной сумме оброчной подати, наложенной на отошедшие земли, либо части этой подати, соразмерной той части хараджа, на которую они имели право по мусульманскому документу.

219. Порядок выдачи мильковладельцам и вакуфным учреждениям вознаграждения за отходящие от них земли и надзора за правильным употреблением вакуфными учреждениями сумм ими отпускаемых (ст. 218), определяются генерал-губернатором.

220. В случае образования остатков от вакуфных расходов, уменьшаются в соразмерности и суммы, отпускаемые на основании ст. 218. Удержанные на этом основании суммы образуют особый капитал, который составляет специальные средства на устройство больниц, для туземцев края, и других благотворительных заведений и расходуются по усмотрению генерал-губернатора.

221. Земли мильковые и вакуфные, оставшиеся за сделанным, согласно ст. 196 наделом, а равно не заселенные посторонними лицами или обществами, укрепляются за владельцами их не прежде, как по признании документов их владения законными; в противном случае они отводятся владельцам их лишь на праве постоянного пользования и к ним применяются правила ст. 207—209 и 214 сего положения.

222. Учреждение новых вакуфов, на будущее время, допускается лишь с разрешения генерал-губернатора.

Укрепление и охранение поземельных прав населения.

223. На земли, укрепляемые на основании ст. 221 сего положения, за мильковладельцами и вакуфными учреждениями, а также на отводимые жителям городов участки городской земли и на земли самих городов — выдаются акты на гербовой бумаге низшего разбора: именуемые данными.

224. На земли, отводимые по правилам сего положения, в постоянное пользование и облагаемые в пользу казны оброчною податью, выдается акт, именуемый владенною записью. Форма сих актов, порядок их составления, проверки и выдачи определяются особыми «правилами о введении в действие поземельного устройства».

225. Разбор и разрешение поземельных споров в черте надела сельского общества предоставляется сельским сходам по принадлежности. Все прочие поземельные иски, основанные на выданных русскими установлениями актах, подлежат ведению общих судебных установлений.

226. Земли, отведенные в постоянное пользование, могут быть отчуждаемы из частного владения, по распоряжению генерал-губернатора, на предмет проведения дорог или арыков и возведения казенных зданий, а во всех прочих случаях — на общем основании с землями, состоящими за владельцами на правах полной собственности.

227. Порядок вознаграждения владельцев за отчуждаемые от них имущества (ст. 226), устанавливается на основании общих узаконений, с тем лишь изъятием, что утверждение оценки предоставляется генерал-губернатору на тех же основаниях, как и наместнику Кавказскому (ст. 577, примеч. 2 и ст. 589, примеч. 1, тома X, части 1 зак. Гражд. по прод. 1868 г.).

Проект комиссии генерала Абрамова

Статьи проекта положения и предлагаемые в них изменения и дополнения:

Глава четвертая

Поземельное устройство в Туркестанском крае

Отделение первое

Положения общие.

191. Остается без изменения.

192. Земли в городах, состоящие во владении туземцев, на основании их обычного права, а также приобретенные ими и другими лицами в собственность, по купчим крепостям и другим законным актам укрепления, выданным русскими властями и установлениями, предоставляются в их владение на праве полной собственности.

Примечание. Акты о переуступке прав недвижимой собственности в городах между туземцами одной народности, могут быть совершаемы или у казиев, или по желанию сторон, а равно и между лицами разных народностей, — у нотариусов.

192. Земли, лежащие вне городской черты, как признанные за населением только на праве постоянного пользования, ни в одной области, никому, на основании распоряжения главного начальника края, по купчим крепостям и другим актам укрепления, — не передавались. Напротив того, в городах Туркестанского края была допущена прежде и допускается до сих пор переуступка лицами всех народностей, принадлежащих им недвижимости с совершением при этом купчих крепостей, а равно и казною приобретались у туземцев земли с платою не за право только пользования ими, а по действительной их стоимости. Все это доказывает, что на земли, лежащие в городах, признавалось за населением право полной собственности. При непризнании же за ним этого права собственности кроме того, что является невозможным допускать в будущем переуступку туземцами своих недвижимостей лицам других народностей, а в том числе и русским, по купчих крепостям, но и все совершенные до сих пор крепостные акты по подобным переуступкам должны считаться недействительными, как укрепившие несуществующее право. По этим, собственно, основаниям и полагается изменить 192 ст. проекта в том смысле, как она изложена в ее новой редакции. Кроме того, эту статью предполагается дополнить излагаемым примечанием. Необходимость такого дополнения вызывается тем, что при оставлении в крае суда казиев, следует сохранить и то право, каким пользуются лица одной народности при сделках между собой о переуступках различных своих прав, в том числе и права собственности на недвижимые имения. Но с другой стороны, не желательно воспретить им обращаться в этом случае и к органам русской власти — к нотариусам. Так как при этом туземцы в доказательство своих прав могут представлять лишь документы казиев или свидетельства окольных людей о давностном владении, то необходимо установить, что документы казиев, удостоверенные в правильности их русскою властью, должны служить достаточным доказательством права собственности.

193. Земли, состоящие в общественном пользовании городов Туркестанского края, считаются в общественном владении городских обществ, на основании общих по сему предмету узаконений (ст. 582, т. IX, изд. 1876 г. т. X. ч. I Граж. зак., изд. 1857 г.).

193. Ввиду необходимости признания в предыдущей статье и права полной собственности за отдельными лицами, владеющими в городах недвижимыми имуществами следует признать в собственном владении городов только такие земли, поименованные в приведенных статьях закона, которые состоят в общественном их пользовании.

Статьи проекта положения и предлагаемые в них изменения и дополнения

194. Остается без изменения.

195. Земли мильковые и вакуфные, не заселенные посторонними лицами или обществами укрепляются за мильковладельцами и вакуфными учреждениями, по принадлежности, на основании сего положения.

195. Этой статьей признается необходимым предпослать особую статью объясняющую, какие земли следует считать мильковыми и вакуфными, которые на основании настоящей статьи, укрепляются на праве полной собственности. Необходимость этого объясняется вызывается, во-первых, тем, что слово мильк вообще обозначает владение, которое, как известно, бывает различно, а равно и о вакуфах, владение которыми бывает также обеленное и необеленное от податей, а, во-вторых, тем, что последующими статьями проекта — большая часть земель, состоящих в действительном пользовании инородцев, то есть во владении их, а, следовательно их мильков, отводится им только на праве постоянного пользования.

Статьи проекта положения и предлагаемые в них изменения и дополнения

196. Остается без изменения.

197. Зимовые стойбища, пахотные земли и сенокосы в периодических кочевьях остаются в постоянном пользовании лиц или обществ ими пользующихся и отводятся в надел, при соблюдении условий, указанных ниже в ст. 262.

197. Добавлено для лучшего уяснения статьи.

198. Исключены зимовые стойбища, включенные в предыдущую статью.

199. Остается без изменений.

200. То же.

201. То же.

202. Добавляется.

Примечание. Пахотные земли и сенокосы, оставшиеся за наделом, в пользовании кочевых обществ, поступают в распоряжение правительства в том случае, если они в продолжении десяти лет со времени введения сего положения, не будут отведены в постоянное их пользование, согласно ст. 197.

202. Добавлено потому, что правительство имеет право, на основании сей статьи, взять в свое распоряжение все оставшиеся за наделом земли, что было бы несправедливо допустить в отношении киргиз Ферганской обл., находящихся в настоящее время в переходном состоянии к оседлому быту, который значительно ускорится, если киргизы будут знать, что по прошествии десяти лет они не могут уже свободно распоряжаться своими пахотными и сенокосными землями, почему и позаботятся скорей получить их в надел на праве постоянного пользования по установленному акту.

203. Изменяется.

Порядок заведывания в предыдущей статье землями, отвода их поселенцам в постоянное пользование или отдача их в арендное содержание, — сроки сего содержания, размеры наделов, а равно платы за арендование и т. п. определяются правилами, издаваемыми генерал-губернатором.

203. Сокращение слов «по соглашению с Министерством государственных имуществ» признается необходимым ввиду того, что сношение с Мини-

стерством по разрешению означенных в статье вопросов: как это может требоваться правилами, вызовет, по отдаленности края, значительную трату времени и осложнение дела.

204. Изменяется.

Вода в арыках, каналах, ручьях, реках и озерах края составляет собственность государства. Право пользования водою, по установившемуся обычаю, для орошения, сохраняется за населением края; но сооружение арыков и проведение воды на новые земли дозволяется не иначе, как с разрешения администрации, с соблюдением ст. 107 и 108 сего положения. Порядок пользования водою и устройство арыков и других сооружений определяется правилами, утвержденными военным губернатором.

204. Изменение делается на том основании, что военному губернатору должны быть ближе знакомы местные потребности, для удовлетворения которых не может быть сделано однообразного распоряжения по всему генерал-губернаторству.

205. Уничтожается. Ввиду состоявшегося закона об отмене акциза с соли.

Отделение второе

Отвод наделов и права поземельного владения и пользования

206. Остается без изменения.

207. Остается без изменения.

208. Изменяется.

Инородцы, на отведенных в их пользование землях, могут беспрепятственно добывать песок, торф, глину, алебастр, известь, камень и прочие минеральные богатства, за исключением каменного угля и руд, эксплуатация которых подлежит особым правилам. Минеральные источники, находящиеся среди наделов, составляют собственность государства.

208. Изменение необходимо потому, что нельзя дозволить в крае, где от эксплуатации каменного угля зависит будущность страны, произвольную и бесконтрольную разработку ископаемых богатств, не подчинив их техническому надзору. То же самое относиться к минеральным источникам.

209. Остается без изменения.

210. Добавляется.

Инородцы владеют отведенными им в надел землями по обычаю и шариату, на наследственном праве отдельными семейными участками. Общинное землевладение допускается лишь в тех поселениях, где оно существовало до издания настоящего положения и с соблюдением условий, установленных нижеследующими статьями (211—219).

210. Добавлено словами «по обычаю и шариату», потому что оседлые руководствуются в семейном праве на основании письменного уложения, известного под нарицательным словом «шариат», а кочевые руководствуются обычаем.

211. Остается без изменения.

212. Изменяется.

Выдел из общинной земли подворных участков отдельным домохозяевам допускается обществом по большинству двух третей голосов, а размер оброчной подати устанавливается, согласно предыдущей статье.

212. Редакция изменена для согласования со ст. 109 сего положения.

213. Изменяется.

Областные правления имеют право причислять безземельных лиц к многоземельным обществам, с общинным землевладением.

213. Последние слова в тексте «какие будут указаны областным присутствием по поземельным делам» исключены потому, что это не входит в обязанности Областного организационного присутствия и, наконец, эти присутствия, по окончании работ будут закрыты.

214. Дополняется.

Переуступка права постоянного пользования подворными участками как между туземцами, так и другим лицам, вступающим в состав сельских обществ, допускается по обычаю, но с тем, что обязанность платежа в казну оброчной подати и всех повинностей с переуступаемого участка причитающихся, переходит преемственно на нового приобретателя.

215. Добавляется.

Порядок наследования подворными участками и порядок их разделов определяются местными обычаями и шариатом.

215. Добавляется словом «шариатом» на том же основании, как и статья 210.

216. Эту статью полагалось бы исключить, так как в ст. 96 уже указан порядок, куда поступают выморочные имущества.

Отделение третье

Земли мильковые и вакуфные

217. Остается без изменения.

218. То же.

219. То же.

220. Добавляется.

Примечание: Администрация области наблюдает за должным употреблением денежного вознаграждения, отпускаемого из казны вакуфным учреждениям и лицам. В случае прекращения определенной потребности, или уменьшение ее, — отпуск денег или прекращается или изменяется, согласно действительной надобности.

220. Примечание введено, с одной стороны для уничтожения злоупотреблений лиц, заведующих вакуфными учреждениями, не употребляющих доходов с вакуфов по должному назначению, а берущих их прямо в свою пользу; а с другой — для сокращения того значения, которое имеет употребление вакуфных доходов в развитии тунеядства. Кроме сего этой мерой влияние администрации на вакуфные учреждения значительно усиливается.

221. В этой статье необходимо пояснить, какие же документы должны признаваться законными. Строго говоря, ни один мильковый или вакуфный документ, с точки зрения нашего законодательства не может быть признан законным. Следовательно необходимо обусловить те признаки, по которым можно было бы определить, что документ дает право на укрепление милька или вакуфа на праве полной собственности.

222. Остается без изменения, применяясь к 778 и 984 ст. X. т. I ч. Гражд. зак.

222. Эту статью необходимо дополнить разъяснением, какие именно земли могут быть обращаемы в вакуф, то есть только ли мильковые, состоящие на праве полной собственности (195 ст.) или и другие, состоящие в постоянном пользовании. Затем в пояснительной записке не разъясняется, чем вызывается необходимость ограничения учреждения новых вакуфов, разрешением генерал-губернатора. Полагалось бы подкрепить эту статью ссылками на 778 и 984 ст. X т. I ч. гражд. зак. по которым пожертвования в пользу духовных учреждений допускаются не иначе как только с высочайшего соизволения. Необходимо также объяснить пользу такого ограничения политическими целями, не допускающими усиления средств духовных учреждений, которые, как показывает история, обладая значительными материальными средствами, имели всегда и значительное влияние на народ своей страны.

Отделение четвертое

Укрепление и охранение поземельных прав населения

223. Мильковладельцы и вакуфные учреждения для укрепления своих прав на земли, представляют документы на рассмотрение областного правления, которым, по признании за документами доказательства права полной собственности, выдаются удостоверения, на основании коих совершаются нотариусом свидетельства со взысканием крепостных и актовых пошлин. На земли же отведенные самим городом в общественное пользование выдаются планы, утвержденные в установленном порядке.

223. Статью эту полагалось бы изменить, как проектируется, на том основании, что данные, которые проект признает выдавать мильковладельцам и вакуфным учреждениям, на основании нашего законодательства, только при продажах с публичного торга и при выкупе крестьянами наделов. Считая же недостаточным одного удостоверения Областного правления, признается необходимым укрепить права этих владельцев крепостным порядком через нотариусов, со взысканием крепостных и актовых пошлин ввиду того, что мильки и вакуфы представляют в большинстве случаев владения довольно ценные. Что же касается до укрепления городских участков, то так как на основании проектированной ст. 191 они остаются за владельцами их на праве полной собственности, ничем не вызывается необходимость укрепления их за исключением случаев переуступки, порядок которой объяснен в примечании к этой статье.

224. Добавляется.

Примечание. Владенные записи заменяются в Ферганской области уже выданными населению оброчными табелями.

225. Остается без изменения.

226. То же.

227. То же.

Приложение 5

Поземельное устройство Ферганской области.

Положения общие.

119. Земли Ферганской области утверждаются за населением, в пользовании которого будут находиться, при издании сего положения, и впредь отводится в надел обществам и частным лицам, на основании правил, ниже изложенных.

120. Земли, приобретенные в собственность по купчим крепостям и другим законным актам укрепления, выданным русскими властями и установлениями, предоставляются лицам, их приобревшим, на праве полной собственности.

121. Земли, отведенные городам, состоят в общественном владении городских обществ, на основании общих по сему предмету узаконений (ст. 521, т. IX, по прод. 1872 г. и ст. 414, 515, 560 и 1387 т. X, часть 1, Св. Зак. изд. 1857 г.).

122. Земли мильковые и вакуфные, заселенные посторонними лицами или обществами, отводятся в надел этим лицам или обществам, с вознаг-

ражденiем мильковладельцев и владельцев вакуфов за отошедшие земли, согласно ст. 142 и 143 сего положения.

124. Пахотные земли и сенокосы в иногородских кочевьях отводятся в постоянное пользование лиц или обществ ими пользующихся.

125. Земли, занятые зимними стойбищами и летними кочевками, а также не отведенные в надел, на основании предыдущей статьи, пахотные земли и сенокосы, предоставляются в пользование кочевых обществ, согласно существующим местным обычаям.

126. Земли отведенные под кочевые дороги и прогоны для скота, предоставляются во всеобщее пользование населения края.

127. Земли, оставшие за наделением населения, поступают в распоряжение правительства. На тех из этих земель, которые не будут отведены или отданы в аренду частным лицам или обществам, или пользование которыми не будет воспрещено, местное население имеет право пасти скот и собирать топливо.

128. Вода в арыках, каналах, ручьях, реках и озерах края составляет собственность государства. Право пользования водою, по установившемуся обычаю, для орошения, сохраняется за населением края; но сооружение арыков и проведение воды на новые земли дозволяется не иначе, как с разрешения правительства. Порядок пользования водою и устройства арыков и других сооружений определяется правилами, утвержденными генерал-губернатором.

129. Местному населению предоставляется право безакцизной добычи соли в пределах области.

Отвод наделов и права поземельного владения и пользования.

130. Все земли и угодья, состоящие в действительном пользовании оседлых инородцев, отводятся этим инородцам в надел на праве постоянного пользования.

131. Постройки и насаждения, возведенные и выращенные на отведенных инородцам землях, составляют полную собственность их владельцев.

132 Инородцы, владея отведенными им землями и угодьями, обязаны вносить в казну определенный законом ежегодный платеж, под названием государственной оброчной подати. Размер сей подати устанавливается порядком, указанным в главе сего положения, о государственных платежах.

134. Инородцы владеют отведенными им в надел землями на праве наследственном, отдельными семейными участками. Общинное землевладение допускается лишь в тех поселениях, где оно существовало до издания настоящего положения, и с соблюдением условий, установленных нижеследующими статьями.

135. При общинном землевладении общество может разделить отведенные в надел земли на подворные участки, с соблюдением правил, поставленных в ст. 21 и 24—26 сего положения; причем лежащая в целом обществе сумма оброчной подати распределяется между отдельными домохозяевами, по соображению с величиною и качеством участков каждого.

136. Выдел из общинной земли подворных участков отдельным домохозяевам допускается обществом по большинству двух третей голосов, а размер оброчной подати устанавливается согласно предыдущей статье.

137. Областное правление имеет право причислить безземельных лиц к таким многоземельным обществам, с общинным землевладением: какие будут указаны областным организационным присутствием.

138. Переуступка права постоянного пользования подворными участками как между туземцами, так и другим лицам, вступающим в состав сельских обществ, допускается по обычаю, но с тем, чтобы обязанность плате-

жа в казну оброчной подати, с переуступаемого участка причитающейся, переходит преемственно на нового приобретателя.

139. Порядок наследования подворными участками и порядок их разделов определяется местными обычаями.

140. Подворные участки, в случае смерти хозяев и неоставления ими наследников, поступают в распоряжение общества, к составу коего умершие принадлежали.

Земли мильковые и вакуфные.

141. Правила, установленные в статьях 130—140, применяются и к землям мильковым и вакуфным, отводимым на основании статьи 123 сего положения, поселенным на этих землях посторонним лицам и обществам.

143. Лица и учреждения, владевшие означенными в ст. 141 землями, взамен дохода с отошедшей от них земли, в надел посторонним лицам и обществам получают от казны ежегодное денежное вознаграждение, равное либо полной сумме оброчной подати, наложенной на отошедшие земли, либо части этой подати, соразмерно той части хераджа, на которую они имели право по мусульманскому документу.

143. Порядок выдачи мильковладельцам и вакуфным учреждениям вознаграждения за отходящие от них земли и надзора за правильным употреблением вакуфными учреждениями сумм, им отпускаемых (ст. 142), определяются генерал-губернатором.

144. В случае образования остатков от вакуфных расходов уменьшаются в соразмерности и суммы, отпускаемые на основании ст. 142. Удержанные на этом основании суммы образуют особый капитал, который составляет специальные средства на устройство больниц для туземцев края и других благотворительных заведений, и расходуется по усмотрению генерал-губернатора.

145. Земли мильковые и вакуфные, оставшиеся за сделанным согласно ст. 123 наделом, а равно, не заселенные посторонними лицами или обществами, укрепляются за владельцами их не прежде, как по признании документов их владения законными; а в противном случае они отводятся владельцам их лишь на праве постоянного пользования и к ним применяются правила ст. 131—133 и 138 сего положения.

146. Учреждение новых вакуфов, на будущее время, допускается лишь с разрешения генерал-губернатора.

Укрепление и охранение поземельных прав населения.

147. На земли, укрепляемые на основании ст. 145 сего положения за мильковладельцами и вакуфными учреждениями, а также на отводимые жителям городов участки городской земли и на земли самих городов, — выдаются акты на гербовой бумаге низшего разбора, именуемые данными.

148. На земли, отводимые, по правилам сего положения, в постоянное пользование и облагаемые в пользу казны оброчной податью, выдается акт, именуемый владенной записью. Форма сих актов, порядок их составления, проверки и выдачи определяется особыми «правилами о введении в действие общественного, податного и поземельного устройства».

149. Разбор и разрешение поземельных споров в черте надела сельского общества, предоставляется сельским сходам по принадлежности. Все прочие поземельные иски, основанные на выданных русскими установлениями актах, подлежат ведению общих судебных установлений.

150. Земли, отведенные в постоянное пользование, могут быть отчуждаемы из частного владения, по распоряжению генерал-губернатора, на предмет проведения дорог или арыков и возведения казенных зданий, а во всех прочих случаях — на общем основании с землями, состоящими за владельцами на праве полной собственности.

151. Порядок вознаграждения владельцев, за отчуждаемое от них имущество (ст. 151), устанавливается на основании общих узаконений, с тем лишь изъятием, что утверждение оценки предоставляется генерал-губернатору, на тех же основаниях, как и наместнику Кавказскому, (ст. 577, прим. 2, ст. 589, примеч. тома X, части I, Зак. Гражд. по прод. 1868 г.).

Приложение 6

Раздел

«Поземельное устройство Туркестанского края в проекте 1881 г.»

256. Земли Туркестанского генерал-губернаторства утверждаются за населением, в пользовании которого будут находиться при издании сего положения, и впредь отводиться будут в надел обществам, на основании правил, нижеизложенных.

257. Земли, приобретенные в собственность по купчим крепостям и другим законным актам укрепления, выданным русскими властями и установлениями, предоставляются лицам, их приобревшим, на праве полной собственности.

Примечание. Земли, приобретенные по актам, хотя бы и крепостным, но выданным условно, с обязательством подчиниться положению о поземельном в крае устройстве, предоставляются лицам, их приобревшим, на праве полной собственности, или на праве постоянного пользования, сообразно тому, принадлежали ли земли эти до переуступки, к разряду земель, обложенных податями, или же были свободны от них.

258. Земли городов Туркестанского края состоят в общественном владении городских обществ, на основании общих по сему предмету узаконений (ст. 582 т. IX изд. 1876 г. и ст. 414, 515, 560 и 1387 т. X, ч. 1, Св. зак. изд. 1857 г.).

Участки земель, принадлежащие городским обывателям, в черте городов, поименованных в ст. 140 сего положения, предоставляются владельцам их на праве полной собственности.

Примечание. Установление границ городских территорий, с выделением из них к смежным волостям земель пахотных, предоставляется утвердить ген.-губернатору, по представлениям подлежащих областных начальств.

(Ст. 140. Городами признаются кроме центров областной администрации, еще и все населенные пункты, служащие местопребыванием уездных управлений, а также г.г. Туркестан и старый Маргелан).

250. Земли, отведенные Семиреченскому казачьему войску, состоят за ним, на основании особого для него положения.

260. Земли мильковые и вакуфные, не состоящие в пользовании посторонних лиц, укреплялись на праве полной собственности за мильковладельцами и вакуфными учреждениями, по принадлежности, на основании сего положения.

261. Земли мильковые и вакуфные, состоящие в пользовании посторонних лиц, отводятся в надел этим лицам, с вознаграждением от казны владельцев мильков и вакуфов за отошедшие от них земли (ст. 278 и 279).

262. Пахотные земли и сенокосы, коими пользуются общества кочевников, оставляются в постоянном пользовании тех обществ и отводится им в надел при условиях, указанных в ст. 321 сего положения.

Примечание. Зимовые стойбища отводятся в надел только в том случае, когда расположены в границах надела.

263. Земли, занятые летними кочевками, а также не отведенные в надел зимовые стойбища, пахотные земли и сенокосы предоставляются в пользование кочевых обществ, согласно существующим местным обычаям.

264. Земли, отведенные под кочевые и скотопрогонные дороги, предоставляются во всеобщее пользование населения края.

265. Земли киргиз Семиреченской области, выполнивших, до издания настоящего положения условия ст. 191 Уст. о благоустр. в казен. сел., отводятся в полную собственность этих киргиз.

Примечание. С изданием сего положения, действие в Туркестанском крае статьи 191-й Уст. о благоустр. в казен. сел. прекращается.

266. Земли, оставшиеся за наделением населения, не исключая и богарных, кои в надел не войдут, остаются в распоряжении правительства; на те из них, которые не будут отведены или отданы в аренду частным лицам или обществам, или пользование которыми не будет воспрещено, местное население имеет право пасти скот и собирать топливо, с соблюдением условий, указанных в ст. 247 сего положения.

267. Порядок заведывания упомянутыми в предыдущей статье землями, отвода их поселенцам в постоянное пользование или отдачи в арендное содержание, размеры участков, плата за арендование, способы извлечения дохода с неотведенных в надел богарных земель и т. п., определяются правилами, издаваемыми генерал-губернатором по соглашению с министром государственных имуществ.

268. Вода в каналах (главных арыках), ручьях, реках и озерах края составляет собственность государства. Право пользования по установившемуся обычаю, сохраняется за населением края. Порядок пользования водой и устройство главных арыков и других ирригационных сооружений определяются правилами, утвержденными генерал-губернатором.

Об отводе земельных наделов в постоянное пользование и о праве владения ими.

269. Все земли и угодья, состоящие в действительном пользовании оседлых туземцев, отводятся им в надел, на праве **постоянного пользования.**

Примечание. Наделы отводятся не каждому владельцу в отдельности, а целым селениям.

270. Первоначально отведенные наделы могут быть, впоследствии, по просьбе обществ, увеличиваемы, с соблюдением условий, указанных в статье 305-й сего положения (ст. 305 оброчная подать нового переоброчения, — производимого через 12 лет, — остается неизменной; оклады этой подати могут быть увеличиваемы в случае, если и первоначальные наделы по желанию общества будут увеличены, на основании ст. 270 сего положения; причем вновь прирезанные наделы облагаются дополнительными окладами оброчной подати, одинаковыми с теми, кои были установлены при первоначальном обоброчении надела).

271. Постройки и насаждения, возведенные и выращенные на отведенных в постоянное пользование землях, составляют полную собственность их владельцев.

272. Владея отведенными им землями и угодьями, общества обязаны вносить в казну определенный законом ежегодный платеж, под названием

государственной оброчной подати. Размер сей подати устанавливается порядком, указанным в главе шестой сего положения.

273. Внутри наделов сохраняется существующая форма землевладения, — подворно-участковая или общинная, причем раздел всей общинной земли на подворные участки, а также и выдел из общинного владения земельных участков в подворное владение отдельных домохозяев, допускается по согласию не менее двух третей членов общества, имеющих право голоса на сходе, и лишь по засвидетельствованию приговоров в том уездным начальником, представляющим их в Областное Правление (ст. 128).

274. Переуступка права постоянного пользования подворными участками, как между туземцами, так и другими лицами, вступающим в состав сельских обществ, допускается по обычаю, но с тем, что обязанность платежа в казну оброчной подати и всех повинностей, причитающихся с переуступаемого участка, переходит на нового приобретателя.

275. Порядок наследования подворными участками и их разделов определяется местными обычаями.

276. Подворные участки, в случае смерти хозяев и не оставления ими наследников, поступают в распоряжение общества, к наделу коего принадлежали.

Земли мильковые и вакуфные.

277. Правила, установленные в ст. 269—276, применяются и к землям мильковым и вакуфным, отводимым на основании ст. 261 сего положения. посаженным на этих землях лицам.

278. Лица и учреждения, владевшие означенными в ст. 277 землями, взамен дохода с отошедшей от них земли, в надел пользующихся ими лиц, получают от казны ежегодное денежное вознаграждение, равное либо полной сумме оброчной подати, наложенной на отошедшие земли, либо часть этой подати, соразмерной той доле хераджа, на которую они имели право по законному документу.

Примечание. Размер вознаграждения, определенный при первоначальном обороченин земель не увеличивается при дальнейших переоброчках, но в случае уменьшения или прекращения потребностей, на которые определены вакуфные суммы, генерал-губернатору предоставляется соответственно уменьшить и даже совершенно прекратить отпуск вознаграждения вакуфам.

279. Порядок выдачи мильковладельцам и вакуфным учреждениям вознаграждения за отходящие от них земли, и надзор за правильным употреблением вакуфными учреждениями сумм, им отпускаемых (ст. 278) определяются ген. губ-ром.

280. Учреждение новых вакуфов, на будущее время, допускается не иначе, как с разрешения ген. губернатора.

281. Земли мильковые и вакуфные, оставшиеся за сделанным согласно ст. 261 наделом, а равно не заселенные посторонними лицами, укрепляются за владельцами их на праве полной собственности, не прежде как по признании законности документов на владение ими, в противном случае они отводятся владельцам их, лишь на праве постоянного пользования и к ним применяются правила, ст. 267—276 сего положения, указанные.

О порядке перехода земель из владения на праве постоянного пользования в полную собственность.

282. Земли, утвержденные за владельцами на праве постоянного пользования могут быть ими преобретаемы, а равно и отчуждаемы в полную собственность, на основании вышеизложенных.

283. В течение трех лет, со времени получения документов, утверждающих право постоянного пользования землей, общества (при общинном пользовании) и домохозяева (при подворном) не могут отчуждать земель в полную собственность лицам, не принадлежащим к тому же обществу.

284. По прошествии трех лет со времени выдачи означенных документов, как общества, так и хозяева подворных участков, могут отчуждать земли своего надела дозволенными в законах способами, в полную собственность не только односельцам, но и посторонним лицам, с соблюдением следующих условий:

а) хозяева подворных участков могут отчуждать их, по своему усмотрению, не испрашивая согласия общества, от которого требуется лишь удостоверение о сумме оброчной подати, платимой хозяйством участка;

б) Общество может продавать участки земли, находящиеся в общинном пользовании, не иначе как по засвидетельствованному уездным начальником приговору двух третей членов общества, имеющих право голоса на сходе и с разрешения Областного правления;

в) на приобретение сих земель совершаются крепостные акты, установленным для свершения таких актов порядком;

г) предварительно совершения крепостных актов, покупатели или продавцы обязаны представить в казначейство, в государственных процентных бумагах, такой капитал, проценты с коего обеспечивали бы казне полуторную сумму оброчной подати;

д) на сих же основаниях как отдельные хозяева, так и общества могут приобретать земли, отведенные им в постоянное пользование, в свою полную собственность.

285. По совершению продажи, установленный оклад оброчной подати с общества уменьшается, в размере оброка, лежавшего на земле, перешедшей к кому-либо в полную собственность.

Укрепление и охранение поземельных прав.

286. Право полной собственности на земли утверждается актами на установленной гербовой бумаге, именуемыми данными.

287. Данные выдаются на основании постановления городских дум, заменяющие оные учреждения, а где их не существует, на основании приговоров казиев, если против них не будет представлено споров и исков, а равно по постановлению Областных правлений о признании прав на земли мильковые и вакуфные.

288. Все иски и споры против постановления дум, заменяющие оные учреждения и определение казиев разбираются русским судом и затем данные выдаются на основании окончательных судебных решений.

Примечание. Иски и споры против решения казиев, для постановления окончательных определений русского суда, предварительно обследуются административным порядком.

289. Данные эти служат, впоследствии, основанием для совершения крепостных актов, при всяком переходе земельной собственности.

290. Данные выдаются не позже пятилетнего срока, со времени введения сего положения; последующие же затем акты укрепления могут быть выдаваемы, хотя и в форме данных, но с взиманием крепостных пошлин.

291. На земли, отведенные по правилам сего положения, в постоянное пользование и облагаемые оброчной податью, выдаются акты, именуемы владенными записями.

Примечание. В Ферганской области владенные записи заменяются до новой переоброчки выданными уже населению оброчными табелями.

292. Разбор и разрешение поземельных споров, в черте надела сельских обществ предоставляется сельским сходам по принадлежности. Все поземельные иски, основанные на выданных русскими установлениями актах, подлежат ведению общих судебных устройств. Иски и споры на землях частных собственников, до выдачи данных, укрепляющих это право, на основании ст. 287, разбираются по принадлежности, городскими думами, заменяющими эти последние учреждениями и казиями.

293. Земли, отведенные в постоянное пользование, могут быть отчуждаемы из сего пользования, в распоряжение правительства, властью генерал-губернатора, для проведения дорог (кроме железных) или арыков, возведения казенных зданий и на военные надобности, а для всех прочих потребностей на общем основании.

294. Порядок вознаграждения владельцев за отчуждение имущества (ст. 271) и прав постоянного пользования землей устанавливается на основании общих узаконений, с тем лишь изъятием, что утверждение оценки предоставляется ген. губернатору, на тех же основаниях, как и наместнику Кавказскому (ст. 577, пр. 2 и ст. 59 8пр. 1 т. X ч. 1 Св. Зак. по продаже 1868 г.).

295. Размер вознаграждения за имущества, отчуждаемые на основании ст. 293 и 294, допускается в каждом отдельном случае не выше пределов, установленных для власти ген. губернатора ст. 18 сего положения (ст. 18 до 30 000 руб.).

Приложение 7.

Раздел

«Поземельное устройство Туркестанского края» Из проекта, представленного сенатором Гирсом в 1882 г.

102. Земли и угодья, занимаемые селениями (кишлаками), закрепляются на правах полной собственности, за каждым из владельцев по обычаю.

103. Отдельные, вне селений находящиеся, незаселенные земли, укрепляются на основании бесспорного владения, на праве полной собственности за их владельцами.

Примечание. Мильковые привилегии признаются недействительными.

104. Переуступка прав на землю, равно и наследование между туземцами совершаются на основании местных обычаев.

105. При переходе поземельной собственности от туземцев к лицам других народностей, купчие крепости и другие акты укрепления совершаются установленным порядком, на основании засвидетельствованных уездною администрациею документов, совершенных народными судами или их решений.

106. Поземельные споры всякого рода между собственниками одной народности ведаются судом народным, на основании сего положения.

107. Земли вакуфные, пожертвованные учреждениям и лицам с благотворительной целью, освобождаются от государственных податей и земских повинностей, если документы вакуфа будут признаны законными подлежащей властью.

108. Земли вакуфные незаселенные укрепляются на праве собственности за вакуфовладельцами; заселенные же укрепляются на праве собственности,

за лицами, их населяющими, и облагаются сбором в пользу вакуфных учреждений в размерах, не превышающих подати и другие сборы, платимые прочим населением.

109. Вакуфы, имеющие целью не благотворительность, а поддержание известных родов, так называемые частные вакуфы, укрепляются на праве собственности за теми родами, коим они владельцами завещаны, впредь до совершенного пресечения этих родов, после чего они обращаются в казну; на такие вакуфы никаких изъятий по платежу государственных податей и других налогов не распространяется.

110. Вакуфы смешанные, часть доходов коих поступает на благотворительные учреждения, освобождаются от государственных податей и земских повинностей, соразмерно части дохода, предназначенной для благотворительной цели.

111. Учреждение новых благотворительных вакуфов допускается с разрешения генерал-губернатора, без освобождения их от государственных податей и земских повинностей. Всякий завещательный акт должен быть явлен в течение шести месяцев; в случае неявки в сей срок акт считается недействительным.

112. Для заведывания вакуфами учреждаются особые вакуфные управления в Н-Маргелане, Самарканде и Ташкенте, состоящее каждое под председательством правительственного лица, назначаемого генерал-губернатором, по представлениям военных губернаторов. На содержание управления отпускается с разрешения генерал-губернатора определенная сумма из вакуфных доходов. Управления эти, действующие на основании особой инструкции, утвержденной генерал-губернатором, подчиняются областным правлениям, которым ежегодно представляются отчеты по заведыванию вакуфами.

113. На обязанности вакуфных управлений лежит попечение о правильном поступлении и употреблении вакуфных доходов и определение количества сборов в пользу вакуфовладельцев с вакуфов заселенных.

114. На вакуфные управления, сверх прямых их обязанностей, возлагается разбор и утверждение вакуфных документов.

Примечание. В состав вакуфных управлений для этой цели назначаются еще два казия по выбору военного губернатора, и местный военный судья или другое лицо с разрешения ген. губ.

115. Вакуфовладельцы, в продолжение двух лет со дня введения в действие настоящего положения, должны представить свои документы в управление. По истечении этого срока, все непредставленные вакуфные документы признаются не имеющими силы.

116. Для укрепления прав на земли, признанные вакуфными, областные правления, по удостоверению вакуфного управления, выдают свидетельства, на основании которых совершаются, крепостным порядком, без взыскания крепостных и актовых пошлин, данные, служащие затем основанием к вводу во владение.

117. Жалобы на вакуфные управления приносятся областному правлению, постановления которого обжалываются ген. губернатору, решающему означенные дела окончательно.

118. Земли, занимаемые кочевым населением, как летние кочевки, так и зимние стойбища, признаются государственными и предоставляются в общественное пользование кочевников, на основании народных обычаев. Земли эти находятся в ведении областных правлений, действующих в данном случае на правах управления государственными имуществами.

119. Устраиваемые кочевниками на зимовых стойбищах жилые и хозяйственные постройки составляют частную собственность и могут быть переуступаемы другим.

120. Поземельные споры между кочевниками подлежат суду народному, на основании сего положения.

120. Земли городов Туркестанского края предоставляются городским обществам в общественное владение на общем основании (ст. 581 т. IX Св. Зак. изд. 1876 года и ст. 414, 560 и 1378 т. X, ч. 1).

122. Земли государственные, впусте лежащие, могут быть отводимы частным лицам и обществам, с разрешения ген. губернатора, для оживления новыми арыками, с освобождением их от платежа государственных и земских повинностей на 10 лет. Такие земли, по истечении льготного срока составляют полную собственность лиц и обществ их ожививших, с подчинением платежу податей и сборов на общем основании.

123. Леса в Туркестанском крае, за исключением произрастающих или разведенных искусственно на землях, принадлежащих учреждениям и частным лицам, на праве собственности, составляют государственное имущество.

124. На государственных землях, не данных в аренду, местное население имеет право пасти скот и пользоваться дикорастущими кустарниками, вне лесных дач.

125. Воды в главных арыках, ручьях, реках и озерах предоставляются народу в пользование по обычаю.

126. Главными арыками заведуют арык-аксакалы, а побочными мирабы. Арык-аксакалы назначаются военным губернатором, а мирабы — по выбору самого населения.

Примечание. Права и обязанности уездных начальников по надзору за ирригацией, а также арык-аксакалов и мирабов и порядок пользования водой определяется особой инструкцией, утвержденной ген.-губернатором.

Глава IV.

Права состояния туземцев.

127. Туземцы Туркестанского края (кочевые и оседлые) пользуются правами сельских, а живущие в городах — городских обывателей.

Права и имущества, присвоенные другим состояниям Российской империи, приобретаются туземцами на основании общих законов.

128. Туземцы Туркестанского края во внутреннем своем быте, в правах брачных, семейных и имущественных, в порядке наследования опеки и в сделках между собой, личных и имущественных, руководствуются своим обычным и письменным правом (адат и шариат).

129. Туземцы Туркестанского края освобождаются от воинской повинности.

Приложение 8.

Раздел

«Поземельное устройство Туркестанского края», выработанный комиссией графа Игнатьева.

III. Поземельное устройство.

Положения общие.

255. Земли Туркестанского края, за исключением состоящих на праве полной собственности, остаются государственными.

256. Землями состоящими на праве полной собственности признаются:

а) земли, приобретенные по купчим крепостям и другим актам укрепления, выданным русскими властями и установлениями и

б) усадебные участки, принадлежащие городским обывателям в черте городов.

257. Государственные земли делятся: 1) на предоставленные: а) в общественное пользование населения и б) во владение, пользование и распоряжение отдельных лиц и учреждений и 2) на земли свободные, остающиеся в распоряжении правительства.

Примечание. Мильковые привилегии признаются недействительными.

258. Воды в главных арыках, ручьях, реках и озерах предоставляются населению в пользование по обычаю. Главными арыками заведывают арык-аксакалы, а побочными — мирабы

Примечание. Права и обязанности уездных начальников по надзору за ирригацией, а также арык-аксакалов и мирабов о порядке пользования водой определяются особой инструкцией, утвержденной генерал-губернатором.

259. Пользование недрами земли определяется общими узаконениями империи.

260. Леса на землях, предоставленных в общественное пользование, признаются государственной собственностью.

261. На свободных государственных землях местное население имеет право пасти скот и собирать песок, камень и глину.

262. Земли государственные, впусте лежащие, могут быть отводимы частным лицам и обществам на срок или в наследственное распоряжение с разрешения генерал-губернатора, для оживления новыми самостоятельными арыками, с освобождением от платежа государственной оброчной подати, на срок от 3 до 10 лет.

263. Земли городов Туркестанского края состоят в общественном владении городских обществ, на основании общих по сему предмету узаконений.

А. Поземельное устройство оседлого населения.

264. Государственные земли, состоящие в действительном пользовании оседлых туземцев (земли амляковые), оставляются на существующем праве наследственного владения, пользования и распоряжения, с обязательством вносить в казну, взамен существовавших хераджного и танапного сборов, ежегодную плату под названием государственной оброчной подати, согласно правил настоящего положения.

265. Бывшие мильковые земли, не заселенные посторонними лицами, оставляются за владельцами их на общем основании, как земли амляковые; заселенные же бывшие мильковые земли оставляются на том же основании за поселенными на них лицами.

266. В сельских обществах сохраняется существующая по обычаю форма землевладения, подворно-участковая или общинная.

267. Земли оседлых туземцев, означенные в ст. 264 и 265, обмежевываются в своих границах инструментально и каждому сельскому обществу и отдельным лицам, не входящим в состав сельских обществ, выдаются на земли, находящиеся в их пользовании, особые планы.

268. Постройки и насаждения, возведенные и выращенные на землях, находящиеся в наследственном пользовании населения, составляют полную собственность их владельцев.

269. Переуступки права пользования земельными участками, порядок наследования и раздела их определяются по обычаю.

270. Земельные участки, в случае смерти хозяев и не оставления ими наследников, поступают в распоряжение сельского общества.

271. Земли вакуфные, заселенные оставляются за поселенными на них лицами, на основании ст. 264, 266, 267, 268, 269 и 270 сего положения.

272. Земли вакуфные заселенные (ст. 271) облагаются ежегодно денежным сбором, равным по размеру государственной оброчной подати. Сбор этот взимается с населения порядком, установленным для оброчной подати и поступает в распоряжение вакуфного учреждения полностью в том случае, если учреждение, в силу вакуфного документа (вакф-наме), были предоставлены полностью хераджный и танапный сборы, в противном же случае в пользу вакуфного учреждения поступает только доля, соответствующая вакуфному документу, а остальная часть, сбора — в доход казны.

273. Земли вакуфные незаселенные оставляются за вакуфными учреждениями согласно признанным русской властью вакуфным документам (вакф-наме) и облагаются оброчной податью в размерах, определенных самими документами.

274. Земли, составляющие так называемые частные вакуфы, оставляются за их владельцами, до пресечения потомства лиц, пользующихся такими вакуфами, и облагаются оброчной податью наравне с землями амляковыми.

275. Учреждение новых вакуфов допускается не иначе, как с разрешения ген.-губернатора, но без освобождения их от государственных податей и повинностей.

276. Признание вакуфных документов, наблюдение за правильностью употребления вакуфных доходов и право ревизии их принадлежит областным правлениям.

277. Вакуфовладельцы, не представившие еще своих документов, должны в течение двух лет, по введению в действие сего положения, прдставить таковые на утверждение обл. правлений.

Б. Поземельное устройство кочевого населения .

278. Государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в общественное пользование кочевников, на основании обычаев и правил настоящего положения.

279. Находящиеся в пользовании кочевников земли делятся на зимовые стойбища (зимовки), летние кочевья (летовки) и обрабатываемые земли.

280. Зимовые стойбища предоставляются в общественное пользование каждой волости отдельно по действительному пользованию и согласно обычаям, а в случае споров, по количеству имеющегося скота и размерам хозяйства.

281. Для распределения зимовых стойбищ и разбора споров между волостями уезда, назначаются, с разрешения губернатора, особые съезды. При спорах между волостями разных уездов, съезды собираются по согласию подлежащих волостей. Съезды под председательством особо назначенного для сего лица, составляются из 3-х особых выборных от каждой волости. Приговоры съездов представляются уездным начальником на утверждение губернатора и вносятся в особые книги, которые должны храниться в областном правлении.

282. Распределение зимовых стойбищ между аулами производится волостными съездами выборных, причем принимается во внимание количество скота и размер хозяйства.

283. Распределение зимовых стойбищ в аулах между хозяевами кибиток производится аульными сходами, пропорционально количеству скота и размеру хозяйства.

284. Каждый кочевник на отведенном в пользование его участке для зимового стойбища имеет право заводить жилые и хозяйственные постройки и общества не могут требовать сноса их. Означенные постройки составляют полную собственность их владельцев. Земли, занятые постройками,

переходят в наследственное пользование доколе существуют строения; с уничтожением оных земли возвращаются обществу.

285. Летние кочевки предоставляются в общественное пользование волостей целого уезда и самое пользование ими определяется народными обычаями. Киргизы Сыр-Дарьинской области сохраняют право перехода для летнего кочевья в соседние степные области, согласно установившемуся обычаю и ст. 96 сего положения (в этой статье порядок кочевки).

286. По взаимному соглашению обществ, в местах удобных, как на зимовках, так и на летовках, отводятся особые участки для желающих заниматься хлебопашеством и сенокошением. Распределение участков между хлебопашцами предоставляется добровольному соглашению их между собой по обычаю.

287. Постройки, возведенные на пашнях кочевников, составляют полную собственность на тех же основаниях, как это установлено для построек на зимовых стойбищах (ст. 284).

288. Земли, отведенные под кочевые и скотопрогонные дороги, предоставляются во всеобщее пользование населения края.

Укрепление и охранение поземельных прав.

289. Земли, состоящие на праве полной собственности, укрепляются порядком, установленным в законах империи.

290. На земли, предоставленные сельским обществам, или отдельным лицам на праве владения, пользования и распоряжения, выдаются владенные записи.

291. Поземельные иски, основанные на актах, выданных русскими властями и установлениями, рассматриваются и разрешаются русскими судебными установлениями; прочие же иски — либо сельскими обществами, либо судом казиев или биев, по установленному обычаю.

292. Земли, находящиеся на праве полной собственности, отчуждаются на правительственные или общественные надобности установленным в империи порядком.

293. Земли, состоящие на праве владения, пользования и распоряжения, отчуждаются тем же порядком, но с тем, что отчуждение таковых земель для продолжения дорог (кроме железных), оросительных каналов (арыков), для возведения казенных и общественных зданий и на военные надобности, предоставляется власти ген.-губернатора.

294. Порядок вознаграждения владельцев за отчуждение имущества и земли и оценки устанавливается на основании общих законов империи, но ген.-губернатору предоставляется право утверждать выдачу вознаграждения по каждому случаю отчуждения на сумму до 30 000 руб., если на выдачу сего вознаграждения было испрошено разрешение и на сей предмет имеются суммы на государственной росписи.

Устройство русских поселений.

295. Свободные государственные земли Туркестанского края, остающиеся в распоряжении правительства (ст. 257, 261 и 262) имеют преимущественным назначением водворение на них русских поселенцев.

296. Русские поселения устраиваются без стеснения туземного населения. В случае необходимости в искусственном орошении земель правительство оказывает для сего обществам переселенцев необходимое пособие.

297. Определение местностей края, в которые могут водворяться переселенцы и размеры земельных для них участков предоставляется ген.-губернатору. Размер участков не должен превышать: для земель с искусственным орошением 3-х, а для прочих земель 10 десятин на работника.

298. По мере приведения в известность свободных земель, годных для

водворения на них поселенцев, ген. губернатор сообщает о том министру внутренних дел, по распоряжению которого нужные сведения объявляются лицам, изъявившим желание переселиться в Туркестанский край.

299. К переселению в Туркестанский край, на основании настоящих правил допускаются только сельские обыватели России христианского исповедания.

300. Русские пересенцы в Туркестанском крае пользуются следующими льготами:

а) в течение первых пяти лет по водворении они освобождаются от оброчной подати, а в течение следующих пяти лет уплачивают эту подать в половинном размере. По окончании 10 лет облагаются оброчной податью в полном размере;

б) по просьбам, касающимся переселения в край, освобождаются от гербового сбора.

301. Переселенцы никаких пособий от казны по водворению не получают, но на образование сельских обществ не менее 100 дворов, правительство устраивает школу и содержит оную в течение 5 лет, а где будет признано необходимым — и церковь.

302. Русские поселенцы, водворенные в Туркестанском крае, образуют отдельные сельские общества. Они владеют отведенными им земельными участками на праве наследственного пользования и распоряжения, но в течение льготных десяти лет передача земельных участков другим лицам допускается не иначе, как по устройству усадьбы и с разрешения областного правления.

303. Нижние чины войск Туркестанского военного округа, уволенные в запас или в отставку, могут просить о водворении их на казенных землях в крае. Водворение и устройство этих чинов возлагается на особое попечение ген.-губернатора.

304. Нижним чинам отводятся земельные участки наравне с переселенцами из внутренних губерний (ст. 297, 301, 302) и они освобождаются вполне от оброчной подати в течение 10 лет со дня водворения.

305. При водворении нижних чинов в городах, местное начальство входит с городскими управлениями в соглашение об отводе им бесплатно или о продаже им участка для постройки домов.

306. Водворяющимся нижним чинам производится единовременное пособие не свыше 100 руб. каждому. Половина этого пособия выдается при водворении, а остальная часть, по удостоверению в том, что получившее пособие лицо обзавелось усадьбой.

307. Если кто из водворенных нижних чинов оставит Туркест. край ранее 10 лет со дня приписки к сельскому обществу или городу, то отведенный ему участок возвращается по принадлежности.

308. На воспособление обществам переселенцев для устройства искусственного орошения, школ и церквей, а также на пособие нижним чинам, в распоряжение ген.-губернатора назначается по государственной росписи особый кредит.

Права состояния туземцев.

105. Туземцы Туркестанского края (кочевые и оседлые) пользуются правами сельских, а живущие в городах — городских обывателей. Права и имущества, присвоенные другим обывателям Российской империи, приобретаются туземцами на основании общих законов.

106. Туземцы Туркест. края во внутреннем своем быте, в правах брачных, семейных и имущественных, в порядке наследования и опеки и в сделках между собой, личных и имущественных, руководствуются своим обычным и письменным правом (адат и шариат).

107. Туземцы Турк. края освобождаются лично от воинской повинности.

Сводка замечаний на раздел

«Поземельное устройство Туркестанского края» в проекте графа Игнатьева, составленная военным министерством

Замечания

Самый существенный вопрос для Туркестанского края — это поземельное его устройство, от правильного разрешения которого зависит благосостояние населения.

Большинство членов последней комиссии, не согласившись с мнением ревизии о необходимости укрепления за оседлыми жителями права полной собственности на землю, пришло к заключению, что земли, состоящие в действительном пользовании жителей, следует признать государственными, но оставить их населению на праве наследственного владения, пользования и распоряжения, с обязательством уплаты оброчной подати: причем переуступка означенных прав допускается по обычаю. Против предлагаемого большинством комиссии разрешения поземельного вопроса высказались министры внутренних и иностранных дел.

1. Действительный тайный советник граф Толстой находит, что название земель государственными не соответствует понятию о полной собственности на них казны, может повести в будущем к коренному изменению установившихся поземельных отношений, послужив поводом к обширной экспроприации земель от туземцев и потому полагает земли оседлых туземцев укрепить за населением в потомственное владение со свойственными каждому отдельному виду землепользования правами и обязательствами, собственно же государственными признать, кроме принадлежащих государству лесов и на состоящих в общественном пользовании землях, лишь необработанные, впусте лежащие земли, которые по туземным юридическим воззрениям принадлежат государству.

2. Статс-секретарь Н. Гирс разделяя взгляд ревизии на землевладение в Туркестанском крае и находя признание земель государственной собственностью согласно ст. 256 и 257 положения мерою произвольною, вовсе не обусловливаемую духом мусульманского законодательства и при том несогласною с видами и пользою Правительства, полагает, по политическим соображениям внутреннего и внешнего характера, укрепить за оседлым туземным населением земли на праве полной собственности.

3. Туркестанский генерал-губернатор, при обсуждении означенного вопроса в комиссии, хотя и высказался в числе членов большинства, за признание земель населения государственными, но в настоящее время, по объезде края и ознакомлении с местными его условиями, указывает на некоторые неудобства принятого комиссией решения.

Оставление земли за оседлыми туземцами не на праве полной собственности, по мнению генерал-адъютанта Розенбаха, невыгодно отзовется на экономическом состоянии края. Для устранения неблагоприятных от того последствий, генерал-губернатор признает необходимым разрешить туземцам переуступать свои права на землю русским по крепостным актам, хотя такая переуступка и не согласуется с коренными законами империи, не предусматривающими податной передачи по крепостным актам.

4. Министр финансов, принимая во внимание, что земли оседлого населения в Туркестанском крае, за исключением незначительного числа земле-

владельцев на праве полной собственности, подлежат оброчной подати, называя эту форму землевладения оброчною.

5. Министры государственных имуществ и юстиции, разделяя взгляд большинства членов комиссии относительно прав оседлого туземного населения на земли, находящиеся в его пользовании, полагают признать их государственными. По мнению статс-секретаря Набокова, закрепление за туземцами состоящих в их владении земель на праве полной собственности было бы мерою коренною, которая не вызываясь вовсе необходимостью, преградила бы путь к каким-либо изменениям в будущем поземельного устройства. Кроме того признание частного права собственности на земли только оседлых туземцев, не распространяясь на земли кочевников, было бы со стороны правительства ничем неоправдываемым различием в отношении к этим двум группам населения. Между тем как принятие предлагаемой большинством комиссии меры — предоставления земель лишь в постоянное владение и пользование оседлого туземного населения, было бы тем более соответственным, что от Правительства всегда зависело бы предоставить упомянутые земли в полную собственность населения, с выкупом их или в виде дарового надела, если бы это оказалось необходимым по соображению экономических потребностей; и

6. По мнению министра народного просвещения, казалось бы целесообразным разрешение вопроса о поземельной собственности местного населения как еще недостаточно выясненного, отложить до того времени, когда он будет вполне исследован.

В примечании к ст. 257 говорится о недействительности мильковых привилегий, следовательно бывшие мильковые земли могут быть оставлены населению не иначе, как земли амляковые. Ввиду этого упоминание в ст. 265 о бывших мильковых землях, по мнению генерал-губернатора, неудобно, как бы указывая, что в Туркестанском крае были мильковые земли, между тем, как со времени завоевания края мильковые привилегии не признавались русскою властью. По вышеизложенным основаниям генерал-адъютант Розенбах полагал бы ст. 265 исключить из положения.

Точно также генерал-губернатор находит неудобным предоставление ему (объяснительная записка, стр. 86) права в исключительных случаях входить с представлением о даровании льгот по платежу податей владельцам мильков-хурухалис.

Генерал-адъютант Розенбах полагает, что от всяких изъятий в отношении мильковых привилегий следует отказаться, так как никакая осторожность не устранит массы претензий со стороны мильковладельцев вообще, если хотя одному из них будут дарованы льготы по платежу податей.

В ст. 259 говорится, что пользование недрами земли определяется общими узаконениями империи.

В Туркестанском крае есть земли частные, на праве полной собственности, и государственные двух родов: 1) казенные, свободные земли, оставшиеся в распоряжении правительства и 2) предоставленные в общественное пользование населения или во владение, пользование и распоряжение отдельных лиц и учреждений.

Общие установленные горным уставом правила для разработки недр земли в империи, по мнению министра государственных имуществ без затруднения могут быть применены в Туркестанском крае к землям частным и казенным, свободным, но относительно земель, предоставленных в общественное пользование населения или во владение, пользование и распоряжение отдельных лиц и учреждений в горных законах нет постановлений, которые могли бы быть применены к ним без нарушения существенных интересов горного промысла или сельского хозяйства.

Ввиду сего статс-секретарь Островский признает необходимым для разработки недр земли означенного рода издать особые правила, при со-

ставлении которых были бы приняты в соображение все местные особенности края, и затем ст. 259 отредактировать таким образом:

Пользование недрами земель, состоящих на праве частной собственности, и земель казенных свободных, определяется общими узаконениями империи, для таковых земель изданными; относительно же недр земель государственных, предоставленных в общественное пользование населения или во владение, пользование и распоряжение отдельных лиц и учреждений имеют быть изданы в установленном порядке особые правила, составленные министром государственных имуществ по соглашению с туркестанским генерал-губернатором.

Министр государственных имуществ полагал бы разъяснить в положении, могут ли быть предоставлены какие-либо права по отношению к пользованию государственными лесами, как кочевому населению, так и оседлому и притом бесплатно или за деньги.

Ст. 262. Государственный контролер полагает, что при отводе впусте лежащих земель для оживления новыми самостоятельными арыками, необходимо ограничить размер отвода обществам не более 5 дес. на работника, а частным предпринимателям не свыше 30 дес. на отдельное лицо.

Ст. 262. Министр государственных имуществ полагал бы дополнить указанием, что Туркестанский генерал-губернатор при отводе свободных земель разным лицам в срочное или наследственное пользование, должен руководствоваться правилами изложенными в уставах: оброчном и о городском и сельском хозяйстве (т. VIII, ч. I т. XII, ч. II).

Точно также эту статью, по мнению статс-секретаря Островского, следовало бы дополнить тем, что из остальных свободных земель, а равно из предназначенных под водворение переселенцев, до отвода им этих земель, должны быть образованы оброчные статьи, для извлечения из них дохода посредством сдачи в аренду.

Объяснения и возражения

Комиссия вполне сознавая всю важность поземельного вопроса для дальнейшего развития края, подвергла его самому тщательному и всестороннему обсуждению.

Для предварительной разработки его была образована подкомиссия из 10 членов; обсуждение составленного ею проекта заняло пять заседаний комиссии, которая пришла к заключению, что на основании имеющихся в настоящее время данных не только возможно, но неотложно необходимо разрешение означенного вопроса.

Дальнейшее оставление населения после двадцатилетнего владения нашего краем в неизвестности относительно поземельных его прав, представляется не только неудобным, но едва ли даже осторожным с политической точки зрения.

Большинство членов комиссии, признавая земли оседлых туземцев Туркестанского края государственными, не придавало им значения полной собственности казны и остановилось на этом названии после продолжительных прений, только потому, что по мнению того же большинства, все земли страны, на основании постановлений шариата, принадлежит государю, подобно тому, как у нас в России князь в древние времена считался собственником государственной земли, которая находилась в пользовании населения. Земли, принадлежащие государю страны, не составляют земель государственных или удельных; они состоят во владении, пользования и распоряжения населения, с уплатою за то известной части валового дохода.

Последнее обстоятельство приближает их к понятию о наших государственных землях. Вот причина, почему большинство членов комиссии и придало им указанное название. То же большинство не признало возможным укрепить за оседлыми туземцами право полной собственности на земли, находящиеся в их владении, пользовании и распоряжении потому что вла-

дение землею по шариату обусловливается ее обработкою. Оставленная без обработки в течение трех лет земля отбирается от ее владельца. Это последнее условие лишает существующее в крае землевладение главного основного принципа, на котором зиждется истинное право собственности, именно права вечного владения и распоряжения землею, независимо от того, обрабатывается она или нет. Из вышеизложенного видно, что большинство комиссии, признавая земли государственными, имело в виду с одной стороны сохранить за государством предоставляемое ему мусульманским законодательством право отобрания земель от владельца, в случае необработки ее в течение трех лет, а с другой — придать поземельной подати характер оброчной, которая по духу нашего законодательства, взимается только с земель государственных. При мусульманском мировоззрении на землю, по которому необработанная в течение трех лет земля отбирается от ее владельца, и при существующем в мусульманских странах размере и способе ее обложения государственными сборами предоставление земли оседлому туземному населению на праве полной собственности не соответствует понятию о таковой собственности и поэтому не может быть допущено.

По вышеизложенным соображениям, казалось бы более осторожным придерживаться заключения большинства комиссии, признающего земли оседлых туземцев государственными, предоставленными им на праве наследственного владения, пользования и распоряжения, с обязательством уплаты оброчной подати, причем переуступка означенных прав разрешается по обычаю.

Но при этом, ввиду заявления генерал-губернатора который к сожалению, уклонился от выражения своего мнения по существу вопроса столь первостепенной важности и ограничился только указанием некоторых неудобств от непризнания земель за населением на праве полной собственности, о необходимости допустить переход земельных прав от туземцев к лицам христианских исповеданий, казалось, следовало бы разрешить таковую переуступку по крепостным актам, с платежом тех же сборов, кои платили прежние их владельцы.

Если ввиду воззрений тех лиц, которые не согласны с заключением большинства комиссии и для устранения наименования земель, находящихся во владении пользования и распоряжения оседлых туземцев государственными, предложение министра внутренних дел будет признано более соответствующим (нежели мнение большинства комиссии министров государственных имуществ и юстиции), то редакцию ст. 255 и 257 следовало бы изложить так:

ст. 255. Земли Туркестанского края, находящиеся во владении, пользовании и распоряжении оседлого туземного населения, остаются за ним в потомственном владении по обычаю.

Ст. 257. Земли, предоставленные в общественное пользование кочевого населения и свободные, остающиеся в распоряжении правительства, признаются государственными.

Примечание. Мильковые привилегии признаются недействительными.

При таком определении поземельных прав туземного населения устраняются указанные генерал-губернатором неудобства. Туземцы могут свободно продавать русским по крепостям, закладывать и предоставлять в залог по подрядам принадлежащие им земли.

Вместе с тем, принимая во внимание, что переход земель от туземцев к лицам христианских исповеданий не должен сопровождаться ущербом в доходах казны, необходимо постановить правилом, что земли, приобретенные от мусульман лицами христианских вероисповеданий на праве полной собственности, облагаются теми же сборами, кои платили мусульмане.

В случае признания за населением прав потомственного владения на

принадлежащие ему земли, редакция статей, в коих упоминается о правах населения на землю, а именно: ст. 261, 267, 268, 290, 293, 309 и приложение к ст. 314, § 14 пп. в, с и § 22 должна быть соответственно заменена.

Предложение статс-секретаря Долинова отложить разрешение поземельного вопроса до времени полного его исследования не может быть принято потому, что скорейшее разрешение означенного вопроса, по соображениям, приведенным выше, представляется настолько необходимым, как в видах экономического развития края, так и для обеспечения населению прав по землевладению, около 20 лет остающихся в законе неопределенными.

По вышеприведенным доводам, казалось бы возможным согласно с мнением генерал-губернатора (ст. 257 о мильках) означенную ст. исключить из положения, тем более, что при существующем в Туркестанском крае обложении амляков наравне с мильками, податным налогом, мильки утратили свое привилегированное положение по платежу податей; что касается права милько-владельцев жертвовать в вакуф принадлежащие им земли, то это право, на основании ст. 275 проекта положения, предоставляется всем землевладельцам, но не иначе, как с разрешения генерал-губернатора и без освобождения от уплаты государственных податей и повинностей; следовательно, и в этом отношении амляки сравниваются с мильками, которые при таком положении дела, не представляя отличия от амляков, само собою переходит в разряд сих последних.

Принимая во внимание, что предоставление льготы от платежа податей хотя одному владельцу мильк-хурухалис, при самой строгой осмотрительности, вызовет ходатайства о том же лиц, считающих себя владельцами мильков вообще, а отказ на подобные просьбы может возбудить неудовольствие в среде просителей, которые за время владения нашего краем, не признававшего мильков, свыклись с мыслью о потере таковых привилегий, казалось бы возможным согласиться в данном случае со взглядом генерал-губернатора.

К изменению редакции означенной статьи (ст. 259 о недрах) согласно заключению статс-секретаря Островского, препятствий не встречается.

Вопрос о праве населения пользоваться государственными лесами был в обсуждении комиссии.

Из ревизионного отчета видно, что рубка государственных лесов распоряжениями бывших генерал-губернаторов воспрещена, причем особою инструкциею, изданною генерал-лейтенантом Черняевым, разрешена продажа валежника и бурелома по утвержденной таксе.

Таким образом население в настоящее время не имеет права бесплатного пользования казенными лесами.

Изменение существующего порядка не вызывается местными условиями.

Ввиду сего комиссия ограничилась только указанием, что отпуск лесных материалов и такса на них должны быть определены в особой инструкции о государственных лесах в Туркестанском крае, составленной по соглашению генерал-губернатора с министром государственных имуществ.

Точно также предположения о предоставлении населению прав сбора топлива на свободных государственных землях дикорастущими кустарниками вне лесных дач, отклонены комиссиею, ввиду представляемых ими неудобств.

Заявление же в положении о праве населения производить сбор топлива на государственных землях было бы мерою неосторожною, она может повести к тому, что население под видом сбора топлива, станет въезжать в леса, для охраны коих средства лесной стражи не вполне достаточны. Равным образом широкое пользование дикорастущими кустарниками в сыпучих песках может повести к совершенному их уничтожению, а вместе с тем, к дальнейшему распространению песков.

О ст. 262 — отвод впусте лежащих земель.

Означенный вопрос был возбужден в комиссии и решен отрицательно по следующим соображениям.

В настоящее время земли впусте лежащие, не приносят казне никакого дохода. С проведением на них самостоятельных арыков они хотя и будут освобождены, сообразно значительности сооружений, от оброчной поземельной подати на известный срок, но по истечении его будут платить подать наравне с прочим населением. Таким образом, площадь орошенной земли, а с нею и благосостояние населения увеличится, а вместе с тем казна получит новый источник для извлечения дохода.

Если в некоторых местностях возобновление существовавших когда-то прежде арыков, обойдется недорого, то большинство земель для своего оживления потребует новых самостоятельных арыков, с значительными затратами. В последнем случае ограничение отводимой площади небольшим размером может иметь неблагоприятное влияние на развитие предприятий подобного рода.

Отвод земли и проведение новых арыков разрешаются генерал-губернатором, от него будет зависеть, соображаясь с местными условиями, без стеснения кочевого населения в его скотоводном промысле, и оседлого в пользовании водою, необходимою для орошения полей, определить размер отводимой для оживления площади земли и освобождение ее от податей на известный срок. Ввиду сего казалось бы возможным, согласно мнению комиссии, не ограничивать отвод площади для орошения известным размером.

Принятие означенного дополнения (предложение министра государственных имуществ, по статье 262) признается возможным.

По закону свободные казенные земли, для извлечения из них доходов, вообще обращаются в оброчные статьи, с отдачею в аренду, ввиду сего, казалось бы излишним упоминать о том особо в настоящем положении.

Поземельное устройство оседлого населения

Замечания

Ст. 266. Генерал-губернатор полагает, что не следует делать обязательным сохранение той формы землевладения, в какой застанет ее момент введения положения, без возможности дальнейшего ее изменения, почему и предлагает в ст. 266 слово «сохраняется» заменить словом «допускается».

Генерал-губернатор полагает ст. 267 дополнить примечанием, что земли, обрабатываемые под дождь (богарные или ляльми) отводятся населению и снимаются на план лишь в том случае, если такие земли лежат сплошными площадями и при том смежно с участками, орошаемыми и если об отводе их будет просить само общество. Такие земли, как не постоянно обрабатываемые, по вычислению оброка, в Ферганской области сравнивались с землями переложными.

Снятие на план остальных богарных земель, разбросанных отдельными клочками, а равно и вычисление нормальной доходности их, вполне зависящей от количества атмосферных осадков в каждый данный год является совершенно невозможным. Поэтому пользование этими последними землями, по мнению генерал-губернатора, следовало бы обусловить лишь платежом хераджа в размере $^1/_{10}$ урожая и земского сбора, наравне с остальными землями края.

Ст. 272. генерал-губернатор полагал бы дополнить, что сбор с вакуфных земель поступает в казначейство и затем из него производятся выдачи означенного сбора вакуфным учреждениям в размере, указанном в вакуфном документе.

По ст. 276 право признания вакуфных документов, принадлежит областным правлениям, а в приложении к ст. 314 упоминается, что исследование

вакуфных прав и представление о них заключения возлагается на комиссаров и поземельно-водные комиссии.

В силу сего генерал-губернатор предлагает ст. 276 редактировать так: исследование вакуфных документов и определение прав по оным возлагается на поземельно-податные учреждения.

Ст. 276. Министерство иностранных дел, признавая необходимым, для разъяснения о вакуфах в Туркестанском крае, тщательное изучение условий их существования, полагает, что задача эта, по своей специальности и сложности не может быть выполнена областными правлениями.

При дробности вакуфных имуществ и разнообразии условий, коим они подчинены, управление оными, по мнению министра иностранных дел, окажется крайне обременительным для означенных правлений и неизбежно поведет к ошибкам, которые невыгодно отзовутся на интересах учреждений и лиц, пользующихся доходами с вакуфов, и таким образом затронут религиозные убеждения туземного населения.

Ввиду этого министерство иностранных дел находит, что ст. 276 положения окажется неприменимою на практике и что рассмотрение вакуфных документов и наблюдение за правильностью употребления доходов с вакуфных имений следует, как полагала ревизия, возложить на особые управления в Новом Маргелане, Самарканде и Ташкенте под председательством правительственных лиц, по назначению генерал-губернатора, и с непременным допущением в состав этих управлений мутавалиев и даже лиц мусульманского духовенства по выбору администрации. Только эти лица, как знакомые с шариатом и могут дать правильное указание относительно истолкования шариатских документов. Если и допустить, как полагало большинство членов комиссии, что мутавалии и казии не в состоянии отнестись с должным беспристрастием к разбору документов, то присутствие в вакуфных управлениях правительственных лиц в звании председателей, которые без всякого сомнения, позаботятся о том, чтобы непосредственно ознакомиться с предметом, послужит достаточною гарантиею против извращения смысла вакуфных документов.

Означенные управления следует подчинить надзору и контролю областных правлений, а содержание их должно быть оплачиваемо из доходов с вакуфных имуществ.

Затем до приведения в известность вакуфных документов и вообще до всестороннего изучения означенного сложного вопроса, министерство иностранных дел полагало бы, в видах осторожности не облагать вакуфные имущества никакими новыми сборами.

Ст. 277. Двухлетний срок для предоставления вакуфных документов настолько продолжителен, что, по мнению генерал-губернатора, может надолго задержать поземельноподатные работы, в особенности в тех местностях, в которых они будут начаты; вследствие сего генерал-адъютант Розенбах полагал бы назначение срока для представления вакуфных документов применительно к местным обстоятельствам предоставить генерал-губернатору, на него возложить и издание инструкции поземельно-податным учреждениям об основаниях к рассмотрению вакуфных документов и определение прав по ним.

Затем редакцию ст. 257 генерал-губернатор предлагает следующую:

Срок для представления вакуфных документов и основания к рассмотрению оных определяются инструкцией генерал-губернатора.

Генерал-губернатор, признавая необходимым скорейшее рассмотрение вакуфных документов на земли в Ферганской области, с одной стороны, в интересах государственного казначейства, потому что из числа земель, считающихся вакуфными, некоторые могут не оказаться таковыми, а с другой — ввиду постоянных жалоб вакуфовладельцев на зачисление принадлежащих им земель в надел обществам, с обращением оброчной с них подати в казну, полагает за отсутствием в Ферганской области поземельно-по-

датных учреждений, образовать особую временную комиссию, с отнесением потребного на содержание ее расхода 8200 р. в год на земский сбор.

В отношении рассмотрения этою комиссией вакуфных документов, и представления их на утверждение в областное правление следует применить порядок, проектируемый в настоящем положении.

Объяснения и возражения

Проектируемое комиссиею постановление, сохраняя за населением форму землевладения по обычаю, никак не имеет в виду непременное оставление ее в том виде как застанет положение; переход к другой зависит от добровольного соглашения землевладельцев и потому в предлагаемом изменение редакции не представляется надобности.

Земли, орошаемые естественно атмосферною влагою, так называемые ляльми, засеваются преимущественно яровыми хлебами, отчего они называются также и богарными; такие земли по большей части находятся вдали от селений на скате или вершине гор.*

В Зеравшанском округе, где их изобилие, и в Ферганской области они обложены хераджным сбором в размере $^1/_{10}$ урожая. По средней сложности за последние три года означенный сбор в названных частях края составляет до 54000 руб. в год.

Некоторые из богарных земель находятся во владении населения по обычаю или на основании имеющихся туземных документов, другие засеваются как местными жителями, так и приходящими из соседних бухарских и других среднеазиатских владений: богарные земли того и другого рода уплачивают в казну хераджа в размере $^1/_{10}$ урожая.

В Ферганской области часть богарных земель прирезана селениям и отнесена по обложению оброчною податью к разряду перелогов.

Означенная прирезка, произведенная даже с согласия населения, вызвала в Ферганской области массу жалоб.

Ввиду бывшего уже опыта сопровождавшегося неудовольствием населения, прирезка земель к селениям признается неудобною.

Богарные земли, как сказано выше, бывают двух родов: одни, находящиеся во владении, пользовании и распоряжении населения на основании обычая или документов, казалось бы должны быть оставлены за населением в наследственное владение; все остальные должны составлять свободные государственные земли. Применение к землям первого разряда общего правила обложения земель ежегодною поземельною (оброчною) податью, в определенном, на несколько лет неизменном, размере, представляется невозможным потому, что они не постоянно обрабатываются. В данном случае следует придерживаться существующего способа взимания поземельного сбора в виде хераджа, в размере $^1/_{10}$ урожая, с прибавлением к нему в земский сбор, процентной надбавки, наравне с остальными землями края.

Относительно богарных земель второго разряда, нельзя не заметить, что применение к ним общего установленного для государственных имуществ, порядка, то есть обращения их в казенные оброчные статьи, с отдачею в аренду, едва ли возможно, потому что таковые земли большею частью разбросаны отдельными клочками, количество посевов на них, находящихся в полной зависимости от атмосферной влаги, ежегодно меняется при таких условиях едва ли найдутся арендаторы.

Для извлечения с них принадлежащего казне дохода, остается единственное средство обусловить пользование таковыми землями за плату в казну хераджного и земского сбора в том же размере, как с богарных земель, состоящих в наследственном владении.

---

* В первом случае они орошаются весеннею влагою от таяния снегов, во втором — перепадающими в горах дождями.

По вышеизложенным соображениям, следовало бы ст. 264 дополнить примечанием в такой редакции: с земель богарных взимается хераджный сбор.

В означенной статье определено, что сбор с вакуфных земель выдачей названного сбора в размере, соответствующем вакуфном документам, должна производиться из казначейства. Ввиду вышеизложенного предлагаемое дополнение казалось бы излишним.

Комиссия, возлагая на областные правления, взамен проектированных ревизиею особых вакуфных управлений обязанности по признанию вакуфных документов, имела в виду, что образуемые поземельно-податные учреждения, на которых также будут лежать, между прочим исследования вакуфных прав на землю и представление о них заключений, значительно облегчают в данном случае труд областных правлений. Эти последние хотя и будут заведывать поземельно-податным устройством, но относить их в разряд поземельно-податных учреждений, ввиду обширного значения областного правления, которое, на основании ст. 665, т. II, ч. 1, свод зак. изд. 1876 г., есть высшее областное место, не представляется возможным, почему казалось необходимым, при исчислении обязанностей правления по заведыванию вакуфами, упомянуть, что признание вакуфных документов принадлежит областным правлениям. По вышеизложенным основаниям следовало бы редакцию ст. 276 оставить без изменения.

Вопрос о вакуфах, ввиду важного значения его в политическом и религиозном отношениях, был подвергнут в комиссии подробному обсуждению, причем решено: земельные вакуфы, документы на которые будут признаны русской властью законными, подразделить на два разряда.

1) заселенные, оставляемые за поселенными на них лицами, с обложением их денежным сбором в размере равном государственной оброчной подати и 2) незаселенные, оставляемые за вакуфными учреждениями. Сбор с населения взимается порядком, установленным для оброчной подати и поступает в распоряжение вакуфного учреждения в размере, определенном в вакуфном документе.

В мусульманских странах земельные, благотворительные даже вакуфы, если они не освобождены совершенно, о чем упоминается в вакф-наме, от податей и повинности, уплачивают хераджный и танапный сборы в размерах, определенных вакуфными документами.

Ввиду сего, признавая существующее в Туркестанском крае освобождение земельных вакуфов от платежа казенных и земских повинностей, несправедливым, большинство комиссии пришло к заключению о необходимости обложения их государственною оброчною податью, в размерах, определенных названными документами, и соответственно с тем земским сбором. Принимая во внимание, что проектируемое большинством комиссии обложение вакуфных земель, на основании вакуфных документов, взамен хераджа и танапа, оброчною податью, не противоречит религиозным понятиям мусульман, казалось бы не представляется надобности откладывать, как предлагает министерство иностранных дел, на неопределенное время ведения денежных сборов с вакуфных земель.

Точно также, едва ли можно согласиться с мнением министерства иностранных дел, что присутствие в предлагаемых к учреждению вакуфных управлениях правительственных лиц, в качестве председателей, послужит достаточною гарантией против извращения смысла вакуфных документов. Казалось бы более осторожным, не учреждая, для заведывания вакуфами особых управлений, в состав которых преимущественно входят мусульмане, возложить на областные правления, как предлагало большинство комиссии, признание вакуфных документов, наблюдение за правильностью употребления вакуфных доходов и право ревизии. По делам этого рода следовало бы предоставить областным правлениям, в случае надобности, приглашать в качестве экспертов казиев, мутавалиев и других лиц, хорошо знакомых с

вакуфным вопросом. При таких условиях едва ли есть основание опасаться за успешный ход дела.

С мнением генерал-губернатора, что двухлетний срок надолго задержит поземельно-податные работы, едва ли можно согласиться по следующим соображениям.

Работы поземельно-податных учреждений, по всей вероятности, протянутся более двух лет, следовательно, эти учреждения будут в состоянии произвести разбор всех вакуфных документов, до окончания своих действий.

В случае признания за вакуфным учреждением, на основании представленного, по окончании работ документа, права на получение известного дохода с земли, все дело ограничивается только тем, что из суммы оброчной подати, поступившей в казначейство, должно будет выдать вакуфному учреждению причитающуюся на его долю часть.

Разъяснив таким образом неосновательность опасения, что двухлетний срок для представления вакуфных документов затормозит окончание поземельно-податных работ, казалось бы возможным означенный срок оставить без изменения.

Генерал-губернатору, на основании п. 25 прил. к ст. 314, предоставляется издать инструкцию поземельно-податным учреждениям, а потому упоминание в ст. 277 о его праве издать инструкцию для рассмотрения вакуфных документов представляется излишним.

Приложение 10

Раздел

«Поземельное устройство Туркестанского края» в Законе об управлении краем 1886 года.

Глава I.

Поземельное устройство оседлого населения.

255. За оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в потомственном его владении, пользовании и распоряжении (земли амляковые), на установленных местным обычаем основаниях, с соблюдением при том нижеследующих правил (ст. 256 и пр.).

256. Воды в главных арыках, ручьях и озерах предоставляются населению в пользование, по обычаю.

257. Дикорастущие леса на землях, находящихся во владении туземного населения, а также свободные земли, признаются государственной собственностью.

258. На землях, принадлежащих государству, местному населению предоставляется право пасти скот и собирать песок, камень и глину.

259. Пользование землями, утвержденными за сельскими обществами, может быть или общинное, или подворно-участковое, сообразно существующему в каждой местности обычаю.

260. Постройки и насаждения, произведенные отдельными домохозяевами на состоящих в их пользовании землях, составляют полную собственность означенных лиц.

261. Передача земельных участков между туземцами, наследование сих имуществ и раздел оных совершаются по соблюдаемым в каждом месте,

между туземцами, обычаям. Передача же упомянутых участков лицам, не принадлежащим к туземному населению, но имеющим право приобретать земли в Туркестанском крае (ст. 262), совершается крепостным порядком. При этом покупатель приобретает те только права на купленную землю, которыми пользовался продавец во время продажи оной.

262. Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицам, не принадлежащим к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианского вероисповедания, воспрещается.

Примечание. Воспрещение сие не распространяется на уроженцев сопредельных с Туркестанским краем среднеазиатских государств.

263. На земли, утвержденные за туземным населением (ст. 255) выдаются по мере снятия их на план, особые на право владения свидетельства, заготовляемые по распоряжению областного правления.

264. Земельные участки, утвержденные за оседлым сельским населением, в случае смерти хозяев и не оставления ими наследников, поступают в распоряжение того сельского общества, к которому лица сии принадлежали.

265. Населенные земли, входящие в состав признанных правительством вакуфов, остаются в владении сельских обществ, на основаниях, определенных статьями 255—261, 263 и 254 сего положения. Ненаселенные земли, составляющие признанные правительством частные вакуфы, оставляются за теми лицами, в пользу которых вакуфы учреждены и наследников этих лиц до пресечения их потомства.

266. Учреждение новых вакуфов допускается не иначе, как с разрешения генерал-губернатора, который дозволяет сие единственно в случаях, заслуживающих особого уважения.

267. Утверждение вакуфных документов, устройство управления вакуфами, наблюдение за правильностью употребления вакуфных доходов и право ревизии их принадлежит областным правлениям.

Примечание. В областях Сыр-Дарьинской и Самаркандской первоначальное исследование вакуфных документов и определение прав по оным для постановления решений областными правлениями, возлагается на временные поземельно-податные установления.

В Ферганской области для рассмотрения вакуфных документов и представления их на утверждение областного правления, учреждается особая временная комиссия.

268. Земли городские состоят во владении, пользовании и распоряжении подлежащих городских обществ, на правах, определенных в тех законоположениях, на основании которых образовано общественное устройство и управление сих городов.

269. Усадебные участки, отведенные городским жителям в черте городов, признаются собственностью этих лиц.

Глава II.

Поземельное устройство кочевого населения

270. Государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное общественное пользование кочевников, на основании обычаев и правил настоящего положения.

271. Находящиеся в пользовании кочевников земли делятся на зимовые стойбища (зимовки), летние кочевья (летовки) и обрабатываемые земли.

272. Зимовые стойбища предоставляются в бессрочное общественное

пользование каждой волости отдельно, по действительному пользованию и согласно обычаям, а в случае споров — по количеству имеющегося скота и размерам хозяйства.

273. Для распределения зимовых стойбищ и разбора споров по поводу этого распределения между волостями уезда, назначаются, с разрешения губернатора, особые съезды. При спорах между волостями разных уездов, съезды собираются по соглашению подлежащих властей. Съезды под председательством особого назначенного губернатором лица, составляются из трех выборных от каждой волости, избираемых порядком, установленным для выборов волостных представителей (ст. 85). Приговоры съездов представляются уездным начальником на утверждение губернатора и вносятся в особые книги, которые хранятся в областном правлении.

274. Распределение зимовых стойбищ производится между аульными обществами — волостными съездами выборных, а в аульных обществах между хозяевами кибиток — аульными сходами. Основанием этого распределения принимается количество скота и размер хозяйства.

275. Каждый кочевник имеет право возводить на отведенном в пользование его для зимового стойбища участке жилые и хозяйственные постройки, и общества не могут требовать сноса их. Означенные постройки составляют собственность их владельцев. Земли, занятые постройками, переходят по наследству, доколе существуют строения. С уничтожением построек земли возвращаются обществу.

276. Летние кочевки предоставляются в общественное пользование волостей целого уезда и самое пользование ими определяется народными обычаями. Киргизы Сыр-Дарьинской области сохраняют право перехода для летнего кочевания в соседние степные области, но пользуются им с разрешения туркестанского генерал-губернатора, который входит в предварительное о том сношение с степным генерал-губернатором.

277. По взаимному соглашению обществ, в местах удобных как на зимовках, так и на летовках, отводятся особые участки для желающих заниматься хлебопашеством и сенокошением. Распределение участков между хлебопашцами предоставляется добровольному соглашению их между собою по обычаям.

278. Постройки, возведенные на пашнях кочевников, составляют их собственность, на основаниях, установленных для построек на зимовых стойбищах.

279. *Земли, состоящие под кочевыми и скотопрогонными дорогами,* предоставляются во всеобщее пользование населения края.

Глава III.

Поземельное устройство нижних чинов Туркестанского военного округа

280. Нижние чины Туркестанского военного округа, уволенные в запас или отставку, взамен возвращения их на родину, могут просить о водворении в крае.

281. Означенным чинам предоставляются следующие преимущества: а) им отводятся участки, из свободных государственных земель, не превышающие десяти десятин на работника и б) в течение первых десяти лет по водворении они освобождаются от уплаты государственного поземельного налога. Сверх того им производится единовременное пособие, в размере не свыше ста рублей каждому, с выдачей половины означенного пособия при водворении, а остальной половины по обзаведении водворившегося усадьбою. Расход по назначению сих пособий покрывается за счет сумм, ассигнуемых из государственного казначейства.

282. Право на получение означенного в статье 281 пособия и на освобождение от государственного поземельного налога распространяется также на нижних чинов, водворившихся на городских землях.

283. Участки водворенных нижних чинов, оставивших Туркестанский край ранее десяти лет со дня приписки к сельскому или городскому обществу, отбираются в казну и поступают в ведомство государственных имуществ.

284. Водворение в Туркестанском крае нижних чинов и устройство их быта возлагается на попечение генерал-губернатора.

Правила

о введении поземельно-податного устройства в Туркестанском крае.

1. Поземельно-податное устройство в областях Сыр-Дарьинской и Самаркандской вводится постепенно, по мере окончательного, в каждом уезде, приведения в известность земель, как принадлежащих частным лицам, обществам и установлениям, так и состоящем в бессрочном их владении, пользовании и распоряжении, и по мере определения следующего с сих земель налога.

2. В каждой области (ст. 1) устройство поземельно-податной части возлагается на областное правление, поземельно-податную комиссию и поземельно-податных комиссаров, при участии начальников съемочных отделений и землемеров.

3. Уезд, исследуемый в поземельно-податном отношении, разделяется на участки, число коих определяется генерал-губернатором, а границы устанавливаются поземельно-податной комиссией. В каждый участок назначается поземельно-податной комиссар и начальник съемочной партии, а также нужное число землемеров: первые двое — генерал-губернатором, а последние — областным правлением.

4. Поземельно-податная комиссия состоит, под председательством уездного начальника, из податного инспектора (где должность эта учреждена), всех поземельно-податных комиссаров уезда, а также участковых приставов, насколько прямые их обязанности по службе дозволяют принимать участие в занятиях комиссии, и заведующего съемкою в уезде. Последний назначается генерал-губернатором. Делопроизводство по комиссии возлагается на канцелярию уездного начальника.

5. Областному правлению подчиняются все в области поземельно-податные чины и установления. Оно заведывает личным их составом, наблюдает за деятельностью их и разрешает встречаемые ими сомнения. Для делопроизводства по поземельно-податной части, при областном правлении учреждается временное отделение по штату.

6. Всякого рода и наименования документы, устанавливающие вакуфные права на земли, должны не позднее шести месяцев со дня обнародования сих правил быть представлены в местные, по состоянию сих имуществ, областные правления. Документы, представленные в упомянутые установления по истечению означенного срока признаются недействительными. Затем, по рассмотрению представленных на этом основании документов, явно подложные или утратившие силу оставляются без последствий, порядком указанным в статье 17, а остальные передаются в свое время (ст. 7) подлежащему поземельно-податному комиссару.

7. Действия по поземельно-податному устройству в каждом уезде открываются в срок, определяемый генерал-губернатором, приведением в известность земель частных лиц, обществ и установленный (ст. 1).

8. Земли описываются и снимаются на план, на основании показаний владельцев оных и смежных недвижимостей. Для присутствия при приведении в известность недвижимого имущества, принадлежащего сельскому обществу или граничащего с его землею, подлежащим обществом избира-

ются депутаты: в первом случае — от трех до шести, а в последнем — в числе двух. Надзор за правильной, в хозяйственном отношении, съемкой земель возлагается на поземельно-податного комиссара, а руководство землемерами и наблюдение за их работами в техническом отношении принадлежит начальнику съемочной партии.

9. На обязанности земельно-податного комиссара лежит собрание сведений, необходимых для оценки земель и обложения их налогом. Сведения эти доставляются в поземельно-податную комиссию, которая, на их основании, определяет средние по уезду урожаи преобладающих по количеству и по доходности продуктов и цены на эти продукты, по возможности за последние пять лет.

10. Проверив подлинность и содержание каждого из доставленных областным правлением вакуфных документов (ст. 6) и приведя в известность, к какому участку земли он относится, поземельно-податной комиссар постановляет по оному свое заключение.

11. По каждому владению частного лица, общества и установления поземельно-податным комиссаром составляется податной расчет.

12. В податном расчете обозначаются: а) владелец недвижимости и местонахождение ее, а если земля состоит во владении сельского общества, то и число домовладельцев в селении; б) общее количество земли (в десятинах и туземных мерах) и то пространство ее, которое действительно обрабатывается под всякого рода произрастания; в) границы участка; г) система орошения; д) продукты, составляющие главные произведения участка по своему количеству и стоимости; е) доставляемый ими средний урожай; ж) среднесправочные, по возможности, за последнее пятилетие цены на означенные произрастания и з) сумма поземельного налога, ежегодно причитающаяся с участка.

13. Заключения по вакуфным документам и податные расчеты (ст. 10 и 11) поземельно-податной комиссар объявляет владельцам недвижимых имуществ и вакуфов, составляя о сем протокол. В последний заносятся замечания, заявленные на заключение или расчет, после чего все производство препровождается в поземельно-податную комиссию.

14. Усмотрев в представленном производстве (ст. 13) неполноту, неточность или неправильности, комиссия или сама исправляет замеченные ею недостатки, или поручает подлежащему комиссару сделать это на месте. Затем расчеты и заключения, со всеми принадлежащими к ним бумагами, представляются в областное правление.

15. Рассмотрев вакуфные документы в связи с заключением по каждому из них поземельно-податных комиссаров и комиссии, областное правление постановляет решение о признании или непризнании вакуфного права.

16. В случае признания вакуфного права, областное правление по документам, выданным на землю не населенную, определяет, в какой мере она освобождается от поземельного налога (полож. об упр. Турк., кр. ст. 28 бп. б), а по документам, касающимся населенной земли, устанавливает права казны и вакуфа на причитающийся с земли налог (там же, ст. 299).

17. Определение областного правления по вакуфным делам (ст. 15 и 16) поступают на утверждение генерал-губернатора.

18. Найдя представленный ему податной расчет (ст. 14) правильным, областное правление утверждает его. Расчет, требующий изменений, по поводу его неправильности, или же вследствие решения, состоявшегося в областном правлении относительно имущества, заявленного вакуфным (ст. 16), возвращается в поземельно-податную комиссию для надлежащих исправлений. О тех случаях, когда последняя не признала бы возможным произвести в расчете предложенные областным правлением исправления, доводится до сведения генерал-губернатора.

19. По рассмотрении всех по уезду податных расчетов, областное правление представляет на утверждение генерал-губернатора ведомость о сумме государственного поземельного налога, следующего с уезда, и предложения о сроке, в который должно начаться взимание сего налога и земского сбора в том уезде.

20. Областным правлением, на основании податных расчетов, утвержденных установленным порядком (ст. 18), составляются свидетельства на владение землей в двух образцах. Один образец оного выдается владельцу участка, а другой хранится в областном правлении.

21. Определения областных правлений по вакуфным делам, утвержденные генерал-губернатором (ст. 17), а также податные расчеты, утвержденные областным правлением (ст. 18) признаются окончательными и не подлежат обжалованию.

22. По Ферганской области исследование вакуфных прав совершается на основании правил, изложенных в статьях 6, 10, 13—17 и 21, с тою лишь особенностью, что первоначальная проверка документов о вакуфах уезда производится вакуфными комиссарами, заключение которых рассматривается временной вакуфной комиссией. Она состоит под председательством начальника уезда, из вакуфных комиссаров, из которых один заведывает делопроизводством комиссии. Чины эти подчиняются Ферганскому областному правлению.

23. Общее признание работ по введению поземельно-податного устройства в Туркестанском крае и высший надзор за движением сего дела принадлежит генерал-губернатору.

24. Проекты инструкций, которые генерал-губернатор признает нужными дать поземельно-податным чинам и установлениям, а также все дела по земельно-податному устройству края, восходящие на разрешение генерал-губернатора, предварительно рассматриваются в его совете и, вместе с заключением последнего, поступают на утверждение главного начальника края.

Подписал: председатель Государственного Совета
„Михаил"

Примечания

1. А. Зайончковский «Подготовка и принятие закона 24-го ноября 1866 г. о государственных крестьянах». История СССР № 4, 1958 г.
2. А. Ф. Миддендорф «Очерки Ферганской долины», СПБ ,1882 г., стр. 414.
3. Н. М. Дружинин «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» том I, М. и Л. 1946 г., стр. 6.
4. В. И. Ленин, соч. том 3, стр. 520.
5. История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, стр. 109—112, изд. АН Узб.ССР, Ташкент, 1956 г.
6. История народов Узбекистана, т. II-ой Ташкент 1947 г., стр. 268—269.
7. Е. Зелькина «Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии». Издат. Коммун. Академии, М. 1930 г.
8. К. Мирзаев «Амляковая форма земельной собственности в Бухарском ханстве». Изд. АН Узб. Т. 1954. Выражаем наше согласие с выступлением по поводу этой книги И. С. Брагинского на научной сессии посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, изд. АН Узб. Т. 1955 г.
9. А. М. Аминов Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX века до первой мировой войны). Госиздат Узб. Т. 1959 г.
10. История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, стр. 112.
11. ЦГИА Узб., фонд № 1, оп. 14, арх. д. № 9, л. 1.
12. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 14, арх. д. № 21, л. 4. Штабс-капитан В. Комаров умер в Петербурге в 1870 г. не завершив полностью начатую работу.
13. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 14, арх. д. № 25, л.л. 1—4.
14. ЦГИА Узб. Ф. 1, оп. 14 арх. д. № 25, л. 13. Членам комиссии съезда устанавливалась плата 1 рубль в сутки.
15. IX-й том Свода Законов Гражданских изд. 1875 г. ст.ст. 1208, 1209, 1210, 1214, 1248, 1259, 1316 и 1326. Кроме указанных кочевых инородцев согласно записи в VII-й книге II-й части II тома учреждений существовали в то время управления: а) киргиз кочующих в степях между Каспийским морем, землей Уральского казачьего войска и губернией Астраханской, именуемых киргизами внутренней (Букеевской) орды и б) киргиз кочующих за Оренбургскими линиями — но права состояния их не были определены. Из кочевавших племен лишь только башкирам Пермской и Оренбургской губерний предоставлялось вотчинное право на земли.
16. Кош — пара волов с определенным сель. хоз. инвентарем. Жребий — чак — отсюда чаковые земли.
17. Работа эта была приложена к объяснительной записке первого проекта положения об управлении Туркестанским краем.
18. Н. Торнау «Мусульманское право».
19. Н. В. Ханыков «Описание Бухарского ханства» СПБ. 1843 г.
20. Курамининская комиссия — по словам Николаева — производившая подворный обход — была убеждена в существовании рабства в первые годы после присоединения этой территории к России.
21. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 14, арх. д. № 9-а, л.л. 17—64. Записка полковника Николаева по вопросам землевладения и землепользования в Туркестанской области.

22. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 22, д. № 3, л.л. 97—117. Доклад комиссии генерала Гомзина № 1 «О правах на земли государства».
23. ЦГИА УзССР, ф. оп. 22, д. № 3, л.л. 118—131. Доклад № 2 комиссии генерала Гомзина «о правах на земли населения».
24. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 22, арх. д. № 3, л.л. 89—147. Доклад комиссии генерала Гомзина № 3 — можно предполагать дату этого доклада начало 1870 г.
25. Земли амляк — не отданные государством во владение лица или общества состояли за населением лишь на праве найма или аренды прекращавшегося волей государства.
26. ЦГИА УзССР, ф. 1008, арх. д. № 50 — объяснительная записка к проекту *положения об управлении Туркестанским краем.*
27. ЦГИА УзССР, ф. № 1, оп. 27, арх. д. 1819, л.л. 92—127. Рукопись полковника Л. Н. Соболева.
28. ЦГИА Узб., ф. 1, оп. 20, д. 5091, л.л. 1—2.
29. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 0, д. 5091, л.л. 11—13. Доклад по канцелярии ТГГ от 21-го февраля 1872 г., № 1191.
30. ЦГИА Узб. ф. 1 оп. 20, д. 5091, л. 15. Предписание коллежскому регистратору П. И. Хомутову от 19 марта 1872 г. № 1958.
31. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, д. 1505, л.л. 95—97. Отчет о заседании комиссии генерала Абрамова от 8-го апреля 1872 г.
32. Указанные офицеры являлись одними из лучших знатоков нового края. Продолжительное время до работы комиссии Абрамова они служили по военно-нарядному управлению в разных уездах Туркестана.
33. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, д. 1505, л.л. 286—287. Запись результатов поездки *комиссии в кишлак Сайдан.*
34. Там же, л.л. 288—289 — запись результатов поездки в кишлак Пейшамбе-Сиаб.
35. ЦИГА Узб. ф. 1 оп. 27, арх. д. № 1505, л.л. 375—381. Положение о поземельном устройстве Туркестанского края разработанное комиссией генерала Абрамова.
36. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 27, л. 1505, л.л. 375—381.
37. Там же л.л. 388—384 — положение об обелении земли, т. е. о выкупе оброчной повинности.
38. Там же, л. 328. — положение о вакуфах.
39. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. № 1128 в , л.л. 91—98 — «Правила о порядке введения в действие положений о поземельном и податном устройстве Туркестанского края» — предложенные комиссией генерала Абрамова.
40. ЦГИА УзССР, Ф. 1, оп. 27, д. 1505, л.л. 383—384.
41. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 27, д. 1505, л. 382.
42. Ст.ст. 56—58 правил о порядке введения в действие положения о поземельно-податном устройстве Туркестанского края — рекомендованных комиссией генерала Абрамова в 1872 г. Правила о порядке введения в действие положения о податном и поземельном устройстве Туркестанского края — приложение к проекту 1873 г. В конце этих правил есть раздел VI—О государственных землях, оставшихся за отводом наделов и составляющих казенные оброчные статьи «...56. По выдаче владенных записей уездные съезды, *по представлениям участковых чиновников*, составляют описи свободных государственных земель, орошаемых и способных к орошению, оставшихся за наделом и могущих подлежать отдаче в срочное арендное содержание. Все эти списки включаются по принадлежности, и те земли, кои состоят уже в аренде от казны. Примечание: означенные описи свободных государственных земель сохраняются в уездных управлениях. Копии с них препровождаются в Областное Правление, для составления общих описей по целым областям. Делами по отдаче земель в оброчное содержание ведают Об.

правл. по принадлежности. 57.... Земли, составляющие казенные оброчные статьи, отдаются в аренду с торгов при уездных управлениях, по общему в законе указанному порядку — Торги не производятся только при отдаче земель, засеваемых под дождь (земель богарных или ляльми), которые отдаются желающим под посев, по условиям, заключенным в уездных Управлениях, и по ценам, утвержденным Военными Губернаторами. Порядок отдачи сих земель в аренду и сроки аренды указываются генерал-губернатором. 58...Земли, состоящие в аренде, по выполнении условий оседлости, остаются в потомственном владении арендаторов, за коими укрепляются в надел выдачей владенных записей, на общем основании. Прошения о сем подаются начальниками уездов и разрешаются военными губернаторами.

43. ЦИГА Узб. ф. 1 оп .27, арх. д. № 1505, л.л. 344—346 — «Положение о правах состояния и о местном управлении инородческого и русского населения Туркестанского края» — разработанное комиссией генерала Абрамова в 1872 г.
44. Генерал-лейтенант Колпаковский — помощник Турк. Генерал-Губернатора и командующего войсками, генерал-майор Головачев—военный губернатор Сыр-Дарьинской области, генерал-майор Гомзин, Правитель канцелярии Туркест. ген. губернатора.
45. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. 1820 — материалы по подготовке проекта 1873 г.
46. ЦГИА Узб. ф. 1 ,оп. 27, арх. д. № 1820 — «Проект положения об управлении Туркестанским краем 1873 г.».
47. ЦИГА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. № 1819, л.л. 92—127 — раздел объяснительной записки к проекту 1873 г. касающийся поземельного устройства. Автор Л. Н. Соболев был, в свое время, членом комиссии генерала Абрамова.
48. По документу выданному одним из Бухарских эмиров владевших Ташкентом, Самаркандом, Бухарой и Карши, одна треть всех земель начиная от Карши, через Самарканд и до Ташкента, была предоставлена в вакуф потомкам Хаджи Ахрара. Вся городская земля Самарканда также отдана им. Это самый интересный вакуфный документ, он выделяется своим большим размером. На нем изображена обширная генеология эмиров, разных беков, казыкалянов, казиев и муфтиев. Полагают, что вторая половина этого документа не подлинная.
49. ЦГИА Узб. ф. 1008, арх. д. № 25 — типографский оттиск проекта положения об управлении Туркестанским краем 1873 г. Издательство главного штаба СПБ, 1873 г. — стр.стр. 29—35.
50. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. 1514, л.л. 9—10. В состав комиссии входили: тайные советники Шульц, Костливцев, генерал-майор Богуславский, действительный статский советник Барыков, Мельников, Ислави, Репинский, Ситников, Юрковский, Бычков, полковник Гойер, подполковник Шепелев.
51. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. № 1128-в — журналы заседания комиссии генерала Непокойчицкого — типографский оттиск.
52. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. № 1128-в л.л. 62—82.
53. Там же, л.л. 73—75.
54. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, д. № 1128-в ст. 73—75.
55. ЦГИА Узб. ф. 1, оп 27, арх. д. 1529, л.л. 60—70. Отзыв министра финансов на Туркестанский проект 1873 г. от 3 декабря 1874 г. № 3550.
56. Особой грамотой Александра II, Кауфман наделялся обширными полномочиями, он был подчинен только военному министру и самостоятельно мог решать любые внутренние вопросы политики в Туркестане. Самостоятелен был и в отношении с соседними с Туркестаном восточными странами.
57. ЦГИА Узб. т. 1, оп. 27, арх. д. № 1529, л. 79. Отзыв управляющего ми-

нистерством иностранных дел на туркестанский проект 1873 г. № 3140 от 9-го ноября 1874 г.

58. Там же, л.л. 90—91. Отношение второго отделения собственной ЕИВ канцелярии от 14-го июня 1875 г. № 517.
59. Передовая статья газеты «Голос» от 14 января 1875 г. № 14.
60. По поводу Туркестанского проекта 1873 г. выступили «Петербургские Ведомости» 4-го июля 1874 г. № 181, 11-го июля — 189, 17-го июля-195, 26-го июля—204. Нужно иметь ввиду, что критике подвергались не только раздел IV — поземельное устройство, но в неменьшей степени раздел II — о правах состояния и о местном управлении населением, раздел III — об устройстве суда и раздел VI — о податях. Мы не сообщаем этих замечаний, т. к. это не имеет прямого отношения к предмету нашей работы.
61. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. № 841, л.л. 12—20 — отношение МИД от 9-го ноября 1874 г. № 3140 и замечания в записях на нем Кауфмана.
62. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. № 11286, л.л. 86—90, — типографский оттиск записки от 6-го февраля 1875 г. Есть основание полагать, что данная записка составлялась П. И. Хомутовым.
63. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 19, арх. д. 10, л.л. 20—21 — отношение попечителя СПБ учебного округа от 14 октября 1871 г. № 5553.
64. М. Н. Ростиславов. «Виды земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае». Труды 3-го международного съезда ориенталистов, т. 1, СПБ, 1879 г.
65. Некоторые данные о деятельности русских востоковедов в Туркестане в нашей статье «Ташкент—один из центров русского востоковедения». Журнал «Звезда Востока» № 5 1957 г.
66. Пользуясь данными сообщенными мне покойным профессоров А. А. Семеновым, который с конца прошлого века был на службе в Туркестане и выполняя обязанности то дипломатического чиновника, то заместителя правителя канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, то вице-губернатора Самаркандской области, отлично был осведомлен в этом вопросе.
67. Капитан А. Н. Куропаткин — «Алжирия», СПБ, 1877 г. стр. 67—77. Между прочим, термин «военно-народное» управление принятый для системы Туркестанской администрации был извлечен А. Н. Куропаткиным из Алжирской практики. Там этот термин был введен французскими колониальными властями.
68. К таким, по данным Куропаткина, относились алжирские евреи и иностранцы получившие через натурализацию права французских граждан.
69. А. Н. Куропаткин — указанное сочинение, стр. 74—75.
70. История народов Узбекистана, т. 2, изд. 1947 г. на стр. 255 устанавливается «полная аналогия» положения в Туркестане с тем положением, которое имело место «в ряде колоний западно-европейских держав того времени, например, во Французском Алжире...»
71. История Народов Узбекистана, т. II, стр. 259, изд. 1-е.
72. А. Н. Куропаткин «Кашгария», СПБ, 1879 г.
73. А. Н. Куропаткин — указанное сочинение, стр. 45.
74. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 15, арх. д. № 251, л.л. 1—2, письмо П. П. Семенова-Тяньшанского Кауфману от 1-го июня 187 0г. Там же резолюция Кауфмана датированная 4-го июля 1876 г.
75. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 15, арх. д. № 251, л.л. 22—23 — письмо академика А. Ф. Миддендорфа Кауфману от 15 го декабря 1877 г.
76. Там же, л.л. 9—10, письмо П. П. Семенова Кауфману от 7-го июня 1877 г. № 662.
77. Якуб бек ставший во главе исламского государства Алтышаара (Кашгария) — 1864—1877 г.г. занимал последовательную прозинглийскую по-

зицию. Его агрессивные планы в отношении северного Синьцзяня и интриги в Кокандском ханстве, выходцем откуда он являлся, создавали значительные осложнения в Туркестане особенно на границах с Ферганской областью и в Илийском крае.

78. А. П. Савицкий «К истории правобережного района Аму-Дарьи после присоединения к России». — Труды САГУ им. Ленина, вып. XC—1957 г.
79. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 15, арх. д. № 251, л.л. 44—45 — письмо (автограф) генерала Кауфмана к академику А. Ф. Миддендорфу от 12 апреля 1878 г.
80. ЦГИА Узб. ф. 1, оп .12, арх. д. № 1487, л. 12.
81. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 15, д. № 25, л.л. 42—43. — письмо А. Ф. Миддендорфа к генералу Кауфмана от 5-го апреля 1878 г.
82. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 15, арх. д. № 251, л.л. 51—53 — письмо (автограф) А. Ф. Миддендорфа к генералу Кауфману от 27 апреля 1878 г. из кишлака Нанай.
83. Отличие земель мамляк от амляковых в том, что владение первыми предоставлено государством лицу или обществу, владение вторыми не предоставлено. Первые пользовались правом отчуждения и передачи по наследству.
84. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. № 359, л.л. 1—19. Записка Управляющего Туркестанской казенной палаты П. И. Идарова по поземельному вопросу.
85. ЦГИА Узб. ф. 1008, арх. д. № 43 — отношение Военного Министра от 16 июля 1878 г. № 229 с просьбой о пересмотре проекта 1873 г.
86. ЦИГА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. № 1529, л.л. 33—35 — переработанный проект поземельного устройства 1873 г. Ферганской комиссией.
87. Подлинник настоящего доклада хранится в частном собрании у Н. П. Архангельского. Он любезно разрешил воспользоваться копией с этого документа.
88. ЦГИА Узб. ф. 1008 арх. д. № 43—телеграмма Туркестанскому генерал-губернатору от начальника главного штаба от 23 января 1881 г.
89. ЦГИА Узб. ф. 1 оп. 25, арх. д. № 25, лл. 1—4 — типографский оттиск объяснительной записки к проекту поземельного и податного устройства Туркестанского края 1881 г.
90. Имеется ввиду: проект 1871 г., проект 1873 г., проект комиссии генерала Непокойчицкого и данный проект 1881 г.
91. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. № 1510-а, лл. 53—123—проект положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства 1881 г.
92. История народов Узбекистана, т. II, стр. 259, изд. 1947 г.
93. Там же.
94. Генерал М. Г. Черняев участник боевых действий в Туркестане. В 1864 г. он был начальником ново-кокандской линии, командовал русскими войсками при взятии Ташкента в 1865 г. и был первым военным губернатором Туркестанской области.
95. Из инструкции для ревизии Туркестанского края «высочайше утвержденной» 20 октября 1882 года.
96. Там же.
97. А. И. Добросмыслов «Ташкент в прошлом и настоящем». Ташкент, 1911 г. стр. 472. В той же книге на стр. 258 говорится: «старожилы, близко знакомые с черняевским временем, утверждают, что литератор В. В. Крестовский, имея большое влияние на М. Г. Черняева был повинен не только в упразднении библиотеки (Ташкентской публичной—А. С.), но и многих других полезных учреждений, а также и в оставлении не у дел (за штатом) выдающихся и полезных деятелей в крае. «От режима М. Г. Черняева чиновники дурной репутации, посредственные и слабые мало пострадали, вся же тяжесть режима больного

и безвольного старика управлявшего краем обрушилась на людей дела и более или менее выдающихся способностей....» Сподвижников генерала М. Г. Черняева в Ташкенте того времени называли «зулусами».

98. Ф. Гирс — во многом разделял линию генерала М. Г. Черняева. Повидимому член ревизии Н. Ф. Петровский не мог забыть и простить генералу К. П. Кауфману того, что по настоянию последнего в начале семидесятых годов он вынужден был покинуть Ташкент. Тогда он был агентом министерства финансов в Туркестане. Впоследствии он много сделал для изучения Средней Азии и по праву считается видным туркестановедом, но участвуя в ревизии края был, кажется, не всегда объективным.
99. «Отчет о состоянии Туркестанского края, составленный сенатором тайным советником Гирсом, командированным для ревизии края по высочайшему повелению» — в 2-х частях, типографский оттиск 1882 г.
100. Ф. Гирс «Объяснительная записка к проекту положения об управлении Туркестанским краем», 1882 г. — типографский оттиск.
101. Н. Ф. Петровский выдающийся востоковед много трудившийся над изучением Средней Азии, но, повидимому, и он не мог забыть своих обид на генерала Кауфмана. В семидесятых годах он был в Ташкенте в роли агента министерства финансов и отношения между ними были довольно натянутыми.
102. Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса, раздел «финансы», стр. 10—11.
103. Отчет ревизии Гирса, раздел «финансы», стр. 12—13.
104. Отчет ревизии Ф. Гирса, раздел «Подати», стр. 36—44.
105. Там же, стр. 79—80. Следует указать, что разница в платеже податей в Туркестанском крае объясняется различными доходами. При исчислении подати исходили из доходности получаемой с земли. В Ферганской области такая доходность была выше нежели в других областях. Этот вопрос Ф. Гирс старался обойти, стремясь опорочить организационные принципы Кауфмана. Между тем, как известно, в дальнейшем эти принципы Кауфмана были утверждены законодательно.
106. ЦГИА Узб. ф. 1008, арх. д. № 50 — материалы комиссии графа Игнатьева. Из числа членов комиссии Абрамов (б. Ферганский военный губернатор покинувший край с приездом Черняева), Проценко, Куропаткин, Соболев, Череванский, Кун, Щербинский долгое время работали в Туркестанском крае и, конечно, были осведомлены о состоянии дел в Средней Азии.
107. Быстрое удаление генерала Черняева из Туркестанского края следует считать весьма положительным явлением. За свое короткое пребывание здесь, он успел причинить много вреда делу развития страны. Время пребывания его в роли Туркестанского генерал-губернатора отмечено чертами крайней реакционности.
108. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 25, арх. д. № 31 — протоколы заседаний комиссии графа Игнатьева в 1884 г.
109. Стремясь угодить Черняеву Гирс официально сообщил ему, что продолжение организационных работ в Кураминском уезде Сыр-Дарьинской области начатых по распоряжению генерала Кауфмана он не считает нецелесообразным. Черняев тотчас же велел эти работы прекратить Члены комиссии графа Игнатьева туркестанцы в заявлении 9-ти возбудили вопрос об отмене распоряжения Черняева и о продолжении начатых работ. Комиссия единогласно поддержала туркестанцев и следовательно действия Черняева—Гирса были признаны совершенно не обоснованными и принципиально неверными.
110. ЦГИА Узб. ф. 1008, арх. д. № 50 — проект положения об управлении Туркестанским краем составленный комиссией графа Игнатьева — типографский оттиск.

111. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 25, арх. д. 27. л.л. 6—7 — отзыв министра внутренних дел военному министру от 11-го ноября 1884 г. № 857 с замечаниями на проект Туркестанского положения комиссии графа Игнатьева.
112. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 25, арх. д. № 27, л.л. 33—37 — отношение министерства иностранных дел от 12 февраля 1885 года № 505 — заключение на туркестанский проект комиссии графа Игнатьева.
113. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 25, арх. д. 27. лл. 101—104 — представление Туркестанского генерал-губернатора военному министру от 8 декабря 1884 г. № 7292 с замечаниями на проект положения об управлении Туркестанским краем выработанный комиссией графа Игнатьева.
114. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 25, арх. д. № 19, лл. 36—49 — свод замечаний министерств, государственного контролера и Туркестанского генерал-губернатора на проект управления Туркестанским краем с объяснениями и возражениями на оные военного министра по соглашению с генерал-адъютантом графом Игнатьева.
115. ЦГИА Узб. ф. 1, оп. 27, арх. д. № 11-а, лл. 14—18—66 — материалы обсуждения Туркестанского проекта в Государственном Совете 1886 г. журнал № 37.
116. Полное собрание законов Российской империи, т. VI, СПБ, 1888 г.
117. История народов Узбекистана, т. II-ой, стр. 267, Ташкент, 1947 г.
118. История Узбекской ССР, т. I кн. 2-я, стр. 112, Ташкент 1956 г.

Оглавление

Стр.

1. Введение 3
2. Глава I. Реформа Кауфмана 3
   1. Первоначальные мероприятия 14
   2. Записка полковника Николаева 16
   3. Материалы комиссии генерал-майора Гомзина . . 29
   4. Комиссия по поземельному устройству Туркестанского края под председательством генерал-майора Абрамова . . 47
   5. Поземельное устройство в проекте положения об управлении Туркестанским краем 1873 г. 58
   6. Письмо Кауфмана, разъясняющее сущность проекта 1873 г. 74
   7. Привлечение на работу в край востоковедов и командировка в Алжир и Кашгарию А. Н. Куропаткина . . . 80
   8. Академик А. Ф. Миддендорф в Туркестане . . . 84
   9. Продолжение изучения истории и основ землевладения в Средней Азии 90
   10. Поземельное устройство Туркестанского края в проекте 1881 г. 104
3. Глава II. Поземельное устройство в Туркестанском положении об управлении краем 1886 года 114
   1. Ревизия Туркестанского края сенатором Гирсом и представленный им проект поземельного устройства . . 115
   2. Поземельное устройство Туркестанского края в материалах комиссии графа Игнатьева 129
   3. Замечания министерств и туркестанской администрации на проект положения об управлении Туркестанским краем, составленный комиссией графа Игнатьева . . . 144
   4. Раздел поземельного устройства в положении об управлении Туркестанским краем 1886 года . . . 156
4. Приложения 156

Р05107 Сдано в набор 3.XI-1962 г. Подписано в печать 20.I-1963 г.
Объем 13 п. л. Уч.-изд. 14,5 Тираж 500 Цена 91 коп. Заказ 2685

Типография Управления Делами Совета Министров УзССР — 1962
г. Ташкент, Дом Правительства, ул. Абдуллы Тукаева, 5

91 коп.